

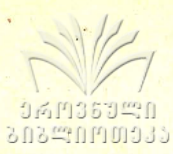
№ 8 • 1963

საქართველოს
ლიტერატურის

ლიტერატურная **Г**рузия

10.335/
1963/2

10.335
1963/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная **Г**рузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

085537

8

✓ ШАЛВА АБХАИДЗЕ. Родина моя. Второе небо. Дождь. Стихи. Перевод с грузинского Е. Николаевской	3
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Дорога, матросы и принцесса. Маленькая повесть	5
✓ МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Дорога. Тбилиси. Стихи. Перевод с грузинского Ю. Мориц	31
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Вверх и вниз. Рассказ. Перевод с грузинского А. Абуашвили	32
ГЕОРГИЙ ШАТБЕРАШВИЛИ. Мельник из Твалати. Рассказ. Перевод с грузинского И. Дадiani	45
ИОСИФ НОНЕШВИЛИ. Лесе Украинке. Стихи. Перевод с грузинского Р. Заславского	50
ОРДЭ ДГЕБУАДЗЕ. Королева утренней зари. Приключенческая повесть. Перевод с грузинского М. Эсакия. Продолжение	51
ВЛАДИМИР ЭЛЬСНЕР. Наш век. Стихи	62

ПУБЛИЦИСТИКА

ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ. Всегда с партией, всегда с народом	63
---	----

ОЧЕРКИ

БОРИС ШАТБЕРАШВИЛИ. Сквозь дали без числа	68 ✓
---	------

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЛАДИМИР ОГНЕВ. Заметки о поэзии Николая Заболоцкого	74
--	----

А В Г У С Т
1 9 6 3

См. на обороте

ВЛАДИМИР ДЖИБУТИ. Роман о любви и верности 80

ГЕОРГИИ ЦИЦИШВИЛИ. Ценный вклад в изучение
литературных связей братских народов 84

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

АЛЕКСАНДР ГОМИАШВИЛИ. Незабываемые встречи 87

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Зарубежные отклики на фильм «Прерванная песня» 90

Редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), **М. ЗЛАТКИН,**
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе 14, телефон 3—44—08.

Шалва АБХАИДЗЕ

РОДИНА МОЯ

Мое дыхание — ты, надежд вершина,
Свет глаз моих, полет моей мечты!
Ты — кровь моя, бегущая по жилам,
Мое сердцебиенье — тоже ты...
Все бездны, все невзгоды я мгновенно
Ради тебя готов преодолеть,
Чтоб видеть пламя планов дерзновенных
И славы чистый свет — сейчас и впреды!..
Ты, вместе с тем, травинки малой шелест,
Влюбленных шепот, шорохи ручья,
Ты — звуки песен, что над люлькой пелись,
О Родина моя!..

ВТОРОЕ НЕБО

Как будто там второе небо—
За голубыми небесами!
Как будто бы незримый некто
Его усыпал чудесами...
Остановись, взгляни, послушай!
Не шествуй, равнодушно мимо:
Вот это небо входит в душу,
Как звон колоколов незримых.
Цвет голубой, прикрывший сосны! —
Мне кажется (даю в том слово!),
Что будто лишь вчера он создан —
Так чист, так свеж —
Совсем, как новый!..
Цвет голубой! Высокий, чистый.
Миллиарды лет тебе? Не верю!..
Иду опушкой тенистой,
Ищу, ищу следы Этери.
Я песни ветра слышу снова,
И исчезает боль и хворость.
И кажется: в лесу сосновом
Этери собирает хворост...
От шелеста травы пьянею,
От щедрости небес несметной...
А песня ветра — все слышнее
В ее душе кристально светлой.

ДОЖДЬ

Без остановки шел он и шел он,
Как неприкаянный, дождь беспрестанный.
День был свинцовый,
День был тяжелый...
Скрыта была ты завесой туманной —
Как тебя ждал я,
Грусть моя, свет мой,
Скрытая ливнем, скрытая ветром.
Каждая капля — свинцовая пуля...
Ветер рыдающий бился о крыши.
Ливень бесчинствовал —
Не потому ли
Милого голоса я не услышал?
Дождь продолжал все литься и литься,
Слепо окошко, мерзло и мокло,
Капли дождя все стучали, как птицы,
Мокрыми клювами в мокрые стекла.
Ливень лил. Молния била над далью,
Молния грусти... Молния страсти...
Как я скучал!
Но тебя не видал я,
Ты была спрятана в ливне, в ненастье.
Ждал я и думал:
Лучше томиться!
Пусть ожиданью не будет границы,
Лучше пусть ливню литься и литься,
Чем с сокровенной мечтою проститься,
Чем потерять вдруг надежду и веру,
Дать унести их беспутному ветру...

Перевод с грузинского Е. Николаевской

Михаил ЛОХВИЦКИЙ

Дорога, матросы и принцесса

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Огни в Новороссийске не горят.

С моря заходят немецкие бомбардировщики.

Эшелон трогается. В вагоне темно. В крохотное окошко наверху ничего не разглядеть. Звонкие хлопки корабельных зениток затихают в торопливом перестуке колес.

Ночью поезд останавливается. Я толкаю дверь, выглядываю: крутой стеной к небу поднимаются горы.

Утром сдвигаем тяжелую дверь теплушки и видим, что паровозный дым ползет уже по степи. На ободренные ветром сугробы падают угольки, делая снег похожим на усеянную угрями кожу. Плавно опускаются и поднимаются от столба к столбу заиндевшие нитки проводов. На полях торчат высохшие комли кукурузы.

Эшелон застревает на разъезде. Мы бежим к паровозу напиться. Вода теплая, безвкусная, но нас мучает жажда — утром мы съели последние четыре селедки.

Впереди грохочет паровоз. Пригибая рельсы, мелькают пульмановские вагоны. На дверях висят пломбы. Сашка Рубанов провожает взглядом тормозную площадку последнего вагона. На ней зябится, закутавшись в тулуп, часовой.

— Снаряды. На фронт, — говорит Сашка.

— Снаряды на фронт, а нас в тыл, — Мишка Кофман плюет через выщербленный осколком зуб и елозит по шпале носком хромового ботинка. — В экипаже говорили — кадры флота хотят сберечь.

— Травля! — возражает Коля Быстрый. — Кто теперь о флотских кадрах думает. Я слышал — на Волге хотят создать флотилию, но... — Он качает головой и хмурится. — На фронте черт знает что! Мы этого не знаем. У нас еще было ничего, а послушайте, что солдаты рассказывают... Каждый человек дорог, а нас — в тыл!

Мы знакомы две недели. Для войны это большой срок.

Сашка Рубанов — кочегар. Он из Белоруссии. Во флоте служит давно, должен был демобилизоваться осенью сорок первого. Мишка Кофман — рулевой, одессит. Коля Быстрый — машинист, из Николаева. Коля — единственный из нас имеет гражданскую специальность, работал до службы токарем. Настоящая фамилия Быстрого — Бойко. «Быстрым» назывался эсминец, налетевший на мину. Эсминец затонул. Колька выплыл. Он часто вспоминал службу на эсминце, и его прозвали «Быстрым». Ему это нравится.

— Пошли в теплушку, — говорит Быстрый.

Мы идем вдоль вагонов. Мишка Кофман заглядывает в открытые двери, щупает взглядом людей.

— Разнокалиберная публика, — заключает он. — Гражданские, разбавленные пехтурой, да бабья с дармоедиками четыре вагона.

По эшелону прокатывается переключка буферов. Вагоны дергаются. Мы забираемся в теплушку.

И снова степь убегает назад — кажется, что громадный плоский диск вращается вокруг невидимой оси. Чем ближе к поезду, тем диск вращается быстрее.

На станциях эшелон не останавливается. Названия вокзалов пропускаются, как воспоминания о мирном времени.

За ночь паровоз выдыхается.

Когда поднимается солнце, поезд останавливается.

— Выла-а-азь! — протяжно кричит кто-то.

— Вылезайте из вагонов!

Дядька в железнодорожной фуражке идет вдоль эшелона и объясняет, что впереди подъем и надо освободить теплушки. Люди, лениво поругиваясь, вылезают на насыпь. Паровоз устало посапывает, набирая пары.

Мы наблюдаем с холма за тем, как машинист начинает пятить вагоны. Эшелон укатывает далеко назад. Кто-то истерически вопит:

— Вещи! Наши вещи!

Кофман хватается за живот.

— От дура! Не бойся ты, жмот! Он разгон берет!

Паровоз, пыхтя, приближается. Из окошка торчит острая бородка машиниста. Он размахивает руками.

— Помочь? — спрашивает Быстрый.

Бородка утвердительно трясется.

— А ну, Сашка, scomандуй!

— Пассажиры-ы! — орет Рубанов. — Толкай вагоны-ы!

Мы бросаемся к первой теплушке. Кофман хохочет.

— От эта езда! Взяли-и! Люди-и, пихайте ж... паровоз!

— Заткнись! — Быстрый сердится. — Тут женщины.

* * *

Мы голодаем. Продукты получили на два дня. Съели их за один.

Когда встречаются заросли подсолнечника, мы выпрыгиваем из теплушек и бежим по полю, увязая в разбухшей земле.

Десятки рук тянутся из дверей, но мы бросаем черные тарелки подсолнухов только в средние вагоны — там едут женщины с детьми. Потом догоняем свой вагон, дыша с присвистом, как загнанные лошади, забираемся на нары и лузгаем подсолнух.

С попутчиками говорим мало. Все они пожилые, угрюмые и неразговорчивые. В первый день мы предложили желающим перекусить с нами. Кое-кто согласился. А теперь пассажиры лежат на нарах, спят, шепчутся и, возможно, урядкой едят.

Мишка вздыхает:

— Эх, гитару бы мне. Развеселил бы всех.

— А ты без гитары, — говорит Быстрый.

Мишка прищуривает один глаз.

— Под аккомпанемент колес и храпа? Добро. Что вам исполнить?

Нет, кажется, песни, которую бы он не знал и не пел. Голос у него небольшой, но пение берет за душу. Он поет одну песню за другой. После первой говорит:

— Это как рюмка водки.

После второй:

— Этой закусим. Теперь будет первое блюдо.

Через час он спрашивает:

— Ну как, сыты?

Подъезжаем к станции.

Вокзал напоминает муравейник, в который сунули палку. Сотни людей кидаются к вагонам, поднимая над головой узелки и баулы, волоча тяжелые деревянные сундуки и кожаные чемоданы.

Мы стоим на платформе у двери. Впереди Рубанов, чуть позади Быстрый, Кофман и я. Толпа расшибается об Рубанова, как о скалу, и растекается по соседним теплушкам. Я вижу, что люди затолкали молодую женщину в серой шубке с ребенком на руках, вижу огромные, кричащие о помощи глаза.

Влезаю в толпу, расталкиваю людей локтями, пробиваюсь к женщине, поднимаю с перрона чемодан и беру на руки девочку.

Рубанов делает шаг нам навстречу. Он возвышается над людьми, словно башня, и толпа сразу редет.

Мы вталкиваем женщину с ребенком в теплушку.

— Верхние нары! Слева в углу! — кричу я.

Немного погодя оглядываюсь. Женщина стоит у печурки, теребя шубку. Девочка сидит на чемодане.

— Залезайте на нары, что же вы!

В теплушке гудят:

— Матросских шлюх не хватало.

Рубанов поворачивается, словно его укусили, и влетает в теплушку.

— П-простите, я н-не рас-слышал, — слегка заикаясь, ласково говорит он.

В вагоне становится тихо.

— Мы уступаем свои места, — объясняет Сашка, подсаживает женщину, передает ей девочку и чемодан и, усмехаясь, возвращается на платформу.

— Чего вы ее в наш вагон? — спрашивает Быстрый. — И так тесно.

— У нее пацанка, — оправдывается Рубанов.

— Тут дело не столько в ребенке, сколько в маме, — говорит Кофман, — она была бы заметной даже на Дерибасовской.

— Ка-ак двину, — грозно говорит Рубанов.

— Не буду, Сашок, не буду, — торопливо произносит Кофман. — Я просто констатировал факт. Но песни петь вы мне не запретите?

Рубанов показывает кулак.

У других вагонов продолжается свалка.

— Пойдем, Мишка, на продпункт, — говорит Быстрый. Кофман кивает. Они берут пустой вещевой мешок и уходят.

Рубанов к чему-то прислушивается, крутит головой и задирает голову к небу. Прозрачная голубизна дышит спокойствием. У солнца греется белое облачко.

— Летят, — тихо говорит Рубанов. — Слышишь?

— Да.

Станция вымирает вмиг.

Подле перрона на почерневшем от мазута гравии розовеет погремушка. Рубанов поднимает ее, обтирает пальцами и сует в карман.

Воеет бомба.

У меня ноги делаются ватными. Рубанов тянет меня за рукав и указывает на рельс под вагоном.

Сквозь доски на голову нам протекает детский плач. Рубанов держится, чтобы вылезти, осматривается и снова садится.

— Куда его денешь... Эй, в вагоне, не бойтесь, в нас не попадет!

Он сворачивает сигарку. Махорка сыплется на шпалу.

— Почему не попадет? — спрашиваю я.

— Так нужно.

Взметы взрывов огораживают станцию частоколом.

— Видишь? Мазилы, — сипло выговаривает Рубанов.

Из развороченной крыши станционного склада выплескивается рыжее пламя. Гул самолетов отдаляется.

Рубанов лижет газету, склеивает сигарку и прикуривает, сдвинув бесцветные брови.

— Вылазь. Кончилось.

Станция медленно оживает.

Подходят Быстрый и Кофман. За ними сутулятся старичок с бородкой клинышком.

— Почти свежая новость, — говорит Кофман. — Продпункт утром сгорел от бомбы. Предлагаю сложить зубы в вещмешок. А это наш машинист. — Мишка кивает на старичка. — Он считает, что лучше ехать, чем стоять. — Он поправляет бескозырку и сверкает зубами. — Учитывая, что станцию часто бомбят...

— На станции есть военный комендант и есть уголь, — уточняет Быстрый. — Пойдемте.

— Мы решили сделать небольшой шум, — говорит Кофман. — Комендант из запасников. Понятно?

Широко распахнув дверь, вваливаемся в комендатуру. Машинист прячется за наши спины. Мы начинаем кричать и старательно, будто заколачивая гвозди, молотить по столу кулаками.

На коменданте коробится новая гимнастерка с двумя кубиками на петлицах. Он вздрагивает при каждом ударе по столу, страдальчески морщится, словно слышит фальшивые ноты, и устало поглядывает на нас красными, припухшими глазами. Улучив момент, он говорит:

— Угля нет.

— Уголь есть, — опровергает Быстрый.

— Уголь для военных эшелонов, — возражает комендант.

— В нашем эшелоне женщины с детьми! — заявляет Рубанов.

— Меня расстреляют, — объясняет комендант, — если я задержу воинский эшелон.

— Вас все равно убьют, — говорит Мишка Кофман. — Не мы, так другие. Вы на фронте еще не побывали?

Узкий воротник гимнастерки сдавливает дряблую шею коменданта. Он расстегивает дрожащими пальцами крючки, пуговицу, поглаживает кадык и вздыхает.

— Берите уголь. Сейчас я скажу...

Мы выходим, подпихивая машиниста в спину.

Грузим уголь и едем дальше.

И снова паровозный дым ползет над землей.

Дни походят на ночи, а ночи на дни.

Когда эшелон останавливается, люди высыпают из теплушек. Сразу за насыпью усаживаются на корточки женщины, немного поодаль мужчины.

От эшелона отстает старик солдат. Он не успевает застегнуть штаны и бежит за поездом. Штаны сползают. Старик падает. Помочь ему нельзя — вагоны мчатся под уклон, толкая паровоз.

Проезжаем, не останавливаясь, какую-то станцию. А километров через сорок надолго застреваем в степи.

— Вот гады! — ругается Кофман. — То продпункт сгорел, то мимо проскочили. А жрать что?

— Плохая организация, — говорит кто-то из темноты, — готовились, готовились к войне, а даже питания и то наладить не можем.

— Заткнись! — говорит Кофман. — Критик мне тоже нашелся.

— Да вы же сами...

— Я это я.

Мы натаскали в теплушку уголь и щиты от снежных заносов. Печурка жарко пылает. Спим в две смены — место Рубанова и мое заняла женщина с девочкой. Девочка что-то лепечет. Женщина снимает шубку, открыв хрупкие плечи, распускает и расчесывает длинные волосы. И от этого в теплушке становится уютно.

Кофман уверяет, что женщина очень красива. Не знаю, красива она или нет. Мне просто приятно сидеть у печки и смотреть на нее, на то, как она причесывается. Она тоже смотрит на меня, и глаза у нее делаются ласковыми. Ребята словно сговорились, не обращают на нее никакого внимания, даже не смотрят. Они почему-то решили уступить это право мне. Я смотрю на нее и вспоминаю девочку, которая сказала, что будет ждать, когда я вернусь из далекого плавания. С тех пор как я обещал девочке не забывать ее, прошло много лет. Мы не встречались с ней больше, и я не знаю, где она. Может быть, это она сидит теперь на нарах, смотрит на меня и не узнает? А может, узнала и ждет, когда я узнаю ее?..

С нар высовываются сапоги, валенки, подшитые резиной, ботинки и туфли на высоких каблуках. Из полумрака слышатся тихие голоса.

— Мне бы хоть до Саратова, там родственники.

— В Саратове не сховаешься. Они и туда дойдут.

— Не говорите так!

— Бояться, собственно, нечего. Народ культурный. Шиллер, Гёте, Гейне, наконец, Маркс, Энгельс.

— Чепуха!

— Рабочий класс Германии еще покажет себя.

— Да-а, все они одинаковы. По той войне знаю.

— Мы всё бросили. У нас дача в Аркадии...

— Они всегда говорили: драг нах остен.

— На фронте хаос. Зять заезжал, рассказывал. Командир полка сдался вместе со штабом. В небе одни немецкие самолеты.

— Наш завод эвакуируют за Урал. Семья уже на месте.

— Дочка с мужем были во Львове. Ничего не знаю о них.

— Объявлена Отечественная война. Народ поднимается.

— Главное техника. Вся Европа на них работает.

— Народ все выдержит, все осилит.

— Народ — это мы, товарищи, а у нас тоже предел есть.

— У каждого по отдельности есть, а у всех вместе нет предела.

— Предел, предел! Меньше хвастаться надо было. Это вам не Халхин-Гол и не финская. Видите, отступаем как.

— Тактика Кутузова.

— Сводку слышали? Бои на всех фронтах, особенно на Вяземском, Брянском и Калининском направлениях. Мариуполь оставили. Вовсю драпаем.

Рубанов оборачивается, хватается за чей-то ботинок.

— Эй, ты! Заткни глотку!

Голос затихает.

Девочка плачет, пряча лицо на груди матери. Я поднимаюсь с чурбачка, подхожу к нарам.

— Заболела?

— Голодная...

Я беспомощно оглядываюсь.

— Слышишь, Сашка?

Рубанов роется в карманах и достает розовую детскую погремушку.

— Пусть поиграет.

Я передаю погремушку женщине. Она грустно улыбается.

Девочка перестает плакать и начинает разглядывать игрушку.

Рубанов встает, проходит вдоль нар, разглядывает ноги, потом тянет валенок, обутый в новенькую галошу.

— Товарищ, нет ли у тебя чего-нибудь поесть? Ребенок голодует.

Я расталкиваю мужчину в шевровых ботинках.

— Извините...

От мужчины пахнет чесноком. Он долго возится с чемоданом, что-то перекладывает, достает и снова прячет.

— Нет у меня ничего.

Голос кажется знакомым. Это он говорил о Шиллере и о Марксе. Я рывкаю, подражая Сашке:

— Заткни глотку! Доставай что есть!

Мужчина вытаскивает из чемодана черствую булку и тычет ею мне в грудь.

— Размочите в воде! — Яростно шипит он. — Чтоб вам провалиться.

Женщина дремлет, обняв дочку. Я дергаю ее за руку. Она слабо вскрикивает и поднимается словно от удара.

— Вот, возьмите.

Я протягиваю то, что добыли мы с Сашкой: булку, два сухаря, ломтик сала и кубик пиленого сахара, обсыпанного махоркой.

Женщина встает на колени:

— Ирочка, Ирочка, проснись.

Я отхожу, беру совок и принимаюсь забрасывать в печурку уголь.

Рубанов с хрустом зевает.

— Я разбуду вахту. Пора и нам придавить клопа.

Зевая и почесываясь, соскакивают с нар Быстрый и Кофман. Рубанов проворно скидывает ботинки, ложится, укрывается бушлатом и мгновенно засыпает. Я лежу на боку. Женщина вздыхает во сне и что-то невнятно говорит.

Я прислушиваюсь, но не могу разобрать, что она сказала. Слабо пахнет духами. Мне не спится. Женщина поворачивается, откидывает руку. Теплые пальцы касаются моей щеки. Я замираю, боюсь шелохнуться. Не то наяву, не то во сне я слышу шепот: «Я буду ждать тебя».

капитан. Всегда. Но когда ты вернешься из плавания и мы встретимся, ты возьми меня с собой. Хорошо?..».

Вскрикивает во сне девочка. Сашка толкает меня в бок.

— Слышишь? Ты спишь?

— Нет.

— Голодная. Надо что-нибудь придумать.

* * *

Мы стоим у теплушки. Дует ветер. Полосы снега на полях просвечивают сквозь темноту. Вдали поыхивает паровоз. Облачко искр тает в мутном небе.

— Мы с Сашкой, — говорит Быстрый, — двинем в сторону паровоза, а вы идите к хвосту. Все, что соберете, тащите в нашу теплушку. Если эшелон тронется, лезьте в любой вагон. Особо не зарывайтесь. Слышишь, Мишка?

— Сам знаю, не маленький.

Мы подходим к соседней теплушке. Кофман кричит:

— Эй, в вагоне! Откройте!

Никто не отзывается. Кофман колотит кулаком по двери. Слышно, как в теплушке совещаются.

— Матросы мы, матросы! Дело есть!

Дверь отъезжает, оставив узкий лаз.

В теплушке чадит копилка. Множество глаз сторожит наши движения.

— Холодище у вас, — Кофман пинает ногой погасшую печку. — Непорядок. Кто помоложе, сбегайте за щитами. А ну, живей! Распоряжение коменданта эшелона.

Когда печурка разгорается и в вагоне становится веселее, Мишка снова говорит:

— А теперь слушайте меня! Чтобы без лишних слов. В эшелоне едут дети. Кто даст для детишек из своего пайка?

Люди роются в вещевых мешках. Я складываю в бескозырку кусочки сахара.

В своей теплушке мы встречаемся с Быстрым. Он принес чай-то вещевого мешок с сухарями и четыре банки свиной тушонки. Быстрый глядит на нашу скромную добычу и презрительно выпячивает нижнюю губу.

— Жидковато. Одному ребятенку только на зуб положить.

Мишка Кофман отвечает возмущенным взглядом.

Быстрый встает по стойке смирно и с дрожью в голосе произносит:

— Голодные дети едут. Кто против таких слов устоит? Одессит! Шуточками людей пронять хочешь? Это тебе не песни петь!

Кофман молча спрыгивает на насыпь.

— Не отставай!

Когда я догоняю его, он начинает бросать короткие, сердитые слова:

— Слыхал? Трепач! Песни! Я ему покажу! Мешочников! Отбирать!

Мы забираемся в теплушку. Я вижу мешки, сложенные на нарах. Мишка толкает меня в бок.

— Видишь? Граждане! — громко говорит он. — Мы из комендатуры эшелона. Проверка вещей! Это чьи?

Он нагибается пощупать мешки и отлетает от толчка в грудь.

— Не лапай!

Мишка ощеривается, хватает за ногу долговязого человека, сидящего у мешков, и сбрасывает его на пол.

— Мешочник!

Вагон гудит:

— Не имеет права!

— Бандюги!

— Бей их!

Толстяк в телогрейке вытискивается задом к печурке. Мишка ловко бьет его по затылку. Толстяк падает, свалив печурку. Я затапываю тлеющие угли. Мишка бьет долговязого, тот хрипит:

— Не дам! Мое. На одежду выменял. Врешь! Никакой комендатуры!

Истощенно голосит женщина. С верхних нар спрыгивает растрепанный верзила. За ним другой — в грязной майке и с татуировкой на плече. У меня вдруг начинает болеть живот. Мишка сует руку в карман.

— Стрелять буду!

Вагон стихает.

Верзила останавливается, будто наткнувшись на кончик ножа.

— Да мы тебе хотели помочь, морячок! У него сала да сухарей полные мешки. И мы просили — не дает, гнида! — Он ударяет долговязого ногой.

— Лежачего не бьют, — бросает Мишка. — Обойдусь без помощников. Нет, стой! Развяжи мешок!

Парень в майке раскручивает шпагат на мешке и вытаскивает кусок розового сала.

— Нагружайся, — говорит мне Мишка.

Я подхожу к мешку и принимаюсь совать в карманы и за пазуху куски сала.

Громадная тень взметывается по стене.

— Полундра! — кричит Мишка.

Я оборачиваюсь. Долговязый стоит, подняв кочергу. Я отскакиваю и бью его ногой в живот. Долговязый роняет кочергу и скрючивается. Я с испугу смотрю, как он хватается воздух широко открытым ртом. Впервые в жизни я так ударил человека. Чтобы не видеть страдальчески выпученных глаз, я отворачиваюсь.

Теплушка дергается, стучит колесами. Мишка ругается себе под нос, подходит к мешкам и распахивает сало по карманам. Верзила что-то шепотом спрашивает у него. Мишка кивает. На нарах шевелятся. Мишка обводит бледные лица людей угрожающим взглядом. В открытую дверь врывается холодный ветер. Я поеживаюсь. Парень в майке достает из кармана сухарь, большой перочинный нож, нарезает на куски ломоть сала и протягивает товарищу с половинкой сухаря. Верзила ест, тяжело ворочая челюстью.

Долговязый глухо стонет. Я прошу:

— Помогите ему кто-нибудь.

Толстяк в телогрейке поднимает долговязого и, опасливо озираясь, на меня, укладывает на нары.

— Уйдем, — шепчу я Мишке.

— Дура! Куда уйдешь? Ты его вовремя двинул. Чуть без черепашки не остался. — Он криво усмехается. — Привыкай, салага.

Парни, чавкая, едят сало. С нар смотрят испуганные, ненавидящие глаза. Мишка передергивает плечами и оглядывается на открытую дверь. Во тьме слабо мелькают телеграфные столбы.

— Полезли по буферам, — тихо предлагаю я.

— Угробимся. Обожди, поезд скоро станет. — Мишка смотрит на людей, о чем-то думая. — Товарищи, если кто рубать хочет, берите сало.

Никто не трогается с места.

У меня мерзнет спина. Люди молчат. И от их молчания мне становится все страшнее. Они ведь не поверили, что мы взяли сало для детей.

Я снова объясняю:

— Мы не для себя, знаете. Честное слово. Для малышей взяли, которые в эшелоне.

С нар высовывается бабья голова, обвязанная платком.

— Ишь, святые, для малышей! Человека чуть не убили.

— Молчать! — рявкает Мишка. — Мы на станции всех вас пощупаем — кто честный, а кто спекулянт!

Баба прячется.

Поезд не останавливается. На верхних нарах о чем-то тихо говорят.

Я смотрю на Мишку.

— Вдруг он всю ночь идти будет?

— М-да. Не сдрейфишь? По крышам если? Вы, непрошенные помощники, пойдите сюда!

Парни подходят к нам.

— Мы сворачиваемся, — объявляет Мишка. — Вы тут за старших будете. В случае чего, бейте за мою душу. Помогите нам на крышу влезть. Поняли? Сперва меня поднимите. — Он толкает меня локтем. — А ты отойди, держи руку на пистолете. Я их потом с крыши под прицел возьму.

— Не бойся, не сбросим, — говорит татуированный. — Сами такие.

Я сую руку в карман и сжимаю пальцами сухарь.

Парни подсаживают Мишку, потом меня. Когда ветер начинает рвать меня с крыши, в вагоне раздаются громкие голоса и ругань.

— Дерутся, — сипло кричит Мишка. — Вовремя мы. Слышишь?

Из вагонов с воплем вылетает человек. Скатившись с откоса, он врезается в сугроб.

— Мешочник, — определяет Мишка. — Расправились.

Обледеневшая крыша ходит ходуном. Мы доползаем до края вагона и заглядываем в черный провал. Колеса стучат с железным звоном.

— Молись, друг, — хрипит Мишка. — Влипли мы с тобой.

— Это все ты. Для чего же ты так?

— Не скули. Прыгать будем.

— Сорвемся.

— Замерзнем тут.

— Вернемся, Мишка.

— Выбросят, как того. Я первый. Ты наблюдай. Оттолкнешься — падай плашмя.

Я приподнимаюсь. Серые крыши вагонов зыбко колышутся.

Мишка широко расставляет ноги и перебрасывается на другую крышу. Грохочет железо. Мишка отползает от края.

— Давай. Не робь.

Я завязываю ленточки бескозырки под подбородком, встаю с решимостью отчаяния и, зажмурившись, прыгаю. Я падаю на четверень-

ки, скользну, срывая ногти о льдистое железо. В воздухе меня пере-
ворачивает. Я падаю ногами вперед, слыша удаляющийся крик Мишки.

Я влетаю в густые придорожные кусты, словно в щетку. Придя в
себя поднимаюсь, тупо соображаю: жив. По лицу течет горячая струй-
ка. Я вытираю горсткой сухого снега кровь со лба и смотрю на рельсы.
Мелькает и пропадает красный огонек. Где-то наверху звенят провода.

Что теперь делать? Я смотрю вслед эшелону. У меня только один
выход — идти по шпалам до первой станции.

Под бушлатом что-то выпирает. Я сую руку за пазуху и вытаски-
ваю кусок сала. Сало согрелось на груди. Во рту собирается слюна.
Я подношу сало ко рту. Оно теплое, мягкое, жирное. К горлу подступа-
ет тошнота. Не то, чтобы я вспомнил про детей или про человека, ко-
торого я ударил, нет, просто я не могу есть это сало.

Ветер гонит по полю поземку, перегоняет через рельсы, несет
дальше. Я прячу сало и иду по шпалам, спрятав озябшие руки в кар-
маны. У меня болит нога. Я хромаю.

По обеим сторонам пути лежит степь — широкая, унылая, словно
уснувшая под снегом. По небу ползут низкие, лохматые тучи.

Странное ощущение возникает у меня — будто кто-то смотрит мне
в спину. Я прохожу еще несколько шагов. Хочется оглянуться — и
жутко оглядываться. Я прислушиваюсь, но ветер бьет в лицо и ничего
нельзя разобрать, кроме гудения проводов.

Я оборачиваюсь, пригибаюсь, чтобы лучше видеть. Меня нагоняет
высокий черный человек. Он идет быстрыми мелкими шагами, и мне
кажется, что он плывет над землей. Я не могу ни отступить в сторону,
ни побежать, ни крикнуть. Я стою, словно приклеившись подошвами
к шпалам.

Человек вытягивает шею и приглядывается. Он тоже боится! Мне
сразу становится легко.

— Эй! — окликаю я. — Поди сюда!

Человек медленно приближается. Позади меня разгорается какое-
то зарево. Я догадываюсь — поезд. Человек садится на корточки, хва-
тает камни, и я узнаю долговязого. Глаза его отражают луч паровозного
прожектора и горят, словно глаза зверя.

— Матрос!.. Матрос!.. — вскрикивает он.

Я различаю на лице долговязого каждую морщинку. В коротко
подстриженных усах белеют седые волоски, верхняя губа приподня-
лась, обнажив кривые, прокуренные зубы. На щеке чернеет ссадина.

Гул позади меня стремительно нарастает. Сейчас мне конец, сей-
час всему конец... Лицо долговязого становится ослепительно белым.
Он кидается ко мне. Я кричу. Он хватает меня за ворот бушлата и от-
брасывает в сторону.

С грохотом и ревом, обдав мое лицо жаром, пронесется паровоз,
пролетают платформы, груженные стеллажами с большими остроко-
нечными чушками. Поезд весь словно огромный снаряд, направленный
в сторону фронта.

Когда гул смолкает, долговязый тычет кулаком мне в грудь.

— Иди вперед, подлюга!

— Не пойду! Не пойду!

— Иди, сука! Побежишь, камнем прибью!

Сопrotивляться нет сил. Я спотыкаюсь, делаю несколько шагов.

— Стой! Подними руки!

Я повинуюсь.

Долговязый ощупывает мои карманы.

— Пистолет где?

— Нету. Мы нарочно.

— У-у, гад! Вот сало мое где!

Он шлепает меня по лицу куском сала, прячет его, замахивается.

Я падаю, встаю, но он снова сшибает меня ударом по уху. Я вскрикиваю, приподнимаюсь, хочу отползти, чтобы встать. Он бьет меня ногой. В глазах темнеет.

Прихожу в себя от того, что он трясет меня за ворот.

— Встань, подлая твоя душа! Встань!

Я кое-как поднимаюсь.

— Иди вперед!

Иду. Он дышит мне в затылок и что-то бормочет. Куда он ведет меня?

Идем час, другой...

Степь светлеет. Занимается серый рассвет.

— Стой! Сядь!

Я опускаюсь на рельс. Услышав сдержанный стон, поворачиваюсь. Долговязый сидит чуть поодаль, кусая посиневшие губы, приложив ладонь к боку.

Рельс холодный. Я пересаживаюсь на шпалу. Долговязый поднимает веки. В выцветших глазах его нет ни ненависти, ни злости, одна только боль. Наверное, он ушибся при падении. Наверное, сломал ребро. От него можно убежать!

Я привстаю.

— Сиди! — Он замахивается и охает.

Из-за невысокого холма вылезает сплюснутый диск неяркого солнца. На него можно смотреть, как на луну. Далеко впереди поднимаются дымки. Тонкие, длинные, они походят на разноцветные карандаши.

Долговязый пристально смотрит на меня.

— Мальчишка... Эх! Вставай, гаденыш!

Мы идем, приближаясь к дымкам.

— Сколько тебе годов? — неожиданно спрашивает он.

— Двадцать.

— И уже бандит!

— Я не бандит! Честное слово! Мы для голодных детей... — Я говорю торопливо, боясь, что он заставит меня замолчать и не даст объяснить. — В эшелоне везли детей. Мы собирали для детей. Я правду говорю. Честное слово!

Он опускает руку на мое плечо.

— Посмотри на меня.

Я смотрю в его усталые глаза, вижу, что он начинает верить мне. Он хватается за голову и стоит, покачиваясь из стороны в сторону.

— Для детей... Для детей. — Затем снова загорается злобой: — Что же вы, подлюки, не растолковали?

— Так получилось, — беспомощно говорю я.

— Получилось! Иди, там разберемся.

Теперь мы идем рядом. Я искоса поглядываю на него — он замерз в своей синей сатиновой рубаше. Лицо усталое. Серая кожа обтянула скулы. От переносицы поднимаются две глубокие складки. Этот человек не похож на мешочника. Он напоминает мне тех людей, с которыми я подростком работал в поле, чем-то похож на Быстрого. Я начинаю понимать, что произошла ошибка, и за ней потянулась цепочка других ошибок — нелепых и несправедливых.

Путь сворачивает влево. Уже можно разглядеть станционные домики. Поодаль к небу поднимается толстая кирпичная труба.

— Обожди, — говорит он. — Слушай. Это Щебетовка. Я там работаю, на заводике. Сало, сухари для своих мальцов в магазине на одежду выменял. Я б тебя на месте прибил, да поезд тебя спас. Иди вон туда, вкруговую, подальше от греха. Километров двадцать пройдешь, другая станция будет.

Он уходит вперед, держась рукой за бок.

Я бегу за ним.

— Обождите! Пойдите!

Он останавливается.

— Сало возьмите. Вот...

Я вытаскиваю из кармана бушлата куски сала. Он молча прячет сало за пазуху. Я хлопаю себя по карманам и с облегчением говорю:

— Все.

— Мать твою!.. На, возьми кусок. Поди сам голодный.

— Нет, нет, что вы? — пугаюсь я.

— Возьми!

Он сует мне шматок сала и уходит.

Я долго смотрю на сгорбленную спину. Потом спускаюсь с насыпи, сажусь на камень, отдыхаю. Сало в руке. Пальцы стали жирными. К горлу подступает тошнота. Прячу скользкий ломоть в карман, вытираю пальцы о снег.

Обойдя станцию, я снова выбираюсь на насыпь. Под ногами что-то белеет. Я поднимаю обрывок газеты, подношу его к глазам и читаю, с трудом различая расплывшиеся буквы: «...патриоты усиливают борьбу против фашистских захватчиков. В первых числах июля на фабриках Лилля и Рубэ произошли пожары. На фабриках и заводах Франции, работающих на немцев...». Лилль... Лилль. Я вспоминаю: лилльский палач. Брат священника, которого соблазнила миледи. Человек в красном плаще. Он перевозит миледи на другой берег реки, высоко поднимает широкий меч... Д'Артаньян, Портос, Атос и Арамис опускаются на колени...

Я переворачиваю клочок: «...Выражение под Новгородом надо понимать в буквальном смысле слова. Занимаемая нами оборона происходит в непосредственной близости от стен древнего города. Передовые позиции товарища Коровникова...». Новгород. Древний Новгород. И послали новгородцы послов за князем Александром...

Машинально прячу обрывок газеты в карман и шагаю дальше.

Вижу впереди троих матросов. Они быстро идут навстречу. За спинами вещевые мешки. Узнаю Быстрого, Рубанова и Кофмана.

Мишка бежит ко мне.

Молча обнимаемся.

— Жив, салага, — бормочет он.

Быстрый и Рубанов тискают меня в объятиях.

— Ложимся на курс, — говорит Быстрый. — Как ты? Ничего не сломал?

— Нет. Ногу зашиб и лицо, видите... Откуда вы?

— Шли искать твои бранные останки. — Мишка виновато улыбается. — Вот твой вещмешок.

Быстрый рассказывает:

— Доехали до станции, пытались добыть паровоз или дрезину — не вышло. Решили идти пеши.

— Собрали для детей? — спрашиваю я.

— Полный порядок... Там продпункт, столовая. За прошлое, конечно, шиш.

— А как же эшелон?

— Ушел. Будем ехать попутными.

Эшелон ушел. В нем уехала та женщина. Она сидела на нарах, причесывала длинные волосы, смотрела на меня, и глаза ее делались ласковыми. Вдруг она на самом деле была той девочкой, что обещала ждать меня? Так я и не заговорил с ней. Найду ли я ее, встречу ли снова?..

— Тебе передать просили, — сухо произносит Быстрый, — сказали: если жив он, пусть знает, что я никогда его не забуду.

— Ребята, — говорю я, — ребята, вы же не знаете, что со мной случилось.

Я рассказываю про встречу с рабочим.

Рубанов хватает Мишку за грудки и трясет так, что у Мишки стучат зубы.

— Душа твоя вон, анархист одесский!

Мишка не сопротивляется. Рубанов отпускает его, пообещав:

— Обожди, мы когда-нибудь набьем тебе морду.

— Оставь, — говорю я, — он не виноват... Никто из нас не виноват.

* * *

Мы пересаживаемся с поезда на поезд. Иногда сутки несемся без остановок, иногда за несколько дней проезжаем пятнадцать-двадцать километров. Мишка предлагает остановиться где-нибудь, помыться в бане, постирать белье, выгладить брюки.

— Нет, — говорит Быстрый, — нельзя.

Если есть возможность, мы снимаем на ночь брюки, обрызгиваем водой, складываем и спим на них, чтобы не пропала складка. Пряжки и пуговицы тоже ежедневно начищаем. Чистюля и зубного порошка нет, обходимся песком, суконкой и щеткой. Быстрый следит за тем, чтобы мы стирали подворотнички. Но все же вид у нас изрядно помятый.

На какой-то станции заставаем. Быстрому удается пристроить нас в эшелон с лошадьми. Кривоногий лейтенант в папаше закрепляет за каждым восемь вагонов. В вагоне по восьми лошадей. Когда эшелон останавливается, мы бежим с ведрами в голову поезда, к крану. Вода выплескивается из ведер, замерзает на брюках. Лошади ржут, лягаются, порываются куснуть. Морды у них умные, глаза, как у человека, но я их побаиваюсь. Сашка даже во сне кричит: тпр-р-у, не балуй! Вагон, в котором едем мы, — пульмановский. В одной стороне четыре лошади, в другой — прессованное сено. На сене спится хорошо. Мягко, тепло и пахнет лугами.

— Все едут, едут куда-то, — говорит Сашка, — ничего не понять — табор какой-то цыганский.

— Это только кажется так, — возражает Быстрый. — Во всем есть свой порядок.

Кофман гогочет.

— Ох, Колька, и чудак же ты! До чего ты порядок любишь. Где он, где ты его видишь? Порядок!.. Что Керчь сдали — порядок? А Киев оставили — это порядок? Брось ты!

— У тебя кто-нибудь в Одессе остался? — спрашивает Рубанов.

— Никого. Отец в армии, мать к родственникам эвакуировалась в Новосибирск. Коля, твоим, наверное, немцы ничего не сделают?

— Скорее наоборот.

Быстрый хмурится.

— Мать твоя из Германии? — спрашиваю я.

— Нет. Дед был из немцев-колонистов. В Люстдорфе жил, под Одессой. Вот Мишка знает.

— Ага. Хорошее место. Пляж песчаный. Там большой детский санаторий. Имени Крупской. А немецкий ты знаешь, Коля?

— Нет. Мать и то еле-еле.

— Вот и лопух, — говорит Кофман. — Знал бы немецкий, взяли бы тебя в переводчики. И для разведки дело подходящее.

— Сводку кто слушал? — спрашивает Быстрый.

— Я. — Рубанов неохотно пересказывает. — Бои на всех фронтах. Пуще всего на Клинском, Волоколамском, Тульском и Ростовском участках. Сбили девять самолетов и в Баренцовом море потопили три транспорта... Да, налог ввели на холостяков и бездетных.

— Чего-чего? — спрашивает Кофман.

— Все, у кого нет детей, мужчины от двадцати лет до пятидесяти и женщины от двадцати до сорока пяти, будут платить налог.

— Да ты что? — не верит Кофман.

— Своими ушами слышал. Военнослужащие и их жены от налога освобождаются.

— Еще бы! Да-а, так, говоришь, Волоколамский участок? Это же под Москвой? А ты, Быстрый, утверждаешь!

— Понимать надо. Перевес в технике. И опыт у них есть. А у нас...

— Песни, — перебивает Кофман. — Любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны. Ох, и наклал бы я по шее тому, кто эту песню сочинил.

— Он-то причем? — говорю я.

— Причем, причем... Где, я тебя спрашиваю, наша авиация сейчас? Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц!.. Пели себе! Мы конница Буденного! Во, полюбуйте на эти мирные лошадиные морды! Разве с ними пойдешь против техники?

— Конница тоже свою роль сыграет.

— Каждый из нас свою роль сыграет. Красиво, конечно, если художник нарисует, как матросы в одних тельняшках и с бутылками в руках бросаются под танк, но мне лично от этого выть хочется и бить кому-нибудь морду. Ты знаешь, как я и Сашка под Одессой в плен попали? — Кофман сел. — Патроны кончились, гранат нет, рота отошла, а мы — три голубчика, в окопчике сидим и любимся, как нас танки обходят.

— Потом? — спрашиваю я.

Мишка смотрит на меня и усмехается.

— Ишь, рот открыл. Завидовать нечему. Успеешь еще этой радости хлебнуть. Потом третий наш — мичман — говорит: иль не матросы мы, ребята? Встретим, сказал, смерть, как положено. В общем что-то такое нахимовское трахнул. Так, Сашка?

— Ага, — бурчит Рубанов.

— Вылез из окопчика и стал. Картинка и только!

— А вы?

— Мы рядом, конечно, стоим, красавчики. В руках карабины держим за стволы, вместо дубинок, и кричим: подходи, сейчас мы вам! Они поняли, что стрелять нам нечем, на танке подкатили, обступили,

смеются. Сдавайтесь, мол. Мичман матом их. Они еще больше засмеялись...

Кофман ругается и ложится.

— Рассказывай, Мишка.

— Мичман пошел на них, машет карабином. Мы тоже. Три богатыря шишкинских!

— Васнецовских, — поправляю я.

— Да? Не имеет значения. Они расступились и со стороны поглядывают, будто мы в гости к ним идем. Тут наши ударили из минометов — наверное, увидели. Мичмана и пару-другую немцев поранило. Произошла маленькая рукопашная. Нас скрутили. Сашка успел голову одному разбить — кулаком. Мичман ночью умер, а нас прикончить не успели. Ночью ребята отбили немцев и выручили нас. Покормили, да и забрали в особый отдел. Подержали, поспрашивали и переадресовали в Севастополь. Оттуда в Новороссийск. Я вот думаю, не в связи ли с той историей нас еще дальше отправляют.

— Не может быть! — говорю я. — Наверное, флотилию создают.

— Неужели мы до Волги отступить будем? — спрашивает Рубанов.

— Не думаю, — говорит Быстрый. — А вообще наше дело выполнять приказ. На месте узнаем.

— Если, — заявляет Рубанов, — если нас будут держать в тылу, я уйду на фронт без всяких приказов.

— Что оставил? — спрашивает Кофман у лошадей. — Интересно про войну послушать? Вот от вас я, кажется, скоро уже сбегу. У-у, вредные! Почему-то они лучше всех относятся к Быстрому. Ты что, Коля, имел когда-нибудь дело с лошадьми?

— Нет.

— А ты, Сашка?

— Откуда там.

— А ты?

Я отрицательно качаю головой.

— Они это чувствуют, подлые. По ногам, что ли, они кавалеристов узнают? Нет, ребята, жив останусь, детям закажу: не подходите близко к двухкопытным четвероногим.

— Непарнокопытным, — поправляю я.

— Разве? Не имеет значения. Важно не попадаться им под копыта.

— А что ты будешь делать после войны? — спрашивает Быстрый.

— Смотря сколько она продлится.

— Мировые войны длятся не меньше, как три года, — говорю я.

А промежутки между ними...

Я замолкаю. За эти слова у меня уже были неприятности. В Севастополе меня сняли с танкера и направили на береговую батарею. Как-то у карты мы говорили про наступление немцев, и я сказал, что не понимаю, почему по радио было сказано — война продлится месяца три, максимум шесть месяцев, а ведь известно, что мировые войны... Я слышал про это от отца и повторил его слова. Кто-то доложил комиссару. Меня обвинили в распространении панических слухов и чуть не отдали под трибунал. Теперь я думаю, — может, из-за этого меня и откомандировали в Новороссийский экипаж.

— После войны, — говорит Кофман, — после войны я пойду сто-рожем в ночной ресторан. Питание будет — во! Днем спи, катайся на лодке, лови рыбку, ночью сиди себе и смотри на небо. Лафа, а не жизнь.

— Только бы дожить до конца войны! — Рубанов вздыхает так, что лошади дергаются. — Я знаете, как согласен. В войну уцелеть, увидеть одним глазком, что все хорошо, а потом уж помереть.

— Врешь! — говорит Кофман. — Не захочешь тогда умирать. А ведь правда, ребята, после войны жизнь будет настоящая, а?

— Будет! — Быстрый оживляется. — Еще какая будет! Ведь мы перед войной только-только начали жить. В магазинах все появилось!..

— Главное, чтобы дети хорошо жили, — говорит Рубанов.

Кофман фыркает.

— Подумаешь, родитель заботливый. У тебя ведь детей нет и не предвидятся пока.

— Я потому говорю, что в детдоме вырос.

А что буду делать после войны я? Не знаю. Для чего думать об этом. После войны нам будут открыты все дороги.

— Заживут после войны люди во всем мире счастливо, — рассуждает Быстрый. — И будут вспоминать нас, тех, кто им такую жизнь завоевал.

— Н-но! — возмущается Кофман. — Веселенькие планчики. Давайте лучше сами станем вспоминать. Я, братцы, погибать не собираюсь.

Поезд останавливается.

— Ох, на слове меня поймали, сейчас смерть моя придет кривоногая, скажет: носите воду.

Мы прислушиваемся.

В дверь стучат.

— Морячки, за дело!

Нехотя вылезаем из вагона.

Огромный рыжий конь лягает Мишку.

Мишка неистово ругается, бросает ведро, идет к нашему вагону, выкидывает на полотно вещевого мешок и объявляет:

— Хватит! Путешествуйте без меня.

— Обожди, я с тобой, — говорю я.

Рубанов молча протягивает руку к своему вещевому мешку. Быстрый хохочет.

— Тебе хорошо, — обиженно говорит Кофман. — Ты с ними умешь обращаться. Кому они нужны на фронте!

— Ладно, не плачь, — отвечает Быстрый. — Сойдем вместе.

Кривоногий лейтенант пересчитывает ведра и осматривает вагон, в котором мы спали.

Кофман с усмешкой говорит:

— Лошаков сосчитайте, лейтенант. Кочегар наш хотел парочку в карман спрятать.

Лейтенант задумчиво смотрит на него и предлагает:

— Четыре вагона. Тридцать две лошади.

— Ни! — Мишка мотает головой.

— Два! Всего шестнадцать коней.

Мишка поднимает штанину и показывает посиневшую ногу.

— Видали? Нам и одна коняга больше нормы. Весьма благодарен. Счастливого плавания.

Лейтенант окидывает нас презрительным взглядом.

Мы переносим вещевые мешки на платформу.

Станционный домик засыпан снегом до самых окон. За ним тянутся к еловому лесу бревенчатые избы с резными крылечками. Скрипя полозьями, проползают сани. От сивой лошаденки валит пар. Кофман с отвращением плюет:

— Тьфу. И тут лошади.

Рубанов поднимает воротник бушлата и басом читает название станции:

— Храповицкая. Назвали же.

Позвякивая ведром, проходит высокая женщина в полушубке и белом пуховом платке. Она с любопытством смотрит на нас и улыбается, показав белые зубы.

— Ишь какая? — восхищается Сашка. — Щеки красные, будто нацелованные.

— Проголодался, кочегар, — замечает Кофман. — Слышите, какую песню запел? Иди, Сашенька, иди, милый. Она тебе в самый раз. Мы против нее что микробы. Попроси: приюти, мол, матросов, а то мы такие голодные, что и переночевать негде.

— Отцепись!

— А в самом деле, братцы, давайте попросимся на ночь? — предлагает Быстрый.

— Я никуда не пойду, — отвечает Кофман. — Пахнет от нас, как от конюхов, да грязные мы и чешемся, как чесоточные. Только флот позорить.

— А что же делать? Так и будем стоять?

— Коля, ты сходи к дежурному, — говорит Кофман. — Вы поостыте тут, а я с другой стороны обойду, понюхую, не пахнет ли где-нибудь жареным.

Вечереет.

Деревья за станцией покрыты инеем.

— Красиво! Правда, Сашка? — спрашиваю я.

— К чертовой матери такую красоту! Уши мерзнут. — Рубанов трет ухо рукавом. — Скорее бы доехать, ушанки получить.

Возвращается Быстрый.

— В шесть утра будет рабочий поезд.

Подходит повеселевший Кофман.

— Вон ту дверь видите? До войны там был буфет. Пополз слух, что по случаю нашего прибытия буфет открывают снова. Готовится роскошный прием. Обслуживающий персонал швабрит палубу и заваривает два титана черного кофе. Я закупил оптом сорок стаканов, а также заказал столик. Музыка, марш! Парад-алле!

У дверей в буфет сбивается толпа.

Мы прорываемся в дверь первыми, прячем под столик вещевые мешки, вешаем бушлаты на спинки стульев и садимся.

Я рассматриваю комнату: низкий потолок, беленые с натеками стены, два окна, шесть или семь столиков и буфетная стойка с большим самоваром. За прилавком виднеется узкая полуприкрытая дверь.

— В былые времена там была кухня, — по-хозяйски разъясняет Кофман, — там варились русские щи, на сковородках шипел бефштекс с яйцом. Кроме того, пассажир мог заказать себе лангет, устриц и... даже голубцы и котлеты.

— Уймись, Мишка, — ворчит Быстрый. — Селедочки у нас не осталось?

— Никак нет. Скушали-с в положенное время. Там оставались две головки. Так я их того — догрыз. Как аванс за предстоящее увечье.

— Обжора! — возмущается Рубанов. — Трепло!

— Нахожусь в добром расположении духа по случаю избавления от четвероногих. А что? Вы имеете что-нибудь против?

В комнате становится теплее. Люди сидят за столиками, на чемоданах и узлах. Ползут облачка махорочного дыма.

— А как насчет курева? — осведомляется Быстрый.

— Есть! — Кофман достает вещевой мешок, запускает в него ру-

ку, смотрит на Быстрого и Рубанова, снова шарит в мешке и с надеждой в голосе спрашивает:

— Ребята, вы пошутили?

— Оставил?

Быстрый хмурится. Кофман поднимает руки.

— Виноват, братцы. Бейте, если хотите — слова не скажу.

Дверь то и дело открывается. В комнату вползают понизу длинные, похожие на белые конские хвосты полосы морозного воздуха.

— Все едут и едут, — говорит Рубанов. — Там хоть фронт был близко...

— Фронт, морячок, теперича везде, — тонким говорком произносит старик в выворотном тулупе. — У нас моря не было и нет, а матросы, вишь, появились.

Кофман фыркает. Медные глаза его загораются. Он наблюдает за тем, как старик набивает самосадом трубку.

— Значит, по-твоему, дед, сейчас всюду фронт?

— Всюду.

— Выходит, что мы фронт, который воюет, а вы фронт тыловой, который снабжает? Так?

— Угу.

— Плохо работает ваш тыловой фронт. К примеру ты, папаша, трубку куришь, а мы без табачку сидим.

Старик пускает клуб дыма в лицо Кофману.

— Во-первых, я не папаша твой и сынка такого мне не требуется, а во-вторых, ты сам теперича тыл. И никакого табаку я тебе не дам.

— Получил, Мишка? — спрашиваю я.

Рубанов делает зверское лицо и скребет ногтями грудь.

— Живьем съедят, паразиты. Вся шкура зудит. Когда мы только до санпропускника доедем.

— Я знаю средство, — Кофман снова оживляется. — Гарантия. Подыхают сразу.

— Чего же ты молчал? — Рубанов вопросительно смотрит на Кофмана.

— Да вот, не дал дед махорки, а то б...

— Махорки?

— Точно. Обсыпашешься смесью толченого кирпича с махоркой. Вши чихают и разбивают голову об кирпич. Изобретение мирового масштаба!

— Осел ты в мировом масштабе!

Рубанов легонько стучает Кофмана по шее. Тот чуть не слетает со стула.

Из-за буфетной стойки выходит девушка с большим подносом в руках. На подносе стоят чайные стаканы, полные мутной коричневой жидкости.

— Кофе! — выкрикивает женщина.

— Мне стаканчик!

— Пожалуйста, подайте сюда.

— Ко мне подойди, милая! — зовет старик.

— Сперва фронт, потом тыл, — заявляет Кофман. — Марусенька! Мы здесь!

подавальщица подходит к нашему столику.

— Берите по одному, братцы, а то остынет, — распоряжается Кофман. — А ты следи: допьем — тащи горяченького. Поняла, Марусенька!

— Меня не так зовут.

— А как же?

— Зоя.

— Какое имечко у тебя. Мечта! Спасибо, Зочка!
Девушка улыбается. Бледное лицо ее розовеет.

— Ты здешняя? — спрашивает Кофман.

— Нет. Из Измаила. Мы эвакуированные.

— Из Бессарабии? Ух ты, откуда тебя занесло!

Быстрый смотрит вслед подавальщице.

— Славная девчонка. Вроде невзрачная, а одень ее в модное крепдешинное платье да туфельки дай на высоком каблуке — красotka будет.

— Не хватает у нас на всех крепдешина да туфелек, — говорит Кофман, — так уж лучше. А то глаза разбегутся на красавиц любоваться. Эх, кофеек, кофеек... То ли дело в кафе на Дерибасовской! А еще лучше в Порт-Саиде. Знаете, как бывало? Схожу по сходимям. У причала авто. Куда вам, синьор? В кофейную! Приехали. Выхожу. Ковры, мрамор, малиновые свечи. Сажусь за столик. Подают кофе — густой, черный, сладкий. Конечно, коньяк, ликеры. А сзади меня стоит девушка и машет опахалом, чтобы прохладно было.

— Гы! Вот заливает, — удивляется Рубанов.

— Ты правда в Порт-Саиде был? — спрашиваю я.

— Нет, откуда там. Одесса, Николаев, Севастополь, Батуми, Керчь. Сашка вот был в загранке.

— Правда, Сашка?

Рубанов кивает.

— Вокруг Европы ходил.

— Расскажи, Сашка.

— А чего рассказывать. Всюду море как море.

— Про Лондон, про Неаполь.

— Я их только издали, с палубы видел.

Кофман хлопает Рубанова по плечу.

— Лопух ты, Сашка. Зачем признаваться! Травил бы себе. А мы бы послушали, ночь скоротали.

Керосиновая лампа тускло освещает комнату. В углу женщина в платке кормит ребенка грудью. Рядом, запрокинув голову на спинку стула, спит прыщавый парень в ушанке. Поодаль, пригорюнившись, сидит дядька с седыми запорожскими усами. Всюду усталые и сумрачные лица.

Когда подавальщица снова приносит кофе, я расправляю плечи и громко говорю:

— Да, совсем не то кофе. Вот в Рио-де-Жанейро было кофе. Правда, Мишка?

— Повторяешься? — презрительно спрашивает Кофман.

— Продолжай, — шепчу я. Кофман на секунду задумывается и подхватывает:

— Эх, как вспомню Рио-де-Жанейро! Сказка! Когда мы там были?

— В тридцать девятом. В июле или?..

— В июле. Правильно. Десятого вышли из Одессы и двадцать первого были в Рио. А помнишь рейс в Сидней?

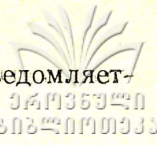
— Еще бы! Страшный был рейс! А какой штормяга встретил нас в Индийском океане?

— Три дня кружил. Шлюпки разбило. Рубку снесло. Корму покалечило. Но мы все-таки добрались до Сиднея.

— Докуда, морячок? — спрашивает старик в тулупе.

— До Сиднея.

— Что это — Сидней?

— Сидней — порт в Австралии, — объясняю я.

— Слышал про Австралию, дед? — снисходительно осведомляется Кофман.

— Слышал, как не слышать. А война там тоже идет?

— Нету там войны, — отвечает Кофман. — Объявлено, что есть, а на деле нету.

Рубанов дремлет. Быстрый, усмехаясь, смотрит на нас.

— Колька, а ты бывал в Полинезии? — спрашиваю я.

— Нет. — Он перехватывает чей-то ожидающий взгляд и торопливо добавляет. — Я плавал в Арктике, могу про белых медведей и тюленей рассказать.

— Ты потом, — говорит Кофман. — Сперва пусть он про Полинезию.

Я принимаюсь рассказывать все, что читал и что помню. Про то, как образуются коралловые острова, про кокосовые пальмы, про ловцов жемчуга и про акул. Кофман умело мне подыгрывает, поддывает, напоминает подробности.

Кто-то жарко дышит мне в затылок. Я оборачиваюсь, вижу жадные, внимательные глаза. Вокруг нашего столика образовался тесный круг. Женщина в платке забыла про ребенка. Он уснул, а она сидит, подперев голову рукою, смотрит куда-то вдаль и совсем забыла, что у нее открыта грудь, не замечает, как из соска капает молоко. Дядька с запорожскими усами сидит возле Быстрого, прыщавый парень снял ушанку, чтобы лучше слышать, старик в тулупе открыл беззубый рот.

Распахивается дверь. Вошедший топает ногами, сбивая с валежков снег.

— Тише ты! — кричит из-за стойки Зоя. Я встречаюсь с ней взглядом. Глаза у нее удивленно радостные. Такие, словно она всю жизнь ждала этой ночи, когда откуда-то появятся моряки и начнут рассказывать о своих приключениях.

Я провожу наш пароход мимо Суматры и надолго задерживаюсь на Гавайских островах. Смотрю в глаза Коли Быстрого, и мне кажется, что и он верит в то, что я рассказываю.

— Мы должны были получить там жемчуг, Колька, — говорю я. — Капитан был хороший и часто увольнял нас на берег. Подружились с гавайцами. Народ они красивый, высокие все, статные, плавают как рыбы. Могут плыть по океану хоть неделю. Они научили меня и Мишку кататься на волнах большого прибоя. Когда начинался прилив и с океана шла высокая, метров двадцать, волна, мы выплывали ей навстречу с досками. Нырнешь под волну, выскочишь, станешь на доску и несешься к берегу, прямо дух захватывает.

— А я еще любил в воду прыгать, — вставляет Мишка. — С кокосовой пальмы. Метров тридцать летишь словно птица и — вжжик — в воду. У них все так умеют прыгать, и женщины, и дети. А ныряют как!

— Еще лучше они танцуют. Под гитары. Слышал гавайскую гитару, Коля?

— Конечно слышал, — отвечает за него Мишка. — Они у нас теперь во всех джазах есть.

— Собирались они вечером, когда закат над Тихим океаном становился как золото. Все девушки в белых платьях и с большими гирляндами цветов на груди...

— А какие там цветы! — вздыхает Мишка.

— Струны у гитар поют, словно мурлыкают, девушки плывут, как

лебеди, в лесу цикады трещат, да прибой плещется о песок... Хороша там жизнь! Природа такая, лучше быть не может. Зимы не бывает, одно только лето, и можно собирать по четыре урожая в год. Хлеба сеять не надо — у них хлебное дерево растет, молоко получают из кокосовых орехов, фруктов всяких сколько захочешь. Тяжелого труда нет, потому и люди такие красивые...

В комнате так тихо, что слышно, как за окном потрескивают от мороза деревья.

— Особенно красивой была принцесса Наури. Слов нет описать. Если Мишка разрешит, расскажу я про их любовь.

Кофман вздыхает.

— Валяй, чего уж там.

— Принцесса Наури полюбила Мишку. Наверное, за то, что прыгал он в воду с самой высокой пальмы, и за то, что хорошо играл на гитаре.

— Ну, не только за это, — скромно говорит Кофман.

— Словом, полюбила она его. Скоро все про это узнали. Кое-кто из гавайских ребят, наверное, завидовал ему, но вида никто не подавал. У них там в этом отношении никакого насилия. Полная свобода для той, которая любит. Пошел наш капитан к королю: что, мол, будем делать? Тот говорит: по нашим законам они должны пройти через испытательный срок. Если за год не разлюбят друг друга, сыграем свадьбу. Так и решили, что через год заедем мы снова на Гавайские острова и заберем принцессу с собой. Пришел день отплытия. Прощается Мишка с принцессой. Она говорит ему: ты вернешься ведь? Он говорит: вернусь. И корабль ваш не погибнет в бурю? Говорит: нет, наш корабль выдержит любой шторм. А ты, спрашивает он, будешь ждать меня? Буду. Ты только верь мне, а я всегда буду тебя ждать...

Отплыл наш пароход. Она влезла на кокосовую пальму и махала нам оттуда платком. Долго мы ее видели в бинокль. А потом пальма скрылась за горизонтом... Не смогли мы вернуться на Гавайские острова — война помешала. И принцесса Наури так и ждет Мишку до сих пор...

Раздается общий вздох.

— Брехуны! — заявляет старик в тулупе. — Где теперича принцессы есть?

— Темный ты человек, дед! — выкрикивает ломкий мальчишеский голос. — В Англии король? Король! А не читал в газете, что бельгийский король от немцев бежал? А не знаешь, что дочерей королей принцессами называют.

— Выкусил? — спрашивает Мишка. — И чего ты, дед, лезешь? Я-то ведь лучше знаю, сам пережил.

— Есть такие, им бы все поперек сказать, — говорит еще кто-то.

— Чего вы, чего? — оправдывается старик. — Слова сказать нельзя.

— А какая она из себя была, морячок? — задает вопрос прыщавый парень.

— Наури? — Кофман задумывается. — Ростом небольшая. Тонкая. Вот как Зоя. Только посмуглее.

Все поворачиваются к подавальнице.

Мишка встает, снимает с плеч женщины с ребенком пуховый платок, сбрасывает с Зои телогрейку, туго обматывает платком талию и закидывает конец платка ей на плечо. Она, краснея, повинуется.

— Сними-ка валенки, — приказывает он. — Стань сюда.

Отойдя на два шага, Мишка смотрит на Зою, прищурившись, как

художник на свое творение, снова подходит, расплетает косу, раскидывает волосы по плечам и берет со стола блюдо.

— А тут, — он прикладывает блюдо к виску Зою, — она прикалывала большой белый цветок. Вот такой была принцесса Наури!

Зоя стоит, опустив глаза на свои маленькие ножки в старых заштопанных чулках.

— Красивая! — восхищенно говорит кто-то.

Зоя поднимает голову, глаза ее загораются, на худеньком лице вспыхивает улыбка. Она закрывает лицо руками и убегает за стойку.

Кофман возвращается к столу и хлопает меня по плечу.

— Чтоб тебе!

— Еще расскажите, морячки, — просят из глубины комнаты.

Я смотрю на Быстрого.

— Коля.

— Можно. Вот только курить нечего.

Старик в тулупе достает из кармана кисет.

— Закуривайте, морячки.

Мишка расталкивает Рубанова.

— Сашка, курить хочешь?

— Где?

К столу протискивается парень с косыми глазами и вытряхивает на стол из кисета горстку самосада.

— Берите, ребята.

— Вот спасибо, — говорит Кофман. — Закуривай, матросы. Сейчас я всем приготовлю по сигаре.

Он свертывает четыре козых ножки. Я не курю, но сигарку беру без колебаний. Старик выбивает кресалом искру из кремня, машет трутом и дает нам прикурить.

До самого утра мы рассказываем. После Быстрого — Кофман. Потом снова я.

Светлеют окна.

Звонит станционный колокол.

Люди собирают вещи, одеваются и торопливо выходят, прощаясь с нами.

Собираемся и мы. Я вижу Зою. Она сидит на буфетной стойке, прислонившись спиной к самовару и обняв себя руками, крепко спит, чему-то улыбаясь во сне.

Мишка смотрит на нее.

— Прощай, принцесса.

Мы выходим на перрон. Из репродуктора доносится голос диктора. Он так же холоден и звучен, как это раннее морозное утро.

— Несколько дней тому назад, после ожесточенных боев, наши войска оставили город Тихвин.

Рубанов скрипит зубами.

— Обожди, Сашка, — говорит Быстрый. — И хотя Рубанов не произносит ни слова, Быстрый продолжает, словно спорит: — Нет, ты обожди...

* * *

Ветерок гонит по лиману золотую рябь. Серой полоской лежит на воде земля. От нее к занятому ночью берегу идут катера, самоходные баржи, понтоны с орудиями, автомашины с людьми.

Саперы звонко стучат топорами, сбивают причал.

Подходит самоходная баржа, откидывает широкий нос. Из брюха баржи, урча мотором, выползает на берег танкетка.

Низко, почти над самой водой, проносится самолет.

Рубанов сердито ругается. Он лежит, разбросав руки, и смотрит в небо. Я поднимаю голову. Матросы валяются на траве, жмурясь от солнца или закрыв бескозырками лица. Раскрываю планшет, кладу его на колени и пишу рапортичку.

Солдаты скатывают с понтона противотанковую пушку.

— Раз-два, взяли!

Солдаты располагаются завтракать. Двое солдат направляются в тень шелковицы. Раздается негромкий взрыв. Один из солдат падает, кричит жалобным фальцетом. Второй останавливается, поднимает ногу и так застывает, глядя на товарища. Матросы встают. К раненому бежит девушка с санитарной сумкой в руке. Матросы снова ложатся.

— На мину ступил, — говорит Рубанов. — Отвоевался.

Проходят в строю пехотинцы. Тощий, с длинной шеей сержант кричит:

— Морячки! Хватит сачковать! Не дрейфьте, пошли с нами в бой!

Ему никто не отвечает.

Прибегает связной.

— Старшина, на погрузку.

Закрываю планшет, встаю и кричу:

— Подье-ом!

Матросы спускаются к воде, неторопливо, с шуточками перебираются на понтон. Опираясь на палку и прихрамывая, подходит дюжий верзила, капитан-лейтенант Потапов — общий любимец, командир нашего отряда. За ним плетется пленный румынский офицер.

Катер тащит понтон на буксире.

Я киваю матросам на капитан-лейтенанта. Те, что сидят поблизости, стягивают с себя маскировочные халаты и приготавливают Потапову постель. Он ложится, устало вытянув ноги.

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите с пленным побалачкать? — спрашивает разведчик Веретенников.

Потапов машет рукой.

На висках румынского офицера белеет седина. Он старается держаться с достоинством. Но красивое лицо хмурится, глаза бегают.

— Полковник? — спрашивает Веретенников.

— Колонель, колонель. — Румын кивает и жалко улыбается.

— Антонеску?

— Антонеску нихтс хорошо, — отвечает полковник и, ткнув себя большим пальцем в грудь, представляется: — Николеску. Колонель Николеску.

— Война капут? — продолжает Веретенников.

— Да, да, — полковник оживляется. — Разбой капут! Кригсмарине... — Он ищет слова и быстро говорит, показывая рукой на уходящий берег, на себя и матросов. — Моряк рус — дракуле! Чиорт!

Веретенников смеется и хлопает полковника по плечу.

— На, кури.

Полковник берет кисет, неумело свертывает сигарку, прикуривает, и морщинки на его лице разглаживаются.

Понтон уже на середине лимана. Я вижу высокий тополь подле белой хатки. Вчера днем Сашка и я спали под тем тополем. Нам не разрешили ходить — мы должны были прятаться в тени деревьев, чтобы противник не обнаружил батальон с воздуха.

В сумерках нас собрали и роздали портреты Сталина. На обороте надо было написать клятву. Заместитель комбата по политчасти посоветовал:

— Напиши: обязуюсь в плен не сдаваться и в плен **никого не**
брат. Буду сражаться до последней капли крови.

Он отошел. Сашка спросил:

— А почему в плен не брать?

— Наверное, девать пленных будет некуда.

— А для чего клятву писать? Мы ведь присягу давали...

— Не знаю, Сашка.

Я написал, что буду сражаться до последней капли и что в плен не сдамся. Подписался. И почему-то по спине забегали мурашки.

— Напиши и мне, — попросил Сашка, — а я подпишусь.

Я написал. Мы отдали портреты замполиту. Я спросил, пошлют ли их куда-нибудь. Замполит ответил:

— Это для истории. В музее будут храниться.

Ночью мы сели в рыбацкие байды и принялись грести к вражескому берегу. Наша байда шла первой. Рядом со мной сидел лоцман.

— На мину нас не высадишь, лейтенант? — шепотом спросил я.

— Не знаю, темно очень, — признался лоцман. — На берегу фонарь должны зажечь. Разведчик Веретенников пошел час назад.

Я приказал гребцам поменяться. Байда закачалась.

— Старшой, водки хочешь? — тихо спросил Рубанов.

— Нет.

Я до боли в глазах вглядывался во тьму. Берега не было видно. Надо торопиться. Через несколько часов на востоке посветлеет небо, займется утренняя заря. Многие из нас ее не увидят. Но все спокойно. Каждый уверен, что именно он не погибнет.

— Есть! — Лоцман схватил меня за плечо. — Вон, видишь? Зажег. Молодец! Возьми левее, старшина!

Впереди светилась яркая точка.

— Навались! Науров, помнишь? — спросил я.

— Есть, помню, — слабо отозвался голос с носа.

Науров должен был, когда байда подойдет к берегу, первым прыгнуть в воду. Я был обязан проследить, чтобы высадились все, и сойти с лодки последним.

Берег стал выделяться своей чернотой.

— Старшина, — окликнул меня Науров. — Я каску надену.

— Надень, конечно. Суши весла, ребята.

Я оглянулся — байды, идущие позади, свернули правее — выстраивались в одну линию.

С берега, словно вспоров тишину, затарахтел пулемет.

— Навались! — закричал я в полный голос.

Я увидел, как Науров плюхнулся в воду и, захлебнувшись, скрылся, как Рубанов прыгнул через борт и вытащил Наурова за шиворот, как матросы выбирают на берег; и перемахнул через борт сам.

Пулемет забросали гранатами. Мы побежали вперед, пригнувшись, горланя и строча из автоматов. Кто-то поджег стог сена. Желтые языки огня осветили бегущих немецких солдат.

Когда рассвело, отряд продвинулся вглубь километров на пять. Науров шел рядом со мной, показывая мне каску с вмятиной, и объяснял:

— Только я, значит, спросил у тебя — можно, каску надену, пулемет как вдарил... На мне одном была каска, и прямо по ней пуля вдарила. А если б не надел?

Рубанов улыбнулся:

— Будешь теперь жить до ста лет.

Понтон упирается в берег. Я словно просыпаюсь.

— Старшина, постройте отряд, — приказывает Потапов.

Он уводит пленного и вскоре возвращается.

— Смирна-а-а! — команду я. — Товарищ капитан-лейтенант, первый десантный отряд...

— Вольно!

Потапов идет вдоль строя, разглядывая матросов. Глаза у него воспалены, фуражка с позеленевшей эмблемой, как всегда, натянута на лоб и чуть набок.

— Ничего, товарищ капитан-лейтенант, — добродушно сказал Васильев. — Бывает и на старуху проруха.

Потапов останавливается перед Жуком, прищурившись смотрит на него, переводит взгляд на Васильева и кивкает дальше.

— Устали? — спрашивает он простуженным басом.

— Нам бы позавтракать, пообедать да поужинать, да по двести грамм — как огурчики будем! — задорно выкрикивает Веретенников.

— Знаю, что будете как огурчики, знаю. — Он явно хочет что-то сказать, но тянет. Я вглядываюсь в озабоченное лицо капитан-лейтенанта.

— Внимание! — говорит Потапов. — Отдыхать не придется. Отойдем километров за десять. Там нас накормят. Потом получим боезапас, переберемся на другое место и погрузимся на катера. Вопросы есть?

— Куда пойдем, товарищ капитан-лейтенант? — спрашиваю я.

— На катерах объявят. Как, матросы, выдюжим?

Отряд утвердительно гудит. Потапов негромко говорит, словно удивляясь:

— Вот звери.

— Звериный отряд Потапова! — кричит под общий смех Веретенников.

— Старшина, веди! Идти вольно. Можно курить.

Мы шагаем по пыльной дороге. Справа стоят толпы пленных. Слева расположился на отдых пехотный полк. Солдаты разглядывают наши маскировочные халаты, бескозырки и тельняшки...

— Ну и банда, — громко удивляется молоденький, щеголеватый лейтенант. — В строю разговаривают, курят.

— Подойдите ко мне, лейтенант! — рявкает Потапов.

Матросы останавливаются без команды.

Лейтенант подбегает к Потапову, вытягивается и прикладывает пальцы к пилотке. Потапов что-то внушительно говорит ему вполголоса и уже громко командует:

— Кру-гом! Шагом марш!

Лейтенант ловко поворачивается и отходит, чеканя шаг. Матросы гогочут.

— Почему стали? — спрашивает Потапов. — Старшина!

Я оглядываюсь на ходу и вижу, как лейтенанта подзывает суховатый офицер в серой папаше. Вскоре лейтенант, запыхавшись, догоняет нас.

— Товарищ капитан, командир полка просит, чтобы вы остановили моряков! Подполковник сейчас прибудет. Вот он идет.

— Старшина, останови отряд.

Стоим, ждем, что будет.

Офицер в папаше подходит к Потапову, называет себя, пожимает руку, здоровается с нами, взбирается на невысокий придорожный холмик и, окая, протяжно кричит:

— Солдаты-ы, сержанты-ы, офицеры-ы! Слушай меня! Эти моря-

ки-и... сегодня ночью... первыми высадились на вражеский берег. Моряки-и проложили дорогу для на-ас. От нашего имени-и... от имени-и... арми-и я благодарю моряков!

Подполковник снимает папаху и низко кланяется нам.

— Ух ты! — удивляется Рубанов. — Вот это да!

Я смотрю на матросов. Их усталые лица оживляются. Среди них нет Наурова — одного из тех, кто остался на том берегу.

Возвращаясь к лиману, мы утром наткнулись в зарослях кукурузы на немцев. Я услышал вскрик Наурова и выстрел. Науров повалился на меня. Я увидел немецкого солдата, переводящего затвор винтовки, и дал по нему очередь из автомата. Рубанов строчил по кукурузе, распластавшись на земле. Сзади стреляли другие матросы. Я нагнулся к Наурову. Он лежал с открытыми глазами и силился улыбнуться мне.

— Ты жив, а я боялся...

— Ты прикрыл меня? — спросил я.

Науров утвердительно заморгал.

Рубанов помог мне перевязать Наурова. Мы понесли его к берегу на плащ-палатке. Тщедушный Науров стал тяжелым. Он тихонько стонал. Потом затих.

Мы опустили плащ-палатку на землю. Лоб Наурова уже холодел...

Потапов обнимает подполковника, снимает фуражку и приветственно машет солдатам. Слышится единый тысячеголосый возглас.

Лицо капитан-лейтенанта бледнеет. Он протягивает палку мне, почти не прихрамывая, подходит к строю и звенящим голосом командует:

— Шаго-ом! Марш!

Справа нас обходит «Виллис». С сиденья поднимается офицер и что-то кричит по-немецки и по-румынски. Пленные молча слушают его. Некоторые отворачиваются. Другие исподлобья, с испугом, недоумением и злобой смотрят на нас.

Я чувствую, как всего меня переполняет гордость. Гордость за Наурова, бывшего вора, который сумел сделать самое трудное, что только может сделать человек для человека — отдать за него жизнь. Гордость за Потапова, за Быстрого и Кофмана, которых уже нет в живых, за Сашку Рубанова, за себя, за всех тех, кто идет с нами в одном строю. И, не спрашивая разрешения капитан-лейтенанта, я кричу:

— Песню!

Взбивая пыль, мы идем по проселочной дороге и поем. Мы голодны, но капитан-лейтенант обещал, что нас скоро накормят. Мы устали, но отдых нам конечно дадут после очередной высадки или, в конце концов, после войны. Нам известно, что ночью мы снова будем прыгать в воду и подползать к вражеским окопам. Лишь одного мы по-прежнему не знаем: кто из нас будет завтра жить, а кто нет.

Нет, неправда!

Я вспоминаю принцессу Наури... Она сидит на буфетной стойке, прислонившись спиной к самовару и, обняв себя руками, чему-то улыбается...

Мы будем жить, будем!

Мухран МАЧАВАРИАНИ

ДОРОГА

Местами мутная,
Местами чистая,
Река смешливая текла, насвистывая.
Машина пыльная гнала вдоль берега.
Река — смешливая, машина — быстрая.

Сменялся домом — дом,
Сменялся долом — дол,
Мальчик — девочкой, мост — мостом,
Дерево — деревом, лист — листом.

Чернеет крепость позади
С двусмысленным названием.
А у Арагви на груди
Луна себе названивает.

А звезды падают, как снег...
А рыба сети треплет...
Автомобиль, как человек,
Во мраке стоя, дремлет.

ТБИЛИСИ

О Мтацминда, синий город
Над собой тебя возвысил.
О Мтацминда, синий город
У подножия — Тбилиси.
Тот, кто видел этот город
С высоты твоей прохладной
И отыскивал глазами
Домик свой, смешной, нескладный,
Над глубокой Алазанью
У воды сидел, как птица,
И с закрытыми глазами
Вспоминал родные лица,
Я не думаю, что в этих
Простодушных тихих строках
Он, читая, не заметит,
Не расслышит издалика
Нечто, виденное прежде
И предвиденное прежде,
И знакомое до боли,
И родимое, как дети...
Так дождю знакомо море.
Так дыханью близок ветер.

Перевод с грузинского Ю. Морим

Арчил СУЛАКАУРИ

Вверх и вниз

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Абуашвили

- Лия! — зову я.
- Ли-и-я!..
- Ли-и-а-а!.. — вторят горы.

Звуки доносятся издалека, потом они проваливаются в пропасть и умолкают.

Небо в упор глядит на меня бесчисленными яркими звездами. Голос заставляет их вздрагивать, кажется, они даже звенят, как хрустальные подвески на огромной люстре. Иногда какая-нибудь из звезд хочет догнать мой голос, летит за ним вслед и где-то, очень далеко, исчезает, тонет вместе с ним, оставляя в небе узкую полоску огня.

- Ли-и-я! — кричу я горам, и горы снова повторяют:
- Ли-и-а-а!
- Ли-и-а-а!

Потом едва слышится из пропасти:

- Ли-и-а-а!
- ...а-а-а!

Знаете ли вы Лию? Видели ее или нет?

- Нет!..
- Нет!..
- Нет!..

* * *

Лия бежала вверх по лестнице, разъяренный, я гнал за ней, грозил ей, но Лии все было нипочем. На каждой площадке она останавливалась, оборачивалась, смеялась мне в лицо и, скорчив рожу, снова срывалась с места.

— Смотри, — кричал я, — поймаю, будешь у меня смеяться!

Я очень старался поймать Лию, но, убегая по лестнице, она всегда была на добрых десять ступенек выше, и мне никак не удавалось до нее дотянуться. Я надеялся хоть на пятом этаже загнать ее в угол и хорошенько вздуть, но стоило Лии добежать до своих дверей и нажать кнопку звонка, как мать ее тотчас открывала дверь. Казалось, эта женщина целый день только и ждала звонка дочери. Разочарованный, повертевшись без толку перед запертой лииной дверью, спускался я вниз, обдумывая, как бы подкараулить Лию завтра, какую бы ей подстроить ловушку.

Но Лия была умнее и хитрее меня. Она не любила откладывать важных дел на завтра: едва уходил я с пятого этажа, как опять раздавался знакомый голос:

— Эй, ежик, что ж ты, так и не поймал меня?!

Уткнувшись подбородком в перила, Лия глядела на меня смеющимися глазами.

— Ничего, поймаю! — огрызнулся я.

— Давай мириться, хочешь?

— Нет!

— Не буду тебя больше дразнить!

— Попробуй только дразнить — сразу получишь!

— Правда, ежик?

Лия покатывалась со смеху.

— Лия, неприлично так громко смеяться! — Это уже голос ее матери. Видно, мать Лии не выносила громкого смеха.

А я-то чувствовал, что смех у Лии притворный, только мне безразлично было, какой он там у нее, этот смех — притворный или самый что ни на есть настоящий: меня-то он все равно выводил из себя.

Я злился, почему именно меня выбрала Лия среди стольких мальчишек. Не хуже других играл я и в мяч, и в отурму, и в лахты. Я считал себя даже сильнее других. Может, я и впрямь похож на ежа? Я бросался к зеркалу и долго рассматривал себя. Все-таки что за проклятые волосы, такие жесткие, щетинистые, вечно они норовили встать торчком. Будь у меня кудри, как у других мальчишек, вот тогда бы... Ох, эти девчонки, до чего же они любили кудрявых мальчишек! Стали бы мои волосы мягкими, как шелк, вились бы они такими локонами на лбу... Уж тогда Лия не дразнила бы меня, не пришлось бы мне, как сумасшедшему бегать за ней по лестницам. Разве я не понимал, почему она не пристаёт ни к кому из этих ротозеев — соседских ребят? Да потому только, что они были красивыми.

Лия и не догадывалась, как я переживал, сколько сил и времени я убил на укрощение собственных волос. Хотя ей не нужно было знать об этом, она и без того достаточно отравляла мне жизнь. Уткнувшись подбородком в перила, Лия смотрела на меня сверху и смеялась. Даже сейчас меня удивляет, как эта худенькая веснушчатая смуглая девочка, у которой всегда недоставало какого-нибудь зуба, могла так притворно смеяться. Я снизу смотрел в ее большие зеленоватые глаза, хотел, чтобы они встретились с моими, но зря я старался: лиин взгляд я всегда чувствовал только на волосах, торчком стоящих над лбом. Именно это и бесило меня, сводило с ума. Хорошо еще, что мы с Лией учились в разных школах, и она не знала об одной моей тайне.

На каждой перемене я подставлял под воду свои волосы и старательно их приглаживал. Представляете, как бывал я счастлив на уроке, но, увы, волосы постепенно высыхали, опять начинали щетиниться и все мои муки возобновлялись. Мне казалось, что весь мир с насмешливой улыбкой глядит, как дыбом становится каждый мой волосок. Я не знал,

замечали ли одноклассники мои страдания. Ясно, что замечали. Это я понял позднее. И, конечно же, Лия заставила меня это понять, одна она, не скрывая, говорила мне в лицо все, что думала обо мне.

Однажды я играл с ребятами во дворе в футбол. Только подали мне мяч и я собрался бить головой, как услышал позади:

— Эй, ежик, не бей головой, мяч лопнет!

Мальчишки чуть не задохнулись от смеха, а я, я очнулся тогда, когда, запыхавшись, бежал за Лией по лестнице. Всего десять ступенек разделяло нас. У пятого этажа я сократил расстояние еще на три-четыре ступени. Перед самым моим носом с удивительной быстротой мелькали две тонкие, как палки, ноги. В конце лестницы я чуть было не догнал ее, чуть было не ухватил за щиколотку. Лия бросилась к двери, встала на цыпочки, нажала кнопку. И тут произошло чудо: звонок не зазвонил. Лия испуганно оглянулась на меня и снова нажала кнопку. Снова звонок молчал. В отчаянии Лия забарабанила кулаками по двери и подняла крик, но я уже стоял перед ней...

Я перевел дух и победоносно заявил:

— А теперь куда убежишь от меня?

Лия спиной прижалась к двери.

— Ну что, ведь поймал я тебя?!

Тоненькая, какая-то прозрачная вся, Лия замерла у дверей, испуганно глядела на меня и молчала. Мне показалось, что она даже побледнела. Такая несчастная, такая беспомощная, что я просто удивился, неужели вот эта девчонка могла меня дразнить? Но пока я раздумывал, Лия, словно форель, выскользнула у меня из рук и пустилась вниз, крича мне:

— Ежик! Ежик!

Я остолбенел от неожиданности. Потом рванулся вдогонку, но Лия уже и след простыл, она исчезла прямо на глазах. Я выбежал во двор, спросил у ребят: не видели Лию? Нет, — говорят. Снова вернулся в подъезд. Наверно, думаю, у каких-нибудь соседей спряталась.

Поднявшись на четвертый этаж, я услышал ее смех. Посмотрел вверх. Прижав подбородок к перилам, Лия улыбалась. Не мне — моим волосам...

Я невольно бросил взгляд на дверь. Ну конечно, дверь была открыта, а то не осмелилась бы Лия там стоять.

Что будешь делать, молчу, гляжу в ее зеленоватые глаза.

— Устал? — наивно осведомляется Лия.

— Да, устал, как бы не так!

— Присядь, ежик.

— Тебя не спросил, садиться мне или нет.

— Тогда поднимись наверх. Думаешь, испугаюсь?

— Сама спустись вниз.

— Почему я должна спускаться. Ты поднимись, я тебя здесь встречу.

— Как же, встретишь. А ну, если не трусишь, иди вниз. Не трону тебя.

— Вниз я не спущусь, ежик.

— Знаю, думаешь, не знаю?

— Был сегодня в школе?

— А твое какое дело?

— Да нет, просто так спрашиваю... Сегодня тоже намочил?

— Что? — Я почувствовал, как загорелось у меня лицо.

— Волосы... — спокойно сказала Лия.

— Чего мне их мочить?

— Почем я знаю, сам ведь на каждой перемене мочишь, так и заходишь в класс...

Уж не помню, как я очутился на пятом этаже. Руками и ногами колотил я в дверь, кричал Лии, грозился избить ее. Дверь открылась и показалась мать Лии — высокая, полная женщина.

— В каком ты виде, мальчик? — удивленно спросила она.

Я рванулся в их квартиру. Но лиина мать сильными руками схватила меня за плечи и выставила за дверь.

— Сейчас же уходи домой, не то позову твоего отца, он надерет тебе уши.

Угроза не охладила меня, тем более что в прихожей вдруг мелькнула Лия. Тут я совсем обезумел и, вырвавшись из рук лииной матери, побежал за Лией.

Мать ее догнала меня, поймала, встяхнула крепко и выпроводила, браня:

— Ах ты, уличный мальчишка, убирайся сейчас же! Бог мой, что за ребенок! Скоро он людей станет убивать! Настоящий уличный мальчишка!

Дверь захлопнулась перед самым моим носом.

Я спускался по лестнице и плакал. Слезы застилали мне глаза, я ничего не видел, шагал, ухватившись рукой за перила. Потом опустился тут же, на ступеньку, и рукавом отер глаза. Не хотел, чтобы ребята увидели меня заплаканным. Тотчас подняли бы на смех.

Так я сидел, ни о чем не думая, бессмысленно глядя на испещренную надписями серую стену. Сидел, чтобы хоть как-то успокоиться, прежде чем выйти во двор. Вдруг я услышал осторожный скрип двери. Я не обернулся. Потом услышал, как наверху кто-то на цыпочках вышел на площадку лестницы. Я замер. Мне даже показалось, будто у меня сердце остановилось. Я чувствовал, что вверху кто-то стоит, и знал кто, но не хотел оборачиваться.

Я встал и быстро пошел вниз, лишь на повороте невольно оглянулся. И увидел над перилами бледное, веснушчатое лицо Лии. Она уставилась на меня испуганными зеленоватыми глазами.

Я отвел взгляд и бегом спустился по лестнице.

В ту ночь мне снился сон: по лестницам в подъезде гнался я за Лией, то вверх, то вниз. Лия летела, как ветер. Близко, совсем близко, на расстоянии протянутой руки мчались две ее ноги, тоненькие, как палки. Они мелькали так быстро, как-будто их двигала какая-то машина. Порой мне казалось — еще немного, совсем немного, и я схвачу Лию за щиколотку, поймаю, но всякий раз она вдруг исчезала, и вот уже я один бежал вверх и вниз. Потом Лия снова являлась мне со спутанными волосами цвета меди, веснушчатая, зеленоглазая... И снова я гнался, без конца гнался за ней то вверх, то вниз.

* * *

Этот сон приснился мне еще раз только много лет спустя — уже в юности. Не знаю, случилось ли кому-нибудь второй раз увидеть сон, снившийся в детстве? А я видел, видел все точно так же, как тогда...

Наша семья вела, как говорится, кочевой образ жизни. Отец у меня был военным, офицером, и куда бы ни перебрасывали его часть, мы всей семьей, сорвавшись с места, ехали вслед за ним. Так что с Тбилиси нам в ту пору пришлось скоро расстаться. Наконец-то я успокоился: не нужно больше было бегать по лестнице вверх и вниз — ни наяву, ни во сне.

Вернулся я в Тбилиси восемь лет спустя. Собирался поступать в институт, потому и приехал. Я пришел в свой старый двор, поселился у бабушки и начал готовиться к экзаменам.

Свободное время проводил с ребятами нашего двора. Вместе мы бродили по улицам или стояли возле оперы, беседовали, спорили, строили планы на будущее.

Лию я нигде не встречал. И не спрашивал: где, мол, она. Мне не хотелось говорить о ней. Неприятный осадок оставался у меня на душе: не потому, что Лия дразнила меня в детстве и я до слез злился на нее, нет, мне было стыдно за себя, за то мое самолюбие и честолюбие, которое тогда казалось мне оскорбленным.

Конечно, я уже не считал, что нам, ребятам, необходимы мягкие, как шелк, волосы, локонами рассыпанные по лбу. Я прекрасно чувствовал себя с коротко остриженными, взъерошенными волосами.

Шли дни. Где-то в душе я чувствовал, что вот-вот должен встретиться с Лией. Даже как-то не верилось, что мы жили в одном дворе и до сих пор не виделись. Правда, дом был большой, притом Лия жила в другом подъезде. Но ведь должен же был наступить день, когда мы оба одновременно выйдем из дому или вернемся домой. Или, скажем, я выйду из дому, а Лия будет возвращаться, или наоборот.

Сначала я и не думал о встрече с Лией, а теперь все время ждал: а вдруг увижу ее сейчас. И волновался. Нет, я даже не волновался, что греха таить, — я боялся. Сам не знаю чего, но боялся. Хотя, возможно, это и не было страхом. Но как бы там ни было, встречи с Лией я избегал. Иногда я думал и о том, что, наверно, я где-то уже встречал Лию, только не узнал ее.

Но потом я убедился, что не встречал.

Однажды я вышел из дому. Июльское солнце пекло вовсю. Стояла такая духота, что едва выйдя из подъезда, я сразу же пожалел, что не остался дома. Асфальт был мягким, как ковер, от него поднимался пар.

Пустая, длинная и узкая, как туннель, улица лениво дремала. Мне тоже стало лень куда-либо идти, и я повернул обратно в подъезд.

— Гоги! — услышал я вдруг.

Я не видел, кто это меня звал, и голоса не узнал, но догадался, верней, почувствовал, кто это мог быть, и подумал: вот и настал тот день, которого я боялся.

К подъезду подбежала красивая девушка в узком платье. Мне даже показалось, то это вовсе и не Лия, но девушка сначала посмотрела на мои волосы, улыбнулась, и только потом поздоровалась.

Ну конечно, теперь я сразу узнал врага моего детства. Я тоже улыбнулся ей и поздоровался:

— Здравствуй, Лия!

— Какой ты бессовестный, Гоги!

Сколько я себя помнил, Лия никогда не называла меня по имени. В тот день она впервые обратилась ко мне так, и это прозвучало немного странно.

Довольно долго мы с молчаливой улыбкой рассматривали друг друга. Лия больше не была веснушчатой, и зубы у нее были все на месте. Детскими остались только глаза, большие, зеленоватые глаза. Волосы цвета меди потемнели и блестели еще сильнее, чем в детстве. Она была такая же тоненькая и смуглая и еле доставала мне до плеча. Хоть и не скажешь, что была она маленького роста, — я ведь за эти годы здорово вытянулся. Лия осмотрела меня с ног до головы, улыбка не сходила с ее лица, та старая, знакомая мне улыбка.

— Давно ты приехал?

— Да не так давно, недели две всего.

— Три недели с лишним... Ребята говорили мне...

— Да, три недели, — подтвердил я.

— И не стыдно тебе?!

Я ничего не ответил.

— Должен был прийти, навестить меня.

Я неловко улыбнулся и опять промолчал.

— Почему же не приходил?

— Не знаю.

— Пойдем ко мне сейчас.

— Сейчас?

— Да, сейчас! — сказала она упрямо. И такое нетерпение отразилось на ее лице, как будто бог знает что случилось бы, если б я за ней не пошел. Взяла меня за руку, потянула за собой. Что-то мне не понравилось в ее тоне, но что именно? Не знаю, она не дала мне сообразить. В душе-то я решил, конечно, что ни за что не пойду к ней, только решал я одно, а делал другое. Вот и шел за Лией покорно, как ягненок на привязи.

— Совсем одичал... Надо будет приручить тебя.

Снова поднимался я по длинной лестнице. Туда, наверх, на пятый этаж, где жила Лия. Она на несколько ступенек опережала меня, я молча шел следом. Вдруг она остановилась и взглянула вниз на лестницу. Потом повернулась ко мне.

— Помнишь?

Я кивнул головой и многозначительно улыбнулся: разве, мол, можно забыть.

— Какой ты был глупый, — сказала она, — я-то тоже хороша была, но ты был глупее меня... Как злился...

— Я и вправду злился.

— Как сидел здесь и плакал...

— Правда, совсем был глупый.

— Помнишь, как моя мама тебя выгнала?

Надо же было ей напомнить мне! Нет, я решил все-таки вернуться назад, ведь наверняка Лия и свою мать заставит вспомнить эту историю. Уже заранее меня начала сковывать неловкость, я уже чувствовал, как краснею перед этой женщиной. Но Лия продолжала свое:

— А как носился за мной... И ни разу не поймал.. Ни разу не догнал.

— Вот, если сейчас побежишь, догоню, поймаю!

— А ну, поймай! — Лия сорвалась с места, я за ней.

Она бежала совсем близко. Узкое платье натянулось, красивое гибкое тело ее напряглось. Быстро двигались стройные ноги... Чуть было не догнал я Лию, чуть не схватил ее...

Лия взбежала на площадку пятого этажа, позвонила и смеясь обернулась ко мне. И сейчас все получилось, как в детстве. Еще тогда поражало меня, как это они ухитряются так быстро открывать ей дверь, будто и дела другого у них не было — только и дожидались целый день, когда же Лия нажмет кнопку звонка.

Так что, пока я добежал до Лии, двери уже открылись, и в них показалась ее мать, такая же, какой была тогда, — высокая, полная, только волосы у нее немного поседели. Мать Лии посмотрела на нас удивленно: оба запыхавшиеся, мы глубоко и шумно дышали.

— Мама, гляди, кого я привела, — сразу выпалила Лия.

Лиина мама сперва улыбнулась мне, ей показалось, что она знает меня, но потом она взглядела внимательней, и улыбка сошла с ее лица.

— Не узнаешь?.. Это ведь Гоги!

Мое имя тоже ничего ей не сказало. Я стоял и ждал, когда узнает меня лиина мать.

— Помнишь, как ты выгнала его однажды... Еще обозвала уличным мальчишкой... — смеясь, напомнила ей Лия.

Я неловко поежился, мать Лии покраснела, потом пригласила:

— Заходи, сынок...

Лия ввела меня к себе в комнату, сказала, что оставит на несколько минут одного, и вышла.

Комната Лии мне показалась пустой: низкая тахта, такой же низкий стол, два удобных мягких кресла. На столе разбросаны журналы. У окна, рядом с приемником, на стене — три-четыре набитых книгами полки. Я подошел к окну, выглянул наружу. Увидел раскалившиеся на солнце железные крыши, закопченные дымовые трубы, натянутые провода антенн. В окно солнце не светило, и в комнате было сравнительно прохладно. Какими нелепыми кажутся эти трубы в середине лета, подумал я, да еще такие закопченные, почерневшие от сажи.

Прошло несколько минут, Лия все не возвращалась. Почему-то мне подумалось, что та непонятная привычка, которая была у Лии в детстве, — найти у человека какой-нибудь недостаток и уже без всякого стеснения говорить ему об этом, злить его, — эта привычка сохранилась у нее и сейчас, только стала более скрытой, замаскированной, что ли. И еще меня очень удивила такая наша встреча с Лией, как будто мы с ней не восемь лет, а всего каких-то восемь дней не виделись. Не такой уж это короткий срок — восемь лет, вроде бы не так принято встречаться после восьмилетней разлуки. Я вообще в душе, можно сказать, благоговел перед временем; привык уважать его, глядя на своего отца; как будто даже боялся времени. Все эти чувства были неосознанными, но сидели во мне глубоко.

Потом ведь не обязан же я был сразу по приезде явиться к Лии? Будь она мне другом, тогда иной разговор. Но мы-то в детстве ненавидели друг друга хуже кошки с собакой. Вдобавок Лия все время подчеркивала свое превосходство и смотрела на меня свысока.

Из окна я глядел на крыши, ощущая, как сильно накалено железо. За крышами виднелось небо, бледное, выцветшее от зноя и городской пыли.

В комнату вошла Лия. Я обернулся. Она переделалась по-домашнему в сарафан с узором из ромашек и в тапочки на босу ногу.

— Нравится тебе моя комната? — спросила она.

По правде говоря, я над этим и не задумывался, мне казалось лишь, что комната пуста, неплохо было бы поставить сюда еще несколько вещей.

Лия так близко подошла ко мне, что я не смог выговорить ни слова, за мной не было места, чтобы хоть попытаться, и я отошел в сторону. Она упрямо смотрела мне в лицо своими большими зеленоватыми глазами, словно изучая меня.

— Нравится? — переспросила она.

Я кивнул в знак согласия.

Вдруг я уловил какой-то необыкновенный аромат. Я помнил его с детства, когда по воскресеньям вместе с отцом бывал за городом.

— Я очень люблю мою комнату.

— Хорошая комната.

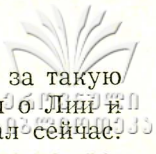
Лия не сводила с меня глаз; растерянный, я оглядывался по сторонам, словно искал, куда бы улизнуть.

— Ты совсем другой... Другой...

— А каким же я должен был быть?

— Не знаю... Я совсем другим представляла тебя.

— И я не думал, что ты такая.

— Правда? Ты тоже думал обо мне?

— Думал, — подтвердил я. Потом сам обозлился на себя за такую ложь и покраснел. До возвращения в Тбилиси я и не вспоминал о Лии и вовсе не старался представить себе, какая она. Так что я солгал сейчас. Но зачем, ведь мог же я сказать ей правду? Духу не хватило, явно не хватило. Притом мне хотелось сделать Лии приятное. В общем я держался как-то напряженно. И казалось мне, что Лия все замечает и чувствует. Поэтому-то я не мог пересилить свою неловкость. Вдруг я подумал, что если бы я встретил Лию так же, как она меня, наверно, никакой неловкости не было бы. Я был скован, связан, насторожен, а Лия чувствовала себя свободно и просто.

— Ты любишь театр? — спросила она после молчания и присела на тахту.

— Театр любят все... Но я редко хожу...

— Не все любят, — перебила меня Лия.

По правде говоря, я не знал, все ли любят театр. И люблю ли я его сам? Сроду я об этом не думал и у других не спрашивал: любишь ли, мол, театр...

— Кто любит, тот и ходит часто, — продолжала Лия. — Вот я... Люблю — не то слово... Я просто не могу жить без театра.

«Решила стать артисткой», — подумал я. И вдруг вспомнил, как Лия всегда умела рассмеяться от души, даже если ей было не очень смешно, могла неожиданно побледнеть или притвориться несчастной, да так, что прямо нельзя было не пожалеть ее. Я и не подозревал, что это, оказывается, талант. Лия что-то рассказывала, долго и увлеченно. Я не понимал ее, будто она говорила со мной на каком-то незнакомом языке, понял только, что Лия уже выбрала себе дорогу в жизни. Уже шагала по этой дороге и ясно видела цель. Большое искусство, большое будущее театра... Лия знала все, что касается театра, знала всех, кто когда-либо имел хоть малейшее отношение к театру...

Иногда она не договаривала свою мысль, просто намекала мне на что-то, считала, что я и так пойму ее. Но я только делал вид, что мне все ясно. А сердце переполнялось досадой, и я больше не замечал ее красивого лица, открытых рук, гибкого тела. Куда-то исчез и тот аромат, от которого я пьянел в детстве, когда по воскресеньям выезжал с отцом за город. Я мысленно оглянулся на пройденный мною короткий путь — там была пустота. Никогда я не мечтал вот так самозабвенно, всем сердцем, всем существом, никогда не приходили ко мне такие раздумья. И той светлой цели, которая звала Лию, тоже у меня никогда не было.

Я и геологом-то захотел стать по чужому совету, кажется, по совету нашего учителя географии. Даже представления никакого не имел о геологии. Знал одно: геологи ходят по горам и долинам, геологи ищут руду: я тоже буду ходить, тоже буду искать руду, подумал я, и решил стать геологом. А с Лией было совсем другое: Лия мечтала, Лия не могла жить иначе — она была рождена для большого искусства. Она мечтала сыграть на сцене себя, сыграть девушку, у которой светлые мечты, высокие мысли, которая познает такую любовь, какую до нее не суждено было знать никому.

— Теперь я пойду, — сказал я, когда Лия замолчала.

Солнце давно уже село. На крыши спускались тени.

— Подожди, чего ты так спешишь, — сказала Лия и встала с тахты.

— Да нет, я пойду.

— Поужинаем вместе.

— Никак не могу остаться... Спасибо...

— Тебе скучно стало? Больше не буду говорить о театре... Я знаю, не все любят театр... Хотя, почему ты не должен его любить...

— Я редко хожу в театр.

— А когда я стану артисткой, будешь ходить?

— Наверно.

— Знаешь, — хоть я тебе об этом уже сказала, но еще раз повторю, — ты мне кажешься каким-то одичалым. Правда, вот и сейчас: будто дикие искры зажглись у тебя в глазах.

— До свидания, Лия.

— Зайдешь еще ко мне?

— Постараюсь.

— Что тут стараться, заходи и все!

— Зайду, если сумею.

— Какое же на это нужно умение!

— Не знаю.

— Я все время здесь, в своей комнате, одна... Поднимись...

Я заметил, что Лия провожала меня обиженная. Она стояла в дверях и смотрела на меня. В больших зеленоватых глазах туманилось сожаление. Наверно, Лия думала, что зря так растрчивала себя передо мной, думала, что ее мечты, планы, замыслы показались мне настолько незначительными, что я даже слова не нашел ей сказать, ничем не поддержал ее надежды. Может быть, Лия хотела, чтобы я тоже раскрылся перед ней и помечтал бы с ней вместе. Тогда... Тогда, видно, поняли бы мы друг друга...

Удрученный, вернулся я домой. Ночью мне долго не спалось. Меня мучали моя никчемность, невежество, дни, прожитые без цели, без мечты. Утром я вставал рано и шел в школу, потом возвращался со школы и готовил уроки, потом немного отдыхал, играл в мяч, лахти, или ходил в кино, или вообще ничего не делал. Потом засыпал. Разумеется завтракал, обедал, ужинал в определенное время. Все выполнял с солдатской точностью.

Я досадовал сам на себя. И сейчас мне казалось, что мое честолюбие или самолюбие опять ущемлено так же, как тогда в детстве, когда я бегал за Лией по лестницам.

Когда я, наконец, уснул, мне приснилась лестница в подъезде: как будто мы снова были детьми. Лия бежала по лестнице вверх, я за ней. Бежал и не мог догнать. Совсем близко, перед самым моим носом, с немыслимой быстротой мелькали две тонкие, как палки, ноги... Это был сон поры моего детства. Так второй раз он приснился мне в юности, а потом уже я не видел его больше никогда.

Но этим не кончилась наша история.

* * *

Я так и не зашел к Лии. Времени не хватало... Я так сильно ощущал эту нехватку времени, как ощущают голод или жажду. Я не понимал, откуда у других бралось так много свободного времени, что они везде поспевали. Шатались по улицам, гуляли с девчонками, бездельничали.

Как только я выкраивал немного свободного времени, я читал или все думал о больших геологических открытиях. Это уже становилось моей мечтой, а мечтать я, видно, научился у Лии... Но у меня не было желания делиться своими мыслями с кем-нибудь, хотя бы и с Лией, которая так просто и доверчиво раскрыла передо мной свою душу.

С Лией я виделся только случайно. Она больше не просила меня подняться к ней. Просто мы здоровались, немного болтали ради веж-

ливости и расходились. Что ж, мне не нужны были ее приглашения. Наверно, настало бы время, когда я сам поднялся бы к Лии, но только не так, как тогда, когда я покорно шел за ней, словно ягненок на привязи. Я сам бы пришел к Лии, сам бы поднялся к ней на пятый этаж.

Летом мы выходили на занятия в поле.

В город я возвращался то опаленный солнцем, загорелый, пропылившийся и обветренный, то насквозь вымокший и прозябший. Я старался выработать в себе навыки геолога: выносливость, смекалку, чутье. К окончанию университета я, кажется, добился своего. По крайней мере, мои преподаватели говорили, что из меня выйдет настоящий геолог...

Дождь...

Ветер...

Снег...

Солнце...

Снова ветер, снова дождь, снова солнце... Вдоль и поперек обшаривали мы горы, на самолетах, на вертолетах, на лошадях, на машинах, на своих на двоих, — на чем только можно было передвигаться. Усталые, разбитые, заваливались спать в палатках или в спальнях мешках и спали без снов.

С гор спускались на равнину, с равнины опять поднимались вверх, в горы.

Время шло...

Иногда, сидя в своей палатке, я вспоминал Лию, ту просторную комнату на пятом этаже, откуда виднелись раскаленные, вылинявшие на солнце железные крыши, закопченные трубы, натянутые провода антенн и пыльное, бледное городское небо. Вспоминались мне задумчивые, мечтательные глаза Лии и странная улыбка, оставшаяся у нее еще с детства. Но все это мне казалось таким чужим и далеким, как приснившийся в юности сон детских лет...

Однажды — я тогда руководил большой геологической группой — наша буровая скважина прогремела на всю страну. Нефтяной фонтан ударил в небо с таким шумом, словно вырвался наружу весь скопившийся в земных недрах гул.

Это был наш праздник. Черный фонтан возвышался как памятник нашим трудам, поискам, нашей стойкости и силе воли, нашим надеждам, даже тем, не сбывшимся, а их горечь нам не раз доводилось испытать после долгих дней бесплодной изнурительной работы.

В долине выросли нефтяные вышки. Нефтяной фонтан обуздали, согнули, укротили, а потом пустили спокойно течь по трубам. На какое-то время мы были свободны, победителями вернулись в Тбилиси, где нас встречали торжественно, по-праздничному...

Оставшись один, я вдруг ощутил в себе какую-то пустоту; сперва решил, что это от усталости, подумал — отдохну, мол, и пройдет.

Отдохнул. Неплохо, кажется, отдохнул...

Повидался с друзьями. Не один пуд соли с ними съел, вместе делили и радость и беду. Пойду, думаю, погляжу на них, их-то, наверно, и не хватает мне сейчас. Но, вернувшись домой, я почувствовал, как опять что-то гложет меня изнутри. И ничем не смог я заполнить этой пустоты.

Словно выжали, выпотрошили меня всего.

Я нигде не находил себе места. И главное, ведь хорошо знал, что именно меня мучает, да все обманывал себя. Вернее, никак не хотел себе признаться, что эту пустоту могла бы заполнить Лия, существовавшая для меня лишь в далеких давно отснившихся снах.

Мне было трудно без Лии не потому, что вот, мол, настало и для меня то время, когда каждый ищет спутника жизни. Встреча с Лией всег-

да будоражила меня, звала к чему-то новому... Потому я и не мог без Лии...

Я давно уже не жил в лиином дворе. Решил проведать бабушку, дай, думаю, обрадую ее. Бабушки всегда рады видеть своих внуков. Но прежде чем зайти к бабушке, вошел в лиин подъезд и поднялся по лестнице.

Я шел медленно и неуверенно, я нес с собой сбывшиеся мечты, раздумья и пустоту в каком-то уголке сердца. В той комнате наверху эта пустота исчезла бы, я знал, что исчезла бы, ведь там я должен был найти Лию.

Подымаясь по лестнице, я не вспоминал, как бегал здесь вверх и вниз, гоняясь за Лией, как прогнала меня лиина мама, и я плакал, сидя вот на этих ступеньках. Все это я припоминаю сейчас, тогда же вовсе не думал об этом.

Четыре этажа остались внизу. На пятом я немного замешкался, собрался с духом и нажал кнопку звонка. Дверь открылась не тотчас же, как бывало когда-то. Я позвонил еще несколько раз. Вышла старая женщина. Я с трудом узнал в ней лиину маму, так она изменилась: лицо в морщинах, волосы совсем седые...

— Здравствуйте...

— Здравствуйте. — Она не узнала меня.

— Я Гоги.

И сейчас мать Лии не узнала меня.

— Помните, как один раз...

— А-а, Гоги... — она не дала мне договорить. — Войдите, войдите, Гоги! Как вы поживаете?.. Знаменитостью стали, забыли нас... Хотя, это всегда так бывает...

— Лия дома?

— Лия ушла в театр... Вы заходите.

— Спасибо... Загляну в другой раз, — сказал я, попрощался, собрался уже идти. Но прежде чем мать Лии закрыла дверь, на всякий случай спросил:

— А в какой она ушла театр?

— В кукольный... Знаете, где это?

— Как же, конечно. Спасибо...

Дорогой я думал: зря сказал ей, что загляну. Почему я должен заходить к ним? Как видно, Лия отвела детей в кукольный театр. Интересно, в каком театре она сама? Сыграла ли она на сцене мечтательную девушку, познавшую такую любовь, какую не знал никто...

Интересно, в каком же она театре? Сегодня же разузнаю, пойду к ней. Нет, не то чтобы пойду к ней, просто тихонько сяду где-нибудь и посмотрю, как она играет себя...

Пустота постепенно все сильнее давила меня, давила так, что я даже чувствовал боль.

Неожиданно я очутился перед лестницей, спускающейся к кукольному театру. Оказывается, погруженный в свои мысли, я и не заметил, как пришел сюда. Не раздумывая, я бегом спустился по каменной лестнице. Входная дверь была заперта. Я взялся за дверную ручку и крепко дернул ее.

Из окна выглянул рыжеусый сторож. Приставил ладонь козырьком ко лбу и принялся рассматривать меня. Я попросил его открыть дверь.

— Спектакль давно кончился, — сказал он, впуская меня, — все ушли..

— Давно? — спросил я бессмысленно.

— Кого вам надо?

Видно, сторож был настолько разговорчив, что не прочь был бы проболтать до полуночи. Разозлившись, я почти крикнул ему:

— Лия, Лия мне нужна! Знаете Лию? Сегодня она была здесь со своими детьми! — Я быстро повернулся, но голос сторожа остановил меня.

— Насчет детей не знаю, а Лия здесь... Одна...

— Лия здесь?

— Да... На сцене... За ширмой.

В зале было темно. Только игрушечный лес над ширмой озарялся фиолетовым светом рампы. И от этого казалось, будто в лесу занималось утро. А вдоль леса двигалась над ширмой рыжая кукла в белом платье с цветочками и в красной шапочке.

— Лия! — позвал я громко, так громко, что зазвенели хрустальные подвески на люстре.

Кукла вздрогнула, взглянула на меня. Я медленно приближался к сцене...

— Лия... Я Гоги... Гоги...

Кукла застыла, как вкопанная.

— Лия. — Я подошел совсем близко к сцене.

— Я Красная Шапочка, — сказала кукла детским голосом.

— Здравствуй, Красная Шапочка!

— А ты кто?

— Я же сказал тебе, кто я.

— Хорошо, а где ты был до сих пор?

— Далеко... Далеко... То высоко — в горах, то внизу — в долине.

— Ты вспоминал меня или нет?

— Там — нет... Хотя как же... Вспоминал иногда, как сон, приснившийся в детстве.

— А я-то думала...

— Вот я пришел, ведь видишь, пришел...

— Пришел... Но... Почему у тебя такие большие глаза? — спросила Красная Шапочка.

— Чтобы хорошо видеть тебя, — ответил я.

— Почему у тебя большие уши? — спросила Красная Шапочка.

— Чтобы хорошо слышать твой голос, — ответил я.

— Почему у тебя такие большие руки? — спросила Красная Шапочка.

— Чтобы хорошо обнимать тебя.

— Почему у тебя такой бас? — спросила Красная Шапочка.

— Чтобы ты хорошо слышала меня, — ответил я.

— Почему у тебя такой большой рот? — спросила Красная Шапочка.

— Чтобы... — я не смог ответить, почему у меня такой большой рот.

— Да, почему? — снова спросила Красная Шапочка.

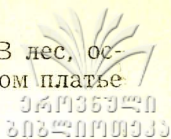
— Лия, выходи! Я знаю, ты за ширмой. Не прячься, выходи, Лия!

Кукла присела на пень и уставилась на меня внимательными зеленоватыми глазами. Красная Шапочка была похожа и не похожа на Лию. Как будто у нее были лиины зеленоватые глаза, ее странная улыбка. Я удивился, как она вместила себя в эту, словно живую, маленькую куклу.

— Лия! Ли-и-я!

Снова зазвенели хрустальные подвески. Красная Шапочка сидела на пне и смотрела на меня с грустной улыбкой.

Молча пройдя темный зал, я еще раз взглянул на сцену. В лес, освещенный фиолетовыми лучами, уходила маленькая кукла в белом платье с цветочками и в красной шапочке.

* * *

Наша группа остановилась на ночлег в Иорском ущелье.

Усталые, заваливаемся спать. Завтра нам предстоит большой переход, надо хорошенько отдохнуть.

Но я не могу уснуть. Долго ворочаюсь с боку на бок, потом встаю и один поднимаюсь в гору.

Безоблачное небо усыпано звездами. Стоит такая тишина, что только звук моих шагов оглашает окрестность. В этом молчании, в этом необъятном безмолвии мне хочется позвать Лию. И я зову ее. И горы повторяют мой зов и возвращают мне его обратно...

Но и этим не кончилась наша история. И не кончится до тех пор, пока живы мы, я и Лия.

Георгий ШАТБЕРАШВИЛИ

Мельник из Твалადи

РА С С К А З

Перевод с грузинского И. Даднани

И чего только не придумают эти тваладцы! Да разве это мыслимо — заполнить амбар принесенной в волосах мукой, печь из нее хлеб, жить себе припеваючи да еще и дом двухэтажный выстроить на вырученные за нее деньги!

Мука, принесенная в волосах... Подумать только, какая же голова должна быть у человека, какой необычайной густоты чуб. И все-таки, подобного рода слухи ходили по Твалადи... Придумать-то можно все, что пожелаешь, ну а если к тому же всем сердцем хочешь в это поверить, любая небылица обратится для тебя в самую что ни на есть достоверность.

Так вот, коли сорвалось с одного болтливого языка словечко, — дальше уж пошло и пошло, и скоро все тваладцы поверили в эту необычайную историю.

— И чему тут дивиться! Разве не помню я, как в плетеную корзину наливали вино!

— Вино в плетенку?

— Ну да... Я не только видел его собственными глазами, мне даже довелось отведать это вино!

Хочешь — верь, хочешь — не верь. Молва чужая, да воля твоя. Пущенное по ветру слово — не документ, заверенный нотариусом, тут уж никому не предъявишь обвинения. А шуточные толки да пересуды не смолкают: ходил, мол, такой-то, да такой-то, и знай себе таскал вино в плетеной корзине вон туда, где у самой околицы растут ясени. Укрывшись в тени, он и его приятель потихоньку попивали вино.

Поначалу все это звучит только как шутка, но постепенно ты убеждаешься, что такой-то человек и впрямь носил вино в корзине. А чтобы поминутно вертевшиися у его дверей соседи не растрезвонили об этом по всей деревне, хитрец и надумал: поставит, бывало, в корзину объемистый боченок, вокруг уложит свежеспеченные хрустящие хлеба, а сверху — вареных кур и свежую зелень. Все это покроет небольшой синей скатертью, поверх нее набросает пучки свежескошенной травы и, вскинув корзину на спину, не спеша направляется к тем ясеням.

Так ты все же мне не веришь, что на самом деле можно таскать вино в плетеной корзине?

Ну вот... А теперь послушаем историю о том, как мельник из Твалادي носил муку в волосах.

* * *

Дом мельника находился не так уж близко от мельницы, но мельник все же умудрялся по нескольку раз в день побывать у себя.

Когда уставшие от долгого ожидания на мельнице крестьяне отправлялись отдохнуть и вздремнуть чуток в тени огромных орехов, мельник поворачивал воронку, поправлял желобы, испытующе заглядывал в мельничный ларь — не заполнится ли он до его возвращения... Затем запирает двери и начинал подниматься по ведущей к дому тропинке. Незнакомец, встретивший его по пути, решил бы, что мельник у тваладцев пожилой, до того был обсыпан мукой его непокорный чуб. Правда, шагал он легко, стремительно, словно и не касаясь ногами земли. Мельник не глядел на сидевших у калиток женщин, не кивал им головой в знак приветствия. Казалось, он на самом деле опасается, как бы невзначай не страхнуть с волос муку.

Да и к чему было ему глазеть на соседок? Слава богу, приветствовать друг друга положено раз в день, поутру... Вот он и желал им всем доброго здоровья рано утром, проходя мимо соседского подворья, и не особенно заботился, с какой именно соседкой он поздоровался, а с какой нет. Все они были на одно лицо, эти женщины. Присмотрев спешащего домой мельника, они всегда говорили одно и то же:

— Вот он! Несет, опять несет!

— Поглядите только на этого головастика!

— Чтобы громом ее поразило, эту его молодую жену. Говорят, встречает его всякий раз на пороге и ставит перед ним огромный таз.

Вот он и стряхивает в него всю муку. Пусть-ка попробует не принести муки! Да она его в дом не впустит.

— Видишь они какие, все исподтишка норывают... Подумать только — если в каждый свой приход принесет он на чубе хоть сто граммов муки, через год амбар у них заполнится доверху.

— То-то, как придет он домой, вечно доносится из их дома смех и воркованье. Ну, конечно, им есть чему радоваться!

— И как только душа у них лежит к этой муке, в волосах принесенной?

— Да уж, нечего сказать, вкусный из нее хлеб выпечется.

— Не беспокойся, тебя они к себе не позовут этот хлеб кушать.

— Да, теперешний мельник все не похож на простодушного Тэдо, который таскал домой муку в огромных мешках средь бела дня, на глазах у всей деревни.

— Потому-то он и попался.

— И этот попадется.

Вертелись жернова, струилась по желобам белоснежная мука в сусеки. И подобно жерновам без устали молили языки сплетниц. Горе мельнику, угодившему под такие жернова!

Присмотрев мельника, идущего из дому на мельницу, женщины вновь принимались кудахтать, словно потревоженные наездки.

— Отнес муку и возвращается...

— Хи-хи... А глаза-то у него так и сияют!

— Он всегда возвращается на мельницу не спеша, улыбается и напевает что-то себе под нос.

— Отчего же ему не петь? Представляю, сколько муки принес он своей красотке, чтобы ей пусто было!

Соседки до хрипоты смеялись собственным шуткам да прибауткам.

А мельник и вправду вышагивал с сияющим, словно полная луна, лицом. Густой чуб его так и сверкал, будто зеркально-черная смо-

ла. Глаза у мельника смеялись, но выглядел он усталым. Казалось, от отнес муку не на чубе, а в десятипудовом мешке. Да и как же ему было не устать, коли бегал он вверх и вниз по тысяче раз на день?

Хотя, к чему это я повторяю небылцы тваладских сплетниц? Ведь это им так мерещилось. Мельник же шагал по проселку и негромко напевал веселую песенку.

Лицо у парня было довольное... Может, глазам его представлялся амбар, доверху заполненный той самой мукой, которую он день-деньской таскал в волосах, или он любовался в мечтах своим недавно выстроенным домом?

Но ведь чужая душа — потемки.

* * *

Уже был выстроен новый двухэтажный дом, и балкон выкрасили в красивый голубой цвет, а мельник, как судачили соседки, все не унимался. Каждый день таскал да таскал в волосах муку с мельницы.

Старики наши, прослышав о сплетнях, только посмеивались. Или возьмут да и спросят у мельника шутиливо:

— Ну как, парень, много муки перетаскал ты своей жене?

— Ох, уж мне эти женщины... Врагу своему не пожелаю попасть им на язычок... Колени у меня пока еще, слава богу, настолько крепкие, что я могу сбегать к себе домой два-три раза в день!

— Слышь-ка! Он и не отрицает! — услышав это, возмущались женщины.

— Ей-богу, вот это вор так вор!

— Два-три раза, говорит, за день!.. Ну-ка, скажи, сколько дней в году? Триста шестьдесят пять... Перемножь да сосчитай, сколько получится!

— А если мало получится, припиши и ту муку, что он каждый раз в карманах приносит!..

Я не собираюсь рассказывать историю любви мельника. Мельник уже был женат на своей избраннице, когда я с ним познакомился. И вся их прежняя жизнь — это тема совсем другого рассказа. Вернемся же снова к истории о муке, которую мельник приносил домой в волосах.

Сколько не старались тваладцы, им никак не удалось обрить мельника. А им этого ой как хотелось! Ведь тогда-то уж наверняка утихли бы сплетни.

Но мельник, если б даже ему угрожала ссылка, все равно не захотел бы расстаться со своим чубом.

Однажды, возвращаясь из лесу, я завернул на мельницу, чтобы немного передохнуть. Мой герой вовсе не походил на описываемых в старых рассказах умудренных жизнью мельников, но он все же был неплохим собеседником. Кстати, если я смыслю что-либо в мельничном деле, то это только его заслуга. Но сегодня он был не в духе. Он сразу же сказал мне, что плохо спал ночь и чувствует себя как побитая собака. «Да и ты выглядишь усталым, — сказал он мне, — пойдём-ка к нам, будешь сегодня моим гостем».

Я с радостью согласился, и вскоре мы оба вышли из мельницы. Но не успели мы пройти и десяти шагов, как мельник остановился, огорченно махнул рукой и повернул обратно. Я проводил его изумленным взглядом и присел на камень у обочины дороги.

Может, он забыл закрыть дверь мельницы? — подумал я.

Но мельник обошел мельницу стороной и поднялся к ручью. Вымыв шею и уши, он подставил под звонкую струю свою обсыпанную мукой голову. У меня испортилось настроение.

Может тут и рассказу конец? Но послушайте дальше.

На обед у них была вареная ку-

рица с чесночной подливкой. Еда показалась мне довольно безвкусной. Мельник же уписывал за обе щеки. На мою тарелку он, кажется, и не взглянул. Правда, когда мы только уселись за стол, он разок сказал мне — угошайся, мол, курица с чесночной подливкой очень вкусное блюдо, и тотчас уткнулся носом в свою тарелку. Молодая хозяйка оказалась более любезной и предупредительной. Она все время повторяла:

— Угощайтесь! Не стесняйтесь, будьте, как дома!

Не исправило мне настроения и терпкое легкое вино «кинцура». Я вернулся домой вконец расстроенный.

О своем посещении мельника я рассказал одной соседке. Она всласть посмеялась, выслушав меня, — да, говорит, здорово они вас провели! Потом потихоньку шепнула мне на ухо — вот завтра сам увидишь, Чиклия и Чикила все выведуют!

Чиклия и Чикила — давнишние мои знакомые. Это известные деревенские лодыри и шалопаи. Начиная с цветения вишен и до поздней осени, когда уже кончается сбор винограда, они вечно шатались по чужим садам, что же касается своих собственных, то к ним они и сойку не подпускали, и как только фрукты начинали наливаться соком, хозяева мигом выносили их на базар.

Вот этим-то парням и было поручено проникнуть в тайну мельника.

* * *

Чиклия и Чикила были ловкие парни. Они быстро перемахнули через забор двора мельника, так что их никто не заметил. Молодая жена мельника была в это время у соседей. Все было предусмотрено заранее.

Но во дворе парни наткнулись на неожиданное препятствие: в густо разросшихся кустах сирени,

где собрались укрыться Чиклия и Чикила, еще раньше них нашли прибежище куры. Хорошо еще, что хозяйку вовремя позвали к соседям. Она примчалась к себе с криком «Хаэ, хаэ!» лишь после того, как Чиклия и Чикила уже закончили борьбу с куриным семейством.

Разъяренная наседка, словно мяч, с кудахтаньем вылетела из зарослей сирени и опустилась у ног хозяйки.

Сделав несколько шагов в сторону кустов сирени, женщина остановилась, а затем принялась считать цыплят.

— Раз... два... три... четыре... где же пятый? Ах, вот и пятый...

Но вскоре она, казалось, позабыла обо всем на свете, и о том, сколько цыплят уже насчитала, да и зачем вообще принялась считать, и, весело напевая, взбежала по каменным ступенькам на балкон.

В зарослях сирени было очень душно, роились комары и мелкая мошкара. Изнемогшие от жары Чиклия и Чикила то и дело отирали со лба пот.

Отсюда, как на ладони, был виден выкрашенный голубой краской балкон дома мельника. Под балконом, около лестницы, находилась маленькая дверца, ведущая в марани и в амбар. Там-то на глазах удивительных парней и должны были разыгратись великие события.

Хозяйка, весело напевая, хлопотала то в комнатах, то на балконе. Куры и цыплята нашли себе другое тенистое местечко. Только оскорбленный петух все никак не мог успокоиться. Время от времени он злобно кукарекал и подозрительно поглядывал на кусты сирени.

Вскоре за забором послышались шаги мельника. Калитка распахнулась, и Чиклия и Чикила первым делом увидели огромный чуб мельника. Белый-белый, словно запорошенный снегом.

«Чего же это он и сегодня голо-

вы не вымыл, коли честный человек!» — Парни переглянулись и сердца у них забились от радостного ожидания.

Мельник поднялся по каменным ступенькам на балкон и только собрался переступить порог комнаты, как появилась его молодая жена. Изумленные парни наконец-то услышали долгожданные слова:

— Принес? Опять принес? Молодец! Вот так и следует выполнять просьбы... Вот это я понимаю!

Мельник, опустив голову, стоял перед женой.

— Ну чего там... Вечно ты об одном... — И он поднес руку к чубу.

— Погоди, погоди, не трогай волосы, стой на месте, не двигайся. Ну-ка отряхнись хорошенько над этим медным тазом!

В зарослях сирени торжествовали! Парни потихоньку хихикали и причмокивали от удовольствия. Им даже слышно было, как звякнул о каменные ступеньки таз.

— Все, все стряхни... Вот так! Погоди! А теперь я вынесу тебе теплую воду.

Мельник стоял на балконе, широко расставив ноги, уныло свесив голову, и что-то тихо говорил жене.

Парни не могли разобрать его слов. Да и не было в этом никакой необходимости. Разве все и без того не было ясно? Теперь Чиклия и Чикила думали лишь о том, как бы поскорее выбраться отсюда и положить конец всей этой истории...

— Вот тебе теплая вода! — слышался на балконе голос хозяйки. — Умойся как следует... Так, так! И чтобы ни одна капля не упала на пол, я ведь не для того убираю каждый день да натираю все до блеска, чтобы ты, вывалившийся в муке, вваливался в дом, словно медведь!

Кусты сирени закачались от изумления. Чиклия и Чикила уныло поглядывали друг на друга.

— Помоги тебе бог! — выдохнул мельник и расправил спину.

— Полотенце висит на дверной скобе, побереги пол, медведище ты эдакий...

Молодая женщина быстро сбегала по лестнице, так быстро, что никто и не поверил бы, что в руках у нее большой медный таз, полный мыльной воды. Ни на пол, ни на ступеньки, ни на чисто выметенную тропинку, которая кружным путем вела к зарослям сирени, не упало ни единой капельки. Видно, жена мельника была ловкой хозяйкой.

Она глянула на петуха, стоявшего у забора. Высокомерный и горделивый, он все еще был не в духе и изредка подозрительно косился на кусты сирени. Наседка нашла себе приют в густых зарослях бурьяна. Цыплята умиротворенно попискивали под материнским крылом...

Кусты сирени затаились, ни единый листик не шелохнулся на ветке. Молодая женщина, даже не оглянувшись в ту сторону, окатила сирень радужной мыльной водой и, весело напевая, повернула обратно к лестнице.

— Ну, а потом?

— Что же могло быть потом... Мы моргали полуослепшими от мыльной воды глазами и в душе проклинали деревенских сплетниц, которые так провели нас своими рассказами. Долго еще пришлось нам прождать, промокшим до последней нитки, в кустах сирени. Долго слышали мы хохот мельника и звонкий смех его молодой жены, доносившийся из освещенных окон. Ну да, к тому времени успело уже стемнеть.

...Так вот, сами Чиклия и Чикила рассказали мне эту историю.

Иосиф НОНЕШВИЛИ

ЛЕСЕ УКРАИНКЕ

Не здесь стихов твоих начало.
Но помнят люди до сих пор,
как ты о будущем мечтала
среди высоких наших гор.

Дорога вверх ползла. Все круче.
Туда, где крепости валы,
где, крыльями сбивая тучи,
ловили молнию орлы.

Тянулась вдаль твоя дорога,
но при тебе твоя беда.
Постой, передохни немного...
О чем тоскуешь ты всегда?

Глаза откроешь: видишь горы,
глаза закроешь: видишь степь,
степь Украины, без которой
и жизнь — не жизнь,
и хлеб — не хлеб.

Но разве Грузия — чужбина?
Здесь о тебе дубы шумят!
Она хранит, как Украина,
твой каждый шаг и каждый взгляд.

Иду по той же я аллее,
где ты прошла. Вдоль тех же гор.
И те же дали пламенеют,
и тот же воздух, и простор.

Нет, здесь тебя не позабыли!
Соединил навеки нас
последний час Гурамишвили
и твой в Сурами смертный час!¹

Перевод с грузинского Р. Заславского*

¹ Давид Гурамишвили в годы изгнания поселился на Украине, где и умер. Леся Украинка умерла в Грузии.

Орда ДГББУАДЗЕ

Королева утренней зари

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского М. Эсакия

В это время показалась хозяйка дома, которая подсказывала знаками мужу, чтобы он пригласил гостя в дом. «Постой, не до того!» — так же молча отмахнулся Тедо.

Я кивнул головой: «Так и есть, все верно!»

— Я нагнал ее под Мцхета. С нею было двое мужчин. Они попросились на мою двуколку. И я вез их километров двадцать. Они звали женщину Зинаидой... Я даже отчество ее запомнил. Сейчас, вот на кончике языка...

— Не Николаевна?

— Точно, Зинаида Николаевна. — довольно улыбнулся Тедо и выпрямился.

— Они разговаривали по-русски? — спросил я, теперь уже не скрывая заинтересованности.

— По-русски. Я знаю русский и многое запомнил.

— Что именно? Постарайтесь вспомнить. Я должен все доложить своему начальству.

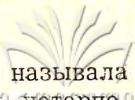
Тедо задумался, подергал себя за вихор и, смущенно улыбувшись, сказал:

— Всего, пожалуй, не припомнить. Я ведь не прислушивался. Так, кое-что... Знаю, что они ехали в Орджоникидзе. Женщина все жаловалась: слишком, мол, медленно эта арба тащится, при такой скорости мы приедем в Орджоникидзе через год.

— А что говорили мужчины?

— Догонит машина, говорили, и пересядем. Они все были в превосходном настроении. Один из них — высокий такой, усатый, краснолицый — все смеялся. Я как сейчас вижу его горбатый нос и лысый череп, а голос у него был тонкий, пискливый.

Продолжение. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 5, 6 и 7.

— Неужели вы не слышали как его звали? Ни женщина не называла его по имени, ни другой спутник? — спрашивал я, охваченный нетерпением. Какое-то чутье подсказывало мне, что я уже сталкивался с точно таким же человеком — высоким, лысым, горбоносым.

— Высокого по имени почему-то так и не назвали ни разу за всю дорогу, а второго зовут Борисом Даниловичем — это я хорошо помню. Такой — среднего роста, коротко стриженный... — Ну, конечно же, это мой старый знакомый, четырехпалый «герой» Сионского собора Борис Саидов. Кто же мог быть вторым? Неужели... Сергей Стась! Я глубоко, даже с некоторым облегчением вздохнул, словно скинул с плеч тяжелый груз.

Очиаури засмеялся, довольный, спросил: «Узнали, не так ли?..» И испытующе поглядел на меня.

— Узнал, — ответил я. — По рассказам, у нее был жених такой вот черноусый. Что было дальше? Рассказывайте...

— Всю дорогу они беседовали, шутили, — продолжал Тедо свой рассказ, — женщине не терпелось попасть в Орджоникидзе. Если, говорит, в ближайшее время мама не получит мою телеграмму, то сойдет с ума. Потом, — хэзьян снова потер лоб, подергал себя за вихор, — ничего такого не произошло, что запомнилось бы мне.

— Они сошли с двуколки до того, как вы заехали к своему приятелю свинарю?

— Километров за десять до его домика.

— Ясно, — сказал я и поднялся со скамейки. Надо было спешить. теперь дорога была каждая минута. Если не успеть в Орджоникидзе до приезда преступников, потом ищи ветра в поле! Город, куда они держали путь, был не так уж велик, чтобы не отыскались их следы.

Самое правильное, конечно, сейчас же отправиться прямо в Орджоникидзе. Но меня почему-то тянуло к Раисе. Может быть, повидав ее, я узнаю что-нибудь об отношениях преступной пары и Зинаиды Кантакузен? Может, она укажет орджоникидзевские связи преступников.

Попрощавшись с хозяином, я направился было к выходу. Но Тедо даже слышать не хотел о моем уходе, пока я не отведу в его доме хлеба-соли. Ухватившись за рукав, он так чистосердечно приглашал меня, так обижался, что пришлось согласиться. Наскоро накрытый стол выглядел очень соблазнительно, но у меня не было времени садиться. Подняв стаканчик за процветание гостеприимного крова, я поспешил к машине. Хозяин и хозяйка последовали за мной. Тедо просовывал в окно длинные хлеба — шоти, а его жена протягивала завернутую в чистую салфетку вареную курицу и бутылку домашней водки.

Стремительно взбежав по лестнице нашего управления, я вошел в кабинет начальника отдела. Он сидел за письменным столом и внимательно рассматривал какие-то фотографии. Увидев меня, он сразу же понял, что я привез какие-то важные вести, и указал на кресло.

Я рассказал все, что мне удалось разузнать, поделился своими планами: «Надо поторопиться, чтобы застать их в Орджоникидзе».

Начальник поднял телефонную трубку и попросил соединить его со своим коллегой из Орджоникидзевского ургозьска. Сообщив ему все обстоятельства дела, он дал подробный словесный портрет разыскиваемых нами преступников. Затем обратился ко мне:

— Я лучше тебя понимаю, что промедление грозит нам провалом. Но, знает бог, не вижу, кто бы мог туда выехать вместо тебя.

— Вместо меня? — поразился я.

— Вы с Пиртахия только что вернулись со сложной операции. Не могу же я сразу дать вам новое задание.

Но можно ли было думать об усталости, когда ты идешь по следу убийц и бандитов! К тому же дело, которое мы начали, не было доведено до конца. Начальник прекрасно знал и понимал все это.

Единственное, что мне хотелось, прежде чем отправиться снова в путь, — успеть повидать свою жену, приласкать четырехлетнюю дочку, по которой я всегда так скучал.

Побыть с семьей час-другой, и можно снова в дорогу.

Пока я ездил в Пасанаури к Тедо Очиаури, Владимир Пиртахия разузнал все, что можно было узнать о Зинаиде Кантакузен. Сведения оказались весьма скудными. Убитая жила на улице Дзержинского вместе с мачехой. Они вдвоем занимали трехкомнатную квартиру на втором этаже большого четырехэтажного дома. Жили замкнуто, уединенно, даже ближайшие соседи ничего не могли сообщить об их житье-бытье.

Евдокия Кантакузен приехала в Тбилиси из Крыма в 1919 году вместе со своей падчерицей, — так, во всяком случае, было записано в долевой книге. Для ведения следствия нужно было еще много других сведений. Следовало допросить мачеху убитой. Но сейчас у меня и Владимира времени на это не оставалось. Поскольку подозрение падало на Стася и Саидова, много пользы могла принести встреча с Раисой Миндиашвили.

Как мне встретиться с ней? Что сказать? Как объяснить неожиданную заинтересованность юрисконсульта безобидной организации путями-дорогами Саидова и Стася, их орджоникидзевскими друзьями? И как можно спросить ее, не знакома ли она с самой Кантакузен? Вопросов было множество.

Может быть, если бы позволяло время, я и смог бы расспросить исподволь обо всем. Сколько времени понадобится на это — день? два? три? трижды три? Или лучше рассказать обо всем — кто я и почему вдруг превратился в представителя семейства Миндиашвили? Может быть, это признание сделает женщину более доверчивой и откровенной. Может быть... Но такой шаг был очень рискован, и трудно предсказать, к каким результатам он приведет...

Оторвавшись от раздумий, я позвонил по телефону домой. Сообщил жене, что я жив-здоров и что снова должен ненадолго уехать в командировку. Потом трубку взяла дочка и обиженно заявила, что она хочет видеть папу, что скучает и что ей надоело играть одной.

Скоро дверь моего кабинета отворил Владимир Пиртахия. Он все же успел сбежать домой, побриться и переодеться, и сейчас был готов в путь.

Наш «газик» резво сбежал по спуску Элбакидзе и свернул налево, на Плехановскую. Перед домом сто четырнадцать я попросил шофера остановиться и, оставив Пиртахия в машине, отправился на поиски квартиры Миндиашвили. На звонок отворила Раиса. Я сразу же заметил, что она была чем-то взволнована и обеспокоена: бледная, с покрасневшими глазами и растрепанными волосами, как будто не успела причесаться с дороги. Увидев меня, Раиса словно лишилась дара речи — молча глядела она, как будто боялась поверить, что перед ней именно я. Наконец, она воскликнула: «Сандро!» и с искренней радостью бросилась мне на шею, как после долгой разлуки.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, заходя в комнату и притворяя за собой дверь.

— Те, проклятые, еще не успели пожаловать, но и тебя я не ждала так быстро, — Раиса испытующе смотрела мне в глаза, словно хотела и не могла решиться спросить что-то. — Ждала и не ждала. А сама все думала: зачем это ему понадобилось меня обманывать...

Меня обдало жаром. Неужели она узнала всю правду? Нет, этого не могло быть...

— Обманывать?.. О чем ты? — переспросил я, стараясь не выдавать смущения, а сам, не присаживаясь, прошел в гостиную. Эта комната оказалась мне более уединенной и уютной.

— Мама сказала, что среди нашей родни никого такого не знает, пояснила Раиса, подождав, пока я поудобней устроился в кресле. Сама она прилегла прямо на расстеленный на полу ковер и снизу вверх поглядывала на меня, улыбаясь, как избалованный ребенок. Мне казалось, что, если судить по выражению ее лица, мне не грозило ничего дурного. «Ну и что же из того, что мы не брат и сестра, — словно говорила Раиса, — все равно я верю тебе, верю, что у тебя в сердце нет злого умысла». Мне казалось, что лицо ее светилось, как луна, только что выскользнувшая из плена мрачных туч.

— Что ты? Должно быть, она просто запаматовала, — удивился я. — Где сама Ирина Прокофьевна, я сейчас ей напомню... — продолжал я, хотя чувствовал, что от встречи с матерью Раисы пока что лучше воздержаться. На мое счастье Раиса ответила:

— Мама опоздает. Она решила сегодня съездить в Мухрани, к своей дальней родственнице. Мама хочет, чтобы я переехала туда, пока те проклятые не исчезнут с нашего горизонта.

Я вздохнул с облегчением и пересел на тахту.

— Жаль, мы бы повспомнили прошлое. Ничего не поделаешь, придется отложить до другого раза. Хотя, вообще говоря, Ирина Прокофьевна побеспокоилась зря. — Наслаждаясь произведенным впечатлением, я вытащил папиросу и, попросив разрешения, стал закуривать. Раиса не скрывала своего удивления. Вскочив с ковра, она пересела ко мне на тахту.

— Почему зря? — прерывающимся шепотом спросила она.

— У меня есть хороший друг, он работает в уголовном розыске, следователем...

— И что? — Раиса приблизила ко мне свое лицо, схватила за рукав.

— Так вот, он рассказал мне о твоих знакомых ужасную историю.

— Какую? — рука Раисы больно сжала мне кисть.

— Убили, говорит, какую-то там Кантакузен и скрылись.

— Зинаиду? Убили?! — Раиса зажала ладонями уши, словно пытаюсь отгородиться от страшной вести, и долго сидела так. Потом пальцы скользнули вниз, по щекам, оставляя на бледной коже розовые полосы. Кровь отлила от губ. На лбу заблестели мелкие росинки пота. Синие глаза наполнились слезами.

— Что за Зинаида? — спросил я спокойно. — Ты знала ту несчастную?

Раиса не отвечала. Она не слышала и не замечала никого кругом. Поднявшись с тахты, я прошелся по комнате из угла в угол и снова подошел к Раисе.

— Я, собственно говоря, забежал на пять минут. Просто хотел сообщить, что на какое-то время опасность для тебя миновала. После такого преступления они не скоро осмелятся высунуть нос наружу.

Я пообещал зайти на следующий день и направился к выходу. Раиса бросилась за мной и схватила за руку.

— Убитую звали Зинаида Кантакузен, да? — Слезы двумя прозрачно блестящими горошинами скатились на щеки.

— Что случилось? Почему ты так расстроилась? Неужели вы были так близки с этой женщиной? — спрашивал я.

— Близки?! Я сама познакомилась бедную Зину с Борисом. Это я, я погубила честного, хорошего человека, — отпустив меня, Раиса упала на тахту и в голос зарыдала.

У меня не оставалось никаких сомнений, что убийцами Кантакузен

были Стась и Саидов. Почему они решили укрыться именно в Орджоникидзе? Может быть, их поджидают там сообщники?.. По всей вероятности, Раиса должна знать что-нибудь о них.

— Да, правда! — воскликнул я, словно внезапно припоминая что-то. — Тебе нечего беспокоиться. Мой друг надеется настичь их в Орджоникидзе, и тогда уж волноваться совсем не о чем. А он человек решительный, я уверен, что из Орджоникидзе им не уйти.

— В Орджоникидзе? — Раиса, лежавшая ничком на тахте, подняла голову. — Где сейчас твой друг? — Она поднялась, приняв какое-то решение. — Я скажу ему, где надо искать их в Орджоникидзе. У Бориса там любовница, он ей доверяет...

Я помедлил и потом с сожалением сказал:

— Да, знать бы все это раньше... А теперь догоняй его! Да и стоит ли?..

— Что ты говоришь, Сандро! — схватив за плечи, встала меня Раиса. — Как то есть «стоит ли»? Пока они ходят на свободе, я ни на минуту не могу быть спокойной. — Нахмутив брови, она тяжело вздохнула. — Ты должен постараться догнать его, прошу тебя, хотя бы ради меня...

Немного поколебавшись для виду, я решил:

— Ну что ж, раз нет другого выхода... — Оглядевшись по сторонам, я снова уселся в кресло возле маленького круглого столика. — Расскажи мне все, что надо передать следователю... — И достав из нагрудного кармана записную книжку, я приготовился записывать все, что она скажет.

В покрасневших от слез глазах Раисы мелькнула радость. Мелькнула и сразу исчезла. Брови нахмурились. Видно, Раиса колебалась: что если преступники сумеют скрыться от преследования и потом будут мстить ей?.. Я поспешил рассеять ее сомнения.

— Если сейчас угрозыску не удастся схватить бандитов, они еще спросят с тебя ответ за потерянную икону. Да и вообще, кто знает, каких гадостей они потребуют от тебя. Нет, уж лучше постараться разделаться с ними раз и навсегда, не то...

Прогнав опасения, Раиса сказала:

— Ты прав, Сандро, сейчас или никогда. И ты должен помочь мне сделать решительный шаг...

— Итак, я слушаю: где следует искать их? — Я снова поднял карандаш и раскрыл записную книжку.

Раиса, прикусив губу, смотрела в потолок, припоминая все подробности.

— Эта женщина живет на улице Тургенева... Тургеневская, девять.

— Что за женщина?

— Ольга Петровна Зубина. Она ничего не знает о Саидове. Думает, что он эстрадный певец и больше ничего. Вообще-то Ольга женщина добрая, порядочная, я ее знаю. Она скрипачка в филармонии. Когда они познакомились с Борисом, у нее только что умер муж. Саидов не отстал от нее, пока не добился своего. Правда, официально они не оформлялись, но считаются мужем и женой. Так что, если Борис действительно в Орджоникидзе, то обязательно зайдет к ней. — Раиса вздохнула, как человек, исполнивший тяжелый долг.

— Тургенева, девять... — записывал я. — А этаж?

— Дом, как я помню, двухэтажный. Зубина занимает двухкомнатную квартиру на первом этаже. Сразу же за оградой, на углу, ее окна. Со двора в квартиру ведут две ступеньки.

— С нею живет еще кто-нибудь?

— В прошлом году она жила одна. Впрочем, тогда она была беременна, так что теперь у нее может быть ребенок.

— Зубина по-настоящему любит Саидова?

Мой вопрос удивил Раису. Увидев ее удивленный взгляд, я понял, что допустил ошибку. Детальные вопросы, совершенно обычные в работе следователя, кажутся в устах человека, которому просто поручили передать адрес, весьма неестественными, настораживающими. Какое мне дело до того, по-настоящему любит Зубина своего Саидова или нет? Надо было как можно скорее рассеять сомнения Раисы. Без тени смущения я повторил:

— Неужели честная, порядочная женщина может полюбить такого выродка?..

— Трудно сказать... По всей вероятности, любит, — сказала Раиса, убежденная в простодушной искренности моего вопроса.

— Больше ничего передавать не надо?

— По-моему, все.

— Ну, тогда я пошел. — Крепко пожав протянутую мне руку, я открыл входную дверь. Раиса успела крикнуть вдогонку, что она желает мне счастливого пути и ждет завтра. Я сбежал по лестнице вниз.

* * *

У въезда в Орджоникидзе я заметил двух человек, стоявших на обочине шоссе и пристально вглядывавшихся в наш «газик». Когда мы проехали, один из них поднял руку. Наша машина остановилась.

Орджоникидзецы предприняли кое-какие меры до нашего приезда, но тщетно: напасть на след преступников им не удалось. Сейчас они ждали вестей от одного сотрудника, который должен был осмотреть дом, взятый на подозрение, и принести сведения.

Оставив их в назначенном месте, мы въехали в город, договорившись встретиться в отделе угрозыска.

Вечер был сырой, промозглый. Северный ветер обрушивал на город мокрый снег. На улице почти не было прохожих.

— И что мы здесь потеряли, — буркнул недовольно Владимир и зевнул. — В такую погодку умные люди сидят в кругу своей семьи и попивают холодную «Изабеллу»...

— Спать хочется? — спросил я.

— Нет, сейчас не до сна, — услышал я ответ Пиртахия. Потом он добавил вполголоса: — Меня волнует другое...

— Что?

— Сегодня мне исполняется тридцать. Жена уже давно готовилась к этому торжественному дню, купила в подарок серебряный портсигар, а я...

— А ты предпочел встрече с друзьями и родственниками отправиться на свидание с Саидовым, — закончил я за него. Сквозь боковое стекло «газика» была видна снежная сумятица, поднятая ветром на неширокой улочке.

— А сейчас я злюсь на свою дорогую супругу, — продолжал ворчать Владимир.

— Она-то чем виновата?

— Зачем раздражила зря — день рождения! Гости! Подарки!

Пожалуй, никогда, еще я не видел Владимира таким злым и ворчливым. Но ничего, это пройдет, и мой друг снова будет веселым и бодрым, дисциплинированным и жизнерадостным. У меня порою тоже бывает такое настроение.

— Можешь не расстраиваться, — успокоил я его, — не вышло в этом году, отпразднуешь в будущем.

— Разве что в старости доведется...

Машина резко затормозила. Шофер, обернувшись, спрашивал ехать дальше. Сняв с руля покрасневшие, замерзшие руки, которые провели «газик» по немислимой дороге на перевале, он ожесточенно тер их одна о другую.

«Может быть, имеет смысл сразу же, не откладывая, ехать на Тургеневскую, чтобы не упустить времени?» — поделился я с Пиртахия. Он решительно отрезал:

— Разумеется, на квартиру Зубиной.

Владимир подался вперед, как гончая, идущая по горячему следу. Я тотчас же умерил его пыл:

— Мы в чужом городе. Не предупредив местных товарищей, мы не имеем права делать подобный шаг. — Кроме этих соображений, если говорить откровенно, меня удерживало и то, что сталкиваться с двумя отчаянными бандитами нам, уставым с дороги и плохо знающим обстановку, было просто небезопасно. Им может прийти на помощь еще кто-нибудь, и мы упустим опасных преступников, сорвем задание...

— Не имеем права! — передразнил меня Владимир. Теперь это была сама решительность и энергия, от его недавних настроений не осталось и воспоминания. — А пока мы будем испрашивать себе по кабинетам права, их и след простынет... — Я видел, как нетерпеливо ерзал Пиртахия, как сверкали его медово-карие глаза, как потирал он ладони и облизывал пересохшие губы.

— А что если они перебьют нас, как цыплят, — иронически проговорил я, — и некому будет в чужом городе проводить нас в последний путь.

Но Владимиру было не до шуток.

— Встретится бы с ними лицом к лицу, а там — будь что будет. — Юношеская безоглядная отвага Владимира прищлась мне, откровенно говоря, по душе. Я видел, как он подталкивал в спину водителя: «Езжай, мол, чего раздумывать!» Шофер вопросительно поглядывал в мою сторону, чувствовалось, что и он поддерживает Пиртахия. И тогда я сдался.

— Что ж, давайте проедемся по Тургеневской, посмотрим что и как, уточним обстановку и отправимся дальше.

Шофер выключил мотор и вышел из машины. Владимир замер, словно бы заснул — видеть, боялся, как бы я не передумал.

Шофер разузнал у прохожих, в какую сторону надо было ехать, и вернулся.

«Газик» остановился в начале улицы Тургенева. Мы с Пиртахией вылезли из машины и медленно направились вдоль слабо освещенного тротуара. Владимир пошел вперед. Разглядев над железными воротами цифру девять, он остановился, заглянул в темный двор. Долго оставаться на безлюдном тротуаре было нельзя — нас могли заметить. Сойдя на мостовую, я подал знак Владимиру следовать за собой.

Высокая каменная ограда скрывала маленький дворик от чужих глаз. Настороженную тишину нарушало лишь журчание воды из небольшого фонтанчика. Я вошел во двор.

Огляделся. Налево от угла сияли два освещенных окна, свет белым прямоугольником падал сквозь застекленную дверь, отделенную от двора лесенкой в две или три ступеньки. «Второго выхода не должно быть», — отметил я и обернулся к Владимиру.

— Оставайся здесь, следи за дверью, — шепнул я и собрался идти, но рука друга удержала меня.

— Пойду я, — решительно сказал Владимир. — У меня легкие сапоги, не услышат. Если кто-нибудь есть дома, лучше зайти. — Зная его характер, я предвидел, что он может не ограничиться только разведкой и ввяжется в какое-нибудь опасное предприятие. Увидев бандитов, он не удержится от стычки с ними. Да к тому же на нас обоих были совершенно одинаковые сапоги, сшитые одним сапожником.

— Оставайся здесь, — повторил я и высвободил руку.

Сквозь первое от угла окно я ничего не смог увидеть. Плотная занавеска скрывала комнату. Матовое стекло двери было тоже совершенно непроницаемо. Миновав входную дверь, я заглянул во второе окно. Оно было занавешено, но в одном углу занавеска зацепилась за что-то. Обрадовавшись удаче, я заглянул в комнату. Она была освещена небольшой лампочкой. На противоположной стене равномерно покачивалась тень. Приглядевшись, я понял, что это было отражение подвешенной к потолку колыбельки, раскачиваемой чьей-то рукой. Мне показалось, что для женщины рука была велика. «Ольга Зубина в прошлом году ждала ребенка от Саидова. Может, это он и есть», — мелькнула у меня мысль. Ничего удивительного, что отцовское чувство привело сюда Бориса, и теперь он сам убаюкивает сына или дочь.

У меня появилась отчаянная решимость: зайти в комнату. Времени для размышлений не было. Внезапность могла оказаться незаменимым союзником. Я сознавал, что поступаю неправильно, опрометчиво, но интуиция столько раз помогала мне в моей практике, что я и в этом случае решил довериться ей.

Выпрямившись, я уверенно направился к двери. Я чувствовал, что Владимир здесь, он следит за каждым моим шагом и в любую минуту готов прийти на помощь.

Я постучал.

— Войдите, — послышался густой бас. Я почувствовал легкий озноб, как бывает на охоте, когда приближается решительный момент. А сейчас мне предстояла встреча с опасными преступниками, которые ограбили собор, ставший памятником национальной культуры, убили человека. Отплатить им за все было делом профессиональной чести.

Перешагнув порог, я нащупал в кармане револьвер и опустил предохранитель.

— Кого надо? — снова прогудел бас.

Передняя комната была пуста. Я направился к двери, которая вела в глубь квартиры. Нужно спешить, не дать им времени оправиться от неожиданности. Передо мной оказался плотный, коренастый мужчина, с черными усами и рассыпавшимися по лбу черными вьющимися волосами. «Борис Саидов», — пронеслось в голове.

Рука мужчины соскользнула с колыбели и медленно, неприметно для глаза стала красться к поясу. Он не сводил с меня глаз.

Напряженное безмолвие, воцарившееся в комнате, нарушалось лишь равномерным поскрипыванием вделанного в потолок кольца, к которому была привешена колыбелька.

Сначала я хотел как ни в чем не бывало спросить Ольгу Петровну. Но увидев крадущуюся к карману руку Бориса и злой огонек, загоревшийся в его глазах, я невольно отступил на шаг назад и выхватил револьвер.

Саидов был стреляным воробьем: увидев, что дела плохи, он уронил руку на колено и на мгновение прикрыл глаза. Мне даже показалось, что я услышал скрежет зубов, словно из стены вытащили искривленный ржавый гвоздь.

Но Борис тотчас же пришел в себя, открыл глаза и, перехватив мой

взгляд, устремленный на его руки, сжал их в кулаки. Но было уже поздно — я увидел, что на правой руке не хватает пальца, и убедился, — передо мной действительно тот, кого я искал.

Подняв револьвер на уровень его лба, я негромко, но решительно приказал:

— Руки на затылок!

Саидов вздохнул, переплел пальцы поднятых вверх рук и заложил за голову. Подчинившись моему приказу, встал и приготовился идти впереди меня к выходу. Как раз в эту минуту открылась дверь, и в комнату вошел Пиртахия — бездеятельное стояние во дворе было пыткой для него. Обыскав Бориса, он вытащил спрятанный на бедре с правой стороны «стольшинский браунинг».

Арестованный попросил разрешения переодеться и уложил в небольшой чемоданчик смену белья, полотенце и кое-какие необходимые мелочи. Постояв с минуту неподвижно, он наконец вздохнул, словно разрешил какую-то сложную задачу, и обернулся ко мне.

— Ну, пошли.

— Пошли, — ответил я и знаком велел Владимиру остаться на месте.

Когда мы уселись в машину, я спросил:

— Где Стась?

— Стась? — засмеялся Саидов. — Вы считаете меня наивным мальчиком или же сами так наивны?..

— Почему? — поинтересовался я.

— Неужели вы воображаете, что я выдам сейчас же визитную карточку с последним адресом Стася! Его вам не видеть, как собственных ушей.

Теперь надо было действовать без промедления. Узнав об аресте Саидова, Стась и его приятели могли скрыться. План действий был прост и очевиден: надежно «пристроить» Саидова, вернуться на квартиру Зубиной и ждать гостей. Эта квартира должна стать своеобразным неводом, мимо которого не смогут пройти ни Стась, ни прочие их единомышленники. Я был уверен, что ловушка окажется безотказной: арест Саидова мы провели так, что об этом не узнала ни одна живая душа.

Шофер остановил машину на перекрестке и расспросил у постового милиционера дорогу до угрозыска. Саидов, услышав это, повернулся ко мне:

— Может быть, вы скажете, наконец, кто вы и что вам от меня нужно?

Этот вопрос был подобен запоздалой попытке утопающего ухватиться за соломинку. Видавшие виды преступники обычно в подобных обстоятельствах лихорадочно выискивают способ удрать до того, как попадут в угрозыск: им хорошо известно, что оттуда уже не выбраться.

— Вы хотите узнать, кто мы? — тихо переспросил я.

— Ну конечно же! Врываетесь в мой дом, хватаете, везете, бог знает куда, — и все молчком!

— Мы родственники Зинаиды Николаевны.

Саидову удалось скрыть удивление, только дыхание, ставшее прерывистым, выдало его волнение.

— Какой Зинаиды Николаевны? — преувеличенно ровным голосом спросил он.

— Зинаиды Николаевны Кантакузен. Впрочем, подробности потом. Сейчас следует поторапливаться, — обратился я к шоферу. — Надо как можно скорей вернуться к Зубиной, не то саидовские дружки могут утомиться, разыскивая этого человека.

Поглядывая на своего соседа краешком глаза, я явственно увидел

как он сжался, съежился, словно лопнула туго натянутая струна. Я ждал этого — услышав фамилию Кантакузен, Борис понял всю безвыходность своего положения. Настало время, когда с него спросят ответ за кровь и преступление.

Наш «газик» резко затормозил у подъезда угрозыска. Из машины первым выскочил шофер, за ним медленно вылез Саидов. Потянувшись, как будто только что встав ото сна, он зашагал к большой дубовой двери, с трудом волоча ноги.

— Что ты тащишься, словно тебя прокляла Сионская богородица! — прикрикнул я на него.

Борис жалко улыбнулся, пробормотал: «Ладно, ладно, вам все известно — тем лучше для вас!» — и тяжело затопал по широкой лестнице.

...Выписав в отделе ордер на обыск квартиры Зубиной, я в сопровождении двух здешних сотрудников вновь отправился на Тургеневскую улицу. Остановили машину за углом и с соблюдением всех предосторожностей приблизились к дому номер девять. Один человек остался у ворот. Подойдя к застекленной двери, я прислушался: в комнатах не было слышно ни звука. Потом я осторожно заглянул в окно — лампочка по-прежнему лила свой неяркий свет, но тень от колыбели не шевелилась. Судя по всему, хозяйка еще не приходила. Ребенок спал.

«Надо сделать все, что в наших силах, чтобы черная тень его отца не отравляла ему жизнь», — подумал я.

— Как нам располагаться? — спросил Пиртахия, прерывая мои размышления.

Я огляделся. Один угол комнаты, тот, в котором висела колыбель, был отгорожен раздвижной ширмой. За этой ширмой по моему приказанию укрылись Владимир и орджоникидзевский товарищ. Я сам собирался спрятаться за шкафом, который стоял в передней комнате. Но едва я перешагнул порог, как открылась входная дверь и показалась высокая русоволосая женщина с фарфоровым молочником в руке. Увидев меня, она удивленно подняла брови, молча поставила молочник на маленький столик в углу и недоуменно уставилась на меня. Потом, все еще не произнося ни слова, поглядела в другую комнату. Не увидев там Саидова, она почувствовала какое-то смутное беспокойство и спросила:

— Где Борис? — Потом, видимо, чтобы исправить неловкость, смущенно улыбнулась. — Вы одни здесь, а где Борис Данилович? — Она медленно прошла во вторую комнату.

Я последовал за ней. Ребенок лежал в колыбельке и спал — это успокоило женщину. Она вздохнула с облегчением.

— Не волнуйтесь за Бориса, его, к счастью, удалось вовремя спасти.

— Спасти?! Ничего не понимаю... — В голубых глазах женщины мелькнуло искреннее недоумение.

«Раиса была права», — подумал я. Достаточно взглянуть на эту женщину, чтобы убедиться в ее честности и порядочности. Она не обладала броской и эффектной внешностью, но в то же время какая-то необъяснимая женственная привлекательность ее не могла не обратить на себя внимание. Худое, слегка удлинненное лицо, выпуклый лоб, губы, из-за которых в разговоре выступало два крупных зуба, красивый подбородок с ямочкой посередине... Голова была гордо посажена на высокой, красивой шее. Умные, добрые глаза вселяли в меня уверенность, что с ней можно обо всем говорить откровенно. Но все же пока я предпочел осторожность.

— Все узнаете в свое время. Сейчас мы не можем вам все объяснить. О Борисе не думайте, он в безопасности. Мы пришли сюда, чтобы встретиться с его врагами. Если бы мы опоздали, сегодня ночью ему пришел бы конец. — Я поспешно придумывал, что бы сказать еще такое, чтоб успо-

жонить ее. Времени не было. Каждую минуту мог зайти Стась или еще кто-нибудь, и тогда... — Со мной два друга. Они там, за ширмой. Не бойтесь, мы не задумали ничего плохого. Если угодно — вот вам документ. Я потянулся к карману, но женщина с улыбкой остановила меня. Потом нетвердым шагом направилась к колыбели и устало села на стул.

— Бог мой! Откуда могут быть недруги у Бориса, он ведь такой хороший. — Ольга схватилась за веревку, на которой висела колыбель, и притянула ее к себе, словно опасаясь, чтобы никто не отнял у нее ребенка. — К тому же сегодня ночью они с друзьями собирались поехать в Москву.

— С какими друзьями? — спросил я, приблизившись к ней.

— С Игорем, с Сергеем...

Сергей — это, конечно, Стась. Держа в руках Саидова, я мог быть уверен, что и Стась никуда от меня не уйдет. Но Игорь? Их главарь, атаман. Человек, которого Раиса характеризовала как бездушного и безжалостного. Страх перед этим «Бароном» преследовал ее даже тогда, когда она была за тридевять земель от него. Откровенно говоря, я не рассчитывал на столь скорую встречу с ним. Но уклоняться от нее нельзя. Сердце у меня стучало, как у охотника, который ставит капкан на лису, а находит в нем гиену.

Я погасил свет в передней комнате. Теперь во всей квартире горела лишь одна лампочка.

— Как раз они — Игорь и Сергей — злейшие враги вашего мужа. Но сейчас не до объяснений. — Я отодвинулся в сторону, чтобы сразу же не попасться на глаза, если кто-нибудь вдруг откроет дверь. Потом, подойдя к женщине, я положил руку ей на плечо и как можно убедительней сказал:

— А вы возьмите ребенка и пройдите с ним за ширму. Лучше всего, если вы ляжете на пол — всяко может случиться, вдруг они вздумают оказывать сопротивление.

Ольга Петровна побледнела, дрожащими руками взяла ребенка и крепко прижав его к груди, скрылась за ширмой.

Достав из колыбели детский тюфяк, я протянул его, чтобы она постелила его на полу, и спросил:

— А где они сейчас?

— Пошли в магазин купить кое-что на дорогу. Но почему-то задерживаются, — шепотом ответила Зубина.

Во дворе послышались чьи-то громкие голоса, смех. Я быстро вышел в переднюю комнату, укрылся за шкафом.

— Конечно, ничего невозможного... — произнес у самой двери тонкий голос. Я почувствовал, как в комнате повеяло холодом — открылась и сразу же затворилась входная дверь.

— Никто не приглашает нас войти. Значит, медовый год продолжается, — голос, произнесший это, был холоден и ровен.

Первый — Стась, второй, должно быть, — Игорь, отметил я. Мой обострившийся слух уловил легкое движение за ширмой в другой комнате: это приготовились к действию мои ребята.

Продолжение следует

Владимир ЭЛЬСНЕР

НАШ ВЕК

Когда захватывает созиданье,
И жизнь пылает творческим огнем,
Мной глубже ощущается дыханье.
Отчетливее вижу все кругом.

И в героический наш век, чудесный,
Когда сменились формы бытия,
Мне кажется уже не в меру тесной
Скорлупка ограниченного «Я».

И в этом видоизмененном мире
Войной не омрачится светлый век.
Освоив дальние пути в эфире,
Вражду и рознь отринет человек.

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

министр культуры Грузинской ССР

Всегда с партией, всегда с народом

Под руководством Коммунистической партии наш народ строит новое общество, где Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство, Счастье всех народов станут реальной, повседневной нормой жизни, и человек взойдет на новую вершину, озаренную солнцем коммунизма. Советский народ, наша партия первыми прокладывают путь к этой вершине. И поэтому нам все время приходится искать и находить новые политические и организационные формы, наилучшим образом соответствующие каждому новому периоду развития советского общества.

В последнее время особенно много внимания уделяется приведению в боевой порядок идеологического фронта нашей партии. Этапы этой большой и политически важной работы всем хорошо известны: это — встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, идеологические совещания в Москве и в республиках, наконец, июньский Пленум ЦК КПСС. Все это накладывает на работников культуры, литературы и искусства огромную ответственность. На встрече с работниками культурного фронта Никита Сергеевич Хрущев говорил:

«В битве за коммунизм, которую мы ведем, важнейшее значение имеет воспитание всех людей в духе коммунистических идеалов. И это составляет главную задачу идеологической работы нашей партии в настоящее время. Нам на-

до привести в боевой порядок все виды идейного оружия партии, к числу которых принадлежит и такое мощное средство коммунистического воспитания, как литература и искусство».

В этих словах ясно и конкретно сформулирована задача, стоящая в данный момент перед нами: все виды идеологической работы должны быть направлены к одной цели — воспитанию советских людей в духе коммунизма. Таков тот высокий критерий, которым проверяется труд каждого из нас.

Осмысливая с этой точки зрения работу всех отрядов работников литературы и искусства нашей республики, мы должны всегда помнить о том открытом и принципиальном разговоре, о том свободном и деловом характере обмена мнениями, который царил на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, на июньском Пленуме ЦК КПСС.

Давая общую оценку положению дел на культурном фронте, Н. С. Хрущев сказал: «Партия, ее Центральный Комитет считают, что советская литература и искусство развиваются успешно и в основном хорошо выполняют свои задачи. Но было бы очень вредным преувеличивать успехи литературы и искусства и не видеть серьезных недостатков в работе писателей, художников, композиторов, деятелей кино и театра. Канихлибo идейно-творческих провалов чрез-

вычайного характера не произошло, но речь тем не менее идет о существенных недостатках, а в ряде случаев и ошибках, мириться с которыми нельзя».

Эта четкая оценка положения литературы и искусства в масштабе всей страны дает нам ключ к правильному освещению состояния дел на этих важнейших участках идеологической работы в нашей республике.

Достижения, которые имеются у нас во всех областях культуры, значительны и очевидны. Приток новых сил, активизация мастеров старшего поколения, появление большого количества значительных произведений — новых стихов, романов, повестей, пьес, спектаклей, кинокартин; создание новых опер, симфонических, камерных, эстрадных произведений; появление целого ряда молодых талантливых исполнителей — певцов, драматических актеров, инструменталистов, — все это, несомненно, слелало грузинскую литературу и искусство за последние годы еще более богатыми, разнообразными, яркими и интересными.

Уже из одного перечисления видно, насколько тесно и неразрывно переплетаются в нашей деятельности чисто творческие вопросы с организационными. Неуклонное пополнение рядов деятелей литературы и искусства новыми силами — процесс естественный и плодотворный. У нас, в советском обществе, нет и не может быть прогнвопоставления «отцов и детей». Сама эта «проблема» от начала до конца надумана, высосана из пальца. «Авторы» ее, независимо от возраста, бездельники от литературы и искусства, которым хотелось бы посоветовать приложить свою «энергию» к более полезному делу.

Однако, это вовсе не означает, что о творчестве молодых нельзя говорить особо. Наоборот, этот разговор следует вести постоянно, а не кампанейски, не от случая к случаю, принципиально и по-деловому, ясно и конкретно указывая молодым творческим работникам на те достижения и недостатки, которые у них имеются.

Напомню еще одну аксиому: молодежь нуждается в повседневном внимании, ее надо учить и направлять, ей надо помогать. Эта помощь, прежде всего, должна вестись по идейно-творческой линии. Ни возраст, ни отсутствие опыта не могут служить оправданием забвения таких основ нашей литературы и искусства, как народность, партийность.

Но мне хочется напомнить и о другой стороне вопроса: о чисто практической помощи и поддержке, в которой нуждаются молодые кадры. Обратимся к примерам. Министерство культуры Грузинской ССР систематически «насыщает»

районы квалифицированными работниками. Ежегодно на постоянную работу в районы направляется 140 специалистов с высшим и 580 со средним образованием.

Мы внимательно следим за ними и можем смело сказать, что большинство из них проявило себя на новых местах — в городах и селах — хорошо.

Хорошо проявили себя также молодой дирижер, руководитель Государственного ансамбля песни и танца Грузии А. Кавсадзе, художественный руководитель Государственной капеллы Г. Баградзе, лауреаты международных и всесоюзных конкурсов Э. Вирсаладзе и Л. Исакадзе и многие другие. А сколько такой молодежи в других областях искусства, в литературе!

Не подлежит сомнению, что все их достижения рождены не только природными способностями, талантом, но и вдумчивой учебю у опытных мастеров, постоянной помощью старших товарищей. А там, где такая постоянная и деловая помощь молодым кадрам отсутствует, возникают всевозможные недостатки, провалы, искажения. Так появляется почва для всякого рода идейно-эстетических уступок, псевдоноваторских «изысков», так появляются рецидивы низкого художественного уровня отдельных бескрылых, натуралистических произведений, так создаются предпосылки текучести кадров, при которой молодому творческому работнику по существу даже не удается полностью проявить свои возможности.

Те значительные изменения, которые по инициативе Коммунистической партии в настоящее время вносятся в организационные формы работы в области культуры, искусства и литературы, свидетельствуют о непреходящем значении этих сторон общественной жизни. Именно такими причинами вызвана необходимость мер по улучшению работы творческих союзов и Министерства культуры, создание Государственного комитета по кинематографии, недавнее выделение в единую самостоятельную организацию, подобную названному комитету, всех полиграфических и издательских учреждений. По моему убеждению, уже высказанному выше, все эти практические организационные меры несомненно отразятся на уровне творческой работы.

В этом плане мне хочется остановиться на некоторых сторонах нашей деятельности. Достижения грузинского театра и кино за последние годы хорошо известны. В этих областях искусства бережно хранятся и развиваются лучшие традиции реалистического творчества. Театр и кино верно служат делу коммунистического воспитания наших людей. Следует отметить ту огромную

роль, которую сыграли в интернациональном воспитании трудящихся взаимные гастроли Бакинского, Ереванского и Тбилисского театров оперы и балета. Эти гастроли, вылившиеся в яркую демонстрацию дружбы народов трех закавказских республик, могут служить лучшей пропагандой подобных культурных обменов, которые надо укреплять и расширять.

Но можем ли мы сказать, что на таких важных участках культурного фронта, как театр и кино, у нас все обстоит благополучно? (Я говорю о театре и кино вместе, потому что целый ряд недостатков в их работе, на мой взгляд, порожден сходными причинами.)

Состояние этих видов искусства во многом зависит от состояния художественной литературы: общеизвестно, что пьеса и сценарий — основа театра и кино. Но писатели по-прежнему держат их на «голодном пайке»; острая, хорошая пьеса, высокохудожественный сценарий на современную тему все еще редки у нас. Может быть, именно репертуарным голодом объясняется возросшее количество инсценировок и экранизаций — любой роман, рассказ, порою даже маленькая новелла кое-как «перелицовываются» для кино и театра.

И сидит в театре зритель, зачастую равнодушный к тому, что происходит на сцене, и с нетерпением ожидает конца спектакля. В последнее время ведущие театральные коллективы Грузии пересмотрели свои репертуарные планы, на тбилисских сценах появились герои «Разлома» В. Лавренева и «Любови Яровой» К. Тренева. Но это не снимает с повестки дня острой потребности в столь же значительной по идейным и художественным качествам современной грузинской пьесе.

Призывы, которые систематически адресуются к ведущим грузинским писателям, — создавать произведения для театра и кино — не привели к желаемым результатам, да, пожалуй, и не могли привести, не будучи подкреплены соответствующими организационными мерами.

Помимо репертуарной проблемы театральные работники Грузии волнует немало других вопросов.

Если судить только по цифровым, статистическим данным, количество спектаклей на современную тему в наших театрах не так уж мало. Однако большинство их не достигает уровня лучших сценических творений, которыми прославлена история грузинского театра. На его сцене все еще не появился полноценный образ нашего современника, борца и патриота, подлинного героя наших дней, строителя коммунизма. Основной бедой нашей сцены продолжают оставаться такие недостатки, как мелко-

темье, схематичность образов, штампы и шаблоны сценического языка.

Стало быть, вина ложится не только на драматургов, но и на актеров и режиссеров. Печально видеть, что некоторые наши режиссеры в течение ряда лет находятся на точке замерзания, в их работе не чувствуется творческого горения, не видно поисков новых средств выразительности. В то же время ряд режиссеров под видом новаторства пытается предложить нашему зрителю формалистические выкрутасы. Мы должны решительно бороться против всяческих проявлений формализма и натурализма на грузинской сцене, свято беречь высокие реалистические традиции нашего театра.

Серьезное внимание следует уделить проблеме организации работы наших театров в новых условиях. После образования новых производственных управлений большинство районных театров перешло в ведомственное подчинение городских органов. Однако практика показывает, что эта форма не везде оказалась оправданной и целесообразной. Например, Зугдидский театр не может работать, ориентируясь исключительно на городского зрителя. Его существование и рентабельность во многом зависят от того, насколько удастся ему наладить связь со зрителями из колхозов ближайших районов. А таких фактов — с различными вариациями — в повседневной работе встречается немало.

Проблема народности, жизненной правды остается основной и в области музыкального творчества. Этот вопрос с особой остротой возникает на нынешнем этапе музыкальной жизни республики, когда ряды наших композиторов, инструменталистов и вокалистов пополняют новое пополнение, когда выросло и окрепло их профессиональное мастерство, расширилась сфера эстетических исканий.

Воплощение больших идей нашей эпохи, разумеется, немисливо без овладения высоким профессионализмом. Это подразумевает широкую музыкальную образованность, обогащение творческой палитры опытом братских культур народов Советского Союза, знакомство с лучшими достижениями современной прогрессивной реалистической музыки.

Но тут-то некоторую часть композиторов, идущих по пути к подлинному мастерству, подстерегает и опасность: стремление к новаторству само по себе, увлечение неоправданными, чисто формальными заимствованиями и реминисценциями может привести к серьезным идейно-художественным просчетам, так как в произведениях такого типа отсутствуют глубоко человеческие пережива-

ния, этические и социальные идеи нашего времени.

Все лучшие, бессмертные творения мирового музыкального искусства характеризуются, прежде всего, органичным сочетанием традиций и новаторства, неразрывной связью с национальными корнями. Народность в самом высоком смысле слова — основа основ подлинного искусства. Особое значение это имеет для творчества наших композиторов, к услугам которых неисчерпаемые богатства грузинской народной музыкальной сокровищницы. Однако, истинная народность, выросшая на национальной почве, не имеет ничего общего с национальной ограниченностью в формах и средствах музыкальной выразительности.

Грузинскими композиторами, которые имеют немалые достижения в создании значительных по мысли и по форме произведений таких жанров, как симфония, концерт, оратория, все еще не решена столь важная задача, как создание высокохудожественной оперы на современную тему.

Значительно больше следует заниматься пропагандой лучших достижений советской музыки, которые могут служить примером глубокой идейности и подлинно современного мастерства. Подобные музыкальные произведения способствуют не только укреплению профессионального мастерства исполнителей, но и повышению эстетических критериев и вкусов широкой общественности. Только таким путем можно бороться с дурными увлечениями и бездумным подражательством пустому буржуазному искусству. К сожалению, нам все же приходится отмечать, что у некоторой части нашей молодежи интерес к «импортной» джазовой какофонии порой заменяет все другие эстетические и интеллектуальные потребности.

Известно, какое большое значение в эстетическом воспитании трудящихся имеет музыкальное образование. Несмотря на выросшую за последние годы сеть музыкальных учебных заведений, специальные школы и училища не могут охватить всех желающих. Музыкальные группы, созданные в общеобразовательных школах, стали очагами музыкального образования самых широких масс. Думаю, что это полезное дело должно быть продолжено и доведено до конца. Для этого музыкальные группы должны быть созданы не только в 1—7-ом классах, как теперь, но и в 8—11-ом классах, причем работать они должны на началах хозяйственного расчета. Эта мера позволит всем желающим овладеть началами музыкальной культуры без отрыва от общеобразовательной школы, уменьшит конкурс в музыкальных училищах, где бывает 4—5 желающих на

одно место, и позволит выявлять музыкально одаренных детей.

Заметно оживилась за последнее время деятельность творческого коллектива художников Грузии. За прошедшие месяцы текущего года мастера изобразительного искусства представили свои произведения на нескольких выставках. Большой успех в целом выпал на долю Республиканской художественной выставки, устроенной в начале этого года. Состоялось несколько групповых выставок, на которых были представлены рисунки и этюды наших живописцев, скульпторов, графиков, созданные во время творческих командировок на заводы, фабрики и колхозные поля республики. Популярностью у зрителей пользовалась выставка, посвященная Международному конгрессу женщин. Недавно в Москве была устроена выставка прикладного искусства и графики Грузии, которая также получила признание широкой общественности.

Но было бы ошибкой делать вид, что в нашем изобразительном искусстве все обстоит абсолютно благополучно и нет никаких недостатков, нуждающихся в выявлении и преодолении. Высказывания Н. С. Хрущева на выставке московских художников, посвященной юбилею МОСХа, накладывают на всех нас особую ответственность.

Мне кажется, с этой точки зрения бесполезно вернуться к разговору о последней Республиканской художественной выставке. В основном, повторю, эта выставка заслужила хорошую оценку. Она показала, что у нас нет крайних проявлений формализма, таких как абстракционизм. Но было бы неверно на этом основании отметить всякие попытки объективно и критически проанализировать недостатки в работе наших художников.

Выставка 1962 года имела недостатки и в подготовке, и в результатах. Видимо, не случайно не участвовали в ней такие видные художники, как У. Джанаридзе, В. Топуридзе, С. Кобуладзе, А. Кутателадзе, Р. Стурра и некоторые другие. Такие художники-реалисты как А. Бандзеладзе и Д. Хахуташвили были представлены не лучшими своими работами. Спорные работы выставили З. Церетели, М. Дурглишвили, Н. Малазония.

Все это говорит о том, что вполне назрел вопрос о систематическом обсуждении работ наших художников путем профессиональной дискуссии с привлечением специалистов-искусствоведов, прессы, широкой общественности.

В этой связи хочется поставить один вопрос. Широкая дискуссия представляется мне полезной и в таком важном, затрагивающем всех нас вопросе, как

красота нашего города. Облик Тбилиси в последние годы стал намного привлекательнее. Богаче и разнообразней выглядят световые рекламы, больше внимания уделяется оформлению административных и жилых зданий, архитектурных интерьеров и так далее. Но думаю, со мной согласятся, что в этом деле, к сожалению, немало формализма, манерничанья, неоправданной стилизации, а порой и просто откровенной безвкусицы. Оформление города по «ведомственным» признакам не входит в компетенцию Министерства культуры, но мы с радостью приняли бы участие в этом деле, выходящем за пределы ведомственных рамок.

Вообще широкое приобщение общественности к различным сферам деятельности составляет замечательную черту нашего времени, черту социалистического строя. Большое развитие получили различные формы участия масс в культурном строительстве. Активно привлекают трудящихся самостоятельные коллективы, число которых у нас в республике достигло 5.013. В Грузии функционирует 35 народных театров. Все большую популярность завоевывают у трудящихся народные университеты культуры.

В постановлении июньского Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что основная

задача идеологической работы партии — воспитание коммунистического сознания у советских людей.

Мне хочется привести здесь примеры того, как для советского человека по новому разрешаются «вечные» вопросы о соотношении личного и общественного, о «моем» и «нашем». Высокая сознательность, чувство большой любви к своей стране побудило жительницу Тбилиси Кетеван Иашвили безвозмездно передать Телавскому историко-этнографическому музею свою коллекцию картин выдающихся художников всего мира, общая стоимость которой составляет около 50.000 рублей. Такую же инициативу проявила Вера Гогиашвили, бывший педагог одной из тбилисских школ, а ныне — персональный пенсионер. Ее собрание заложило основу народного музея села Меджврисхеви Горийского района.

Именно такие люди и несут в себе лучшие черты коммунистической морали. Именно они составляют большинство советского народа, народа-борца, народа-героя, народа-созидателя. Творить для народа — задача святая и ответственная. С полной отдачей всех своих возможностей, таланта и мастерства служить советскому народу и призывает Коммунистическая партия всех деятелей литературы и искусства, всех наших работников культуры.

Борис ШАТБЕРАШВИЛИ

Сквозь дали без числа

Гора Канобили, скрытая в зеленых складках Аджаро-Имеретинского хребта, внешне ничем неприметна. Здесь нет ни грозных ледников, ни сверкающей белизны вечных снегов, ни величественных недоступных пиков. Канобили — это скромная, «рядовая» гора, каких на Кавказе тысячи. И прославленные на весь мир Эльбрус и Казбек с превосходством взирают на нее со своей пятикилометровой высоты. Как это незаметная Канобили посмела соперничать с ними своей известностью?

А Канобили действительно сегодня знают и далеко за пределами нашей страны. Мировую славу ей принесла одна из крупнейших в Советском Союзе Абастуманская астрофизическая обсерватория.

С этой вершины, одетой в вечнозеленый наряд сосновых лесов, астрономы совершают чудесные «путешествия» в глубины космоса, в бескрайние дали Вселенной.

Самым ценным даром природы, который по существу и определил выбор Канобили для строительства обсерватории, явился особенный — астрономический микроклимат. Небо здесь кристально чисто и прозрачно, в атмосфере нет пыли, дрожания воздушных потоков, которые так мешают наблюдениям, туманы сторсной обходят вершину.

Ни на одном участке необъятного фронта научных исследований человек не вооружен таким гигантским арсеналом грандиозных технических средств, какие понадобились для наступления на тайны космоса.

На службу ему поставлены искус-

ственные спутники земли и могучие межпланетные корабли, огромные астрономические трубы и исполинские радиотелескопы. Побывав на Канобили я увидел, какую совершенную и чудесную технику создают творческий гений, мастерство советских людей, как умело и тонко используют ее влюбленные в свое дело энтузиасты-ученые.

История первой в нашей стране высокогорной обсерватории символична. Она как бы повторяет путь могучего роста советской науки. Этот рост отражен и в оснащении первоклассной техникой и еще больше в делах и успехах ее коллектива. Тридцать лет тому назад — в год открытия обсерватории — на Канобили было всего три астронома — директор и два наблюдателя. А сегодня здесь трудятся 120 высококвалифицированных научных сотрудников.

— Абастуманская обсерватория, — рассказывает ее директор академик Е. Харадзе, — занята исследованиями многих проблем. Главная среди них — строение нашей Галактики. Мы изучаем межзвездную материю, различные типы звезд, движение звездных групп. Важное место в наших работах уделено исследованию Солнца, Луны, верхних слоев атмосферы.

Абастумани стал одним из крупнейших центров звездной астрономии. Проводимая отсюда «глубокая разведка» Вселенной уже помогла науке лучше разобраться во многих ее загадках.

Звездные миры — это не беспорядочный и непонятный хаос. В них есть определенные закономерности, характерные признаки, отраженные в катало-

гах, таблицах, атласах. Их изучение, анализ помогает ученым делать смелые выводы, строить гипотезы.

В Галактику направлены «дула» сотен телескопов во многих уголках мира. Ученым, занятым ее исследованием, хорошо известен составленный академиком Харадзе звездный каталог. В этом труде указаны показатели цвета 14 тысяч звезд и обобщены данные поглощения света. Каталог имеет огромное значение для многих исследований, и в особенности для таких, как точное определение действительного расстояния различных звезд до Земли.

Любуясь ярким великолепием ночного неба, кто не останавливал взгляда на таинственных, словно сотканных из тончайших серебристых нитей, туманных пятнах? Они-то и привлекают пристальное внимание ученых.

На Канобили установлено, что межзвездная пылевая материя в Галактике распределена неравномерно и имеет тенденцию к образованию отдельных мелких облаков. Изучая распределение в пространстве темных галактических туманностей, грузинские астрономы определили характер симметрии их системы. С помощью фотоэлектрического метода они вычислили массы нескольких туманностей, определили степень концентрации в них различных элементарных частиц.

Можно смело сказать, что нигде перед наукой не стоит столько вопросов, нет еще столько непознанного, как во Вселенной — этом чудесном мире беспредельности. Одна из самых животрепещущих проблем астрономии — исследование переменных звезд. Ученые на Канобили настойчиво охотятся за такими звездами. Очень уж важна и интересна для науки эта «дичь». Ведь переменные звезды дают богатейший материал для выяснения физической характеристики звезд, их эволюции, строения Вселенной.

В обсерватории проделана обширная работа по спектральной классификации звезд, разработан метод приближенной оценки их температур и плотности газовых оболочек, вычислены элементы орбит. В противоположность изменчивости «характера» переменных звезд, наблюдение над ними требует от ученого особенной настойчивости и постоянства. Вероятно поэтому астроном Р. Барта, открывшая в 1952 году в созвездии Змеи новую переменную звезду, и сейчас, спустя десять лет, занята исследованием ее многочисленных сестер.

Для того, чтобы дать наиболее наглядное представление о том, какой это нелегкий труд, достаточно сказать, что только одна публикация в бюллетенях обсерватории, освещающая некоторые

итоги наблюдений, содержит более 10 тысяч различных показателей.

Астрономов хочется образно назвать следопытами Вселенной. Разве не похоже на угадывание загадочных следов исследование звезд, удаляющихся от нас с головокружительной быстротой, которое ведет научный сотрудник Р. Киладзе.

Анализ наблюдений, теоретические обобщения — вот составляющие новых открытий и выводов. Именно они дали возможность астроному М. Вашакидзе предложить оригинальный метод определения пространственных плотностей звезд в Галактике. Одновременно с грузинским ученым этот метод, нашедший широкое применение, предложил голландский астроном Оорт. И новый метод был назван именами грузинского и голландского ученых.

Как бы не влекли к себе человека далекие звездные миры, его мысль больше всего стремится познать жизнь, загадки ближайших соседей Земли — Солнца и планет. Кем только не было воспето и описано Солнце? В течение тысяч лет люди видели в нем таинственное и извечное начало жизни.

Но наука сорвала с дневного светила покров недоступности, сделала его объектом строгих и точных исследований, широким фронтом ведущихся и на Канобили. Они имеют первостепенное значение и для решения вопросов эволюции звезд, происхождения планет, и для овладения атомными и термоядерными процессами, и для понимания механизма связи и влияния солнечных явлений на жизнь нашей матери-Земли.

Грузинские астрономы получили много ценных данных по физике Солнца — обнаружили закономерность в распределении вспышек на его поверхности.

Во время наблюдений солнечных затмений посланцев Абастуманской обсерватории можно было видеть в Средней Азии и в Карелии, в Азербайджане и в далекой Бразилии. Их работы позволили измерить полное излучение и цвет солнечной короны, установить целый ряд ее свойств.

Загадочными кажутся непосвященному человеку снимки Солнца. Они уносят нас в далекий фантастический мир, в недрах которого бушуют невообразимо могучие термоядерные силы, выплескивающие в космос тысячекилометровые языки вещества — протуберанцы. Картину вспышки на Солнце запечатлели снимки, произведенные в один из мартовских дней прошлого года. Шестнадцать кинокадров последовательно раскрывают процесс этого изумительного явления.

Детьми Солнца шутя окрестили тех, кто ведет наблюдения за ним у хромосферного телескопа. Это — старшая

научная сотрудница Т. Размадзе, научный работник Э. Тетрашвили, выпускник тбилисского университета Г. Малашидзе и другие.

Словно сказочный волшебник, природа никогда не перестает удивлять нас новыми и новыми чудесами и загадками. Чем глубже проникнем мы в ее сокровенные тайны, тем больше их встает перед пытливым взором исследователя.

Сотрудникам обсерватории, изучающим ночное и сумеречное небо, долгое время было непонятно, почему в определенные моменты инфракрасные линии в его свечении усиливаются. Но объяснение было найдено — это вызвано повышением солнечной активности.

Однако ночное небо предложило ученым еще одну тайну. Они установили, что в ноябре каждого года, с завидной аккуратностью повторяется наибольшая сила свечения неба. Природу нового явления раскрыть еще не удалось.

Назвав Землю колыбелью человечества, великий Циолковский мудро предвидел, что оно не будет вечно жить в колыбели, а смело устремится в космические дали — к планетам и звездам. Прокладывать пути к ним в содружестве с другими науками помогает астрономия.

В Абастумани ведется работа, которая непосредственно связана с освоением космоса. К ней относится исследование верхних слоев атмосферы, изучение физических свойств поверхности планет, наблюдение за искусственными спутниками и космическими кораблями — определение их точных координат, фотографирование.

На Канобили часто можно видеть гостей из многих астрономических центров мира. Ведь полученные здесь данные наблюдений — обработанная информация о жизни Вселенной — рассылается 300 обсерваториям Европы, Америки, Азии. На работы грузинских ученых нередко ссылаются при изучении самых сложных проблем астрономической науки.

Гостями в Абастумани были и американские ученые из знаменитой Моунт-Паломарской обсерватории, где установлен крупнейший в мире 5-метровый телескоп. Но когда американцы познакомились здесь с менисковым телескопом Максудова, они искренне выразили свое восхищение изумительным инструментом.

— Мы завидуем вам и хотели бы иметь у себя такой же телескоп, — сказали они грузинским коллегам.

В огромной семье телескопов он является одним из самых знаменитых. Среди аппаратов подобной оптической системы он самый крупный и мощный в мире.

В повседневном обиходе со словом инструмент обычно ассоциируется понятие о небольшом и несложном предмете. И когда этот термин применяется в приложении к телескопу Максудова, хочется добавить к нему слово «чудо».

Телескоп этот похож одновременно и на фантастическую пушку, и на какой-то странный производственный агрегат. Весит он добрый десяток тонн и размещен в помещении высотой с пятиэтажный дом. Но сидящий у пульта астроном почти незаметным движением пальцев легко управляет этой громадой. Достигнуто это высокой степенью автоматизации, с помощью которой производится установка телескопа на заданную точку неба, расширение спектра при фотографировании, закрытие затвора и многие другие операции. Аппарат состоит более чем из трех тысяч деталей. Его приводят в движение 14 моторов.

— Менисковый телескоп, — говорит заведующий отделом астрофизики И. Алания, — можно назвать оптическим гибридом, соединившим в себе качества зеркального и линзового телескопа.

Он снабжен зеркалом диаметром около одного метра и громадной объективной призмой весом около 300 кг. Это и обеспечивает очень большие возможности прибора, позволяющего получать на одном снимке спектры 1.500—2.000 слабых звезд. Это редчайшая призма. Подобных ей в мире лишь две-три.

У астрономического уникала очень нежная натура. Он требует чуткого и внимательного ухода. Вокруг него поддерживается постоянная температура, чистка зеркал и линз производится специальной ватой. Малейшие неполадки в тонком механизме доверяется устранять инженеру — точному механику А. Майеру.

С помощью телескопа Максудова сделано огромное количество наблюдений, получены десятки тысяч фотографий. Изучение и обработка этого обширнейшего материала ведется в лабораториях, занимающих расположенный здесь же большой корпус. В них вы увидите десятки самых разнообразных по назначению и сложных по устройству приборов. Один из них позволяет с удивительной точностью вычислять положение звезд и планет, другой обнаруживает изменения в яркости небесных тел, а третий рассказывает исследователю о распределении энергии в их спектрах.

Менисковый телескоп — старший брат в целой батарее мощных астрономических инструментов, которыми располагает обсерватория. Здесь работает первый советский телескоп — 33-сантиметровый рефлектор, установленный около трех десятков лет назад. Рядом с ним в башне, увенчанной сферическим куполом, размещился рефлектор с

40-сантиметровым объективом. Можно гордиться послужным списком этого ветерана, работающего уже 25 лет. С его помощью астроном М. Вашакидзе открыл несколько малых планет, старшая научная сотрудница Р. Бартая обнаружила новую звезду, а Г. Тевзадзе — неизвестные до этого кометы.

Несколько лет назад был установлен еще один замечательный аппарат — так называемый хромосферно-фотосферный телескоп. Он предназначен для исследования Солнца. Прибор снабжен новейшим светофильтром, который позволяет выделять спектральную полосу непостижимо малой ширины — в одну двухсот-миллионную долю сантиметра. Без такой точности нельзя наблюдать и фотографировать солнечные вспышки, протуберанцы.

Перечислить, а тем более описать в одном очерке всю аппаратуру, просто невозможно. Неискушенный человек терзается в этом калейдоскопе сложнейших, хитроумных устройств, каждое из которых по-своему несет службу неба, помогая ученым познавать тайны мироздания.

Какой смелой и на первый взгляд отвлеченной ни была бы астрономическая гипотеза, каким парадоксальным ни казалось бы объяснение явлений, они в конечном итоге обязательно должны опираться на факты, на данные наблюдений и экспериментов. Эти данные, накопленные в течение многих десятилетий снурчунезевым, настойчивым трудом ученых в сотнях обсерваторий, являются бесценной сокровищницей астрономической науки.

Мы знаем о библиотеках древних папирусов, о хранилищах, где собраны миллионы томов книг, пленок и лент с самыми различными снимками и записями. Но в Абстегумани можно увидеть совсем необычную «стеклянную библиотеку», в которую передаются негативы снимков, сделанных в обсерватории на протяжении многих лет.

— В библиотеке, — рассказывает ведающая ею научная сотрудница Д. Чипашвили, — хранятся тысячи снимков различных участков неба, звездных полей, комет и планет. Одни из них получены прямым фотографированием, другие сняты через светофильтры, а часть представляет собой снимки спектров. Собранные наших снимков используются ученые многих научных центров.

Смотришь на маленький, чуть больше ладони, квадрат стекла и не можешь оторвать от него удивленных глаз. Он весь буквально исцещрен тысячами светлых крапинок и полос. Каждая из них — это далекая звезда. Как же бесконечно велико должно быть их число... Наука утверждает, что некоторые га-

лактики состоят из тысяч миллиардов звезд.

Пространства Вселенной неизмеримо велики. Они, как прекрасно (сказал) поэт, поистине пали без числа. Пытливая мысль человека дерзновенно проникает сквозь эти дали, и чем глубже заглядывает в них, тем шире раздвигаются «границы» звездных миров. Сегодня науке известны такие объекты, которые удалены от нас на 3-4 миллиарда световых лет. Их мы «видим» и регистрируем только с помощью мощных радиотелескопов.

...Полученный астрономами фотографический материал, результаты наблюдений подвергаются строгой обработке, анализу, сопоставлениям. Это сложная и длительная работа, в процессе которой строятся предположения, рождаются догадки, подтверждаются или опровергаются выводы.

Да, не легок труд звездных следопытов. Недели, месяцы неутомимых наблюдений, когда буквально ловится каждая ясная ночь, сменяются долгими неделями и месяцами будничной обработки добытых материалов. А для больших обобщений нужны не месяцы, а годы. Несколькими лет анализировались хранящиеся в «стеклянной библиотеке» снимки, полученные на 40-сантиметровом рефракторе, для того, чтобы можно было составить большой каталог показателей цвета и физических свойств тысяч звезд.

Работы по электрофотометрии звезд, ведущиеся на Канобили, по праву считаются образцовыми. Ведь именно здесь впервые в Советском Союзе была разработана ее методика, за которую старший научный сотрудник В. Б. Никонов был удостоен премии имени Бредихина.

В наш век технических чудес порой высказываются опасения, что человеку остается все меньше и меньше дела, что его целиком заменят «умные» машины, тончайшие и совершеннейшие механизмы. Но как это далеко от истины. Изумительные достижения научно-технического прогресса не вытесняют людей, не противопоставляются человеку, а лишь безгранично расширяют его власть над природой облегчают проникновение в самые сокровенные ее тайны. На горе Канобили в этом убеждаешься на каждом шагу.

Используемый астрономами телескоп Макутцова «видит» звезды в миллионы раз слабее тех, что доступны невооруженному глазу. Ученые могут без труда измерять температуру, узнавать химическое строение объектов, удаленных от нас на такие головокругительные расстояния, которые луч света — этот быстрейший в природе «голец» — проходит за многие годы.

Но как бы ни была совершенна и разнообразна изготавливаемая промышлен-

ностью аппаратура, она не может полностью ответить всем заданным требованиям огромного числа исследований и экспериментов. Поэтому-то в обсерватории постоянно добиваются ее улучшения. Тут есть бескойные души из неугомонного племени изобретателей и новаторов; живут эти люди идеями создания новых приборов, ищут оригинальные решения и, не жалея ни времени ни сил, претворяют их в жизнь.

Сухие, почти по-военному лаконичные, строки отчетов о научных исследованиях скрывают за собой иной раз волнующую повесть о настоящем трудовом подвиге, отмеченном и радостью творческой удачи, и горечью разочарования.

Об одном из них хочется рассказать подробнее. Старший научный сотрудник Я. Кумсишвили выполнял сложные электрофотометрические наблюдения переменных звезд. Астроному пришлось изучать очень трудно наблюдаемые эффекты в колебаниях яркости и в спектрах звезды Эридана. Имевшаяся в его распоряжении аппаратура была недостаточной пригодной. И ученый, сев за работу конструктора, на базе старого прибора создал новый электрофотометр. Соединение знаний астронома и пылливой мысли изобретателя помогло успешно решить сложную задачу. Новый аппарат оказался намного лучше своего предшественника. Он имеет автоматическую регистрацию наблюдений, что сделало ненужным труд второго наблюдателя, позволило получить точный материал, полнее объясняющий колебания лучевых скоростей и изменение блеска Эридана.

Успехи астрономии сегодня немалы без самого широкого и смелого использования электроники и автоматики, повсюду несущих с собой подлинную революцию, открывающих новые горизонты и возможности. Об этом не забывают на Канобили. В обсерватории создана специальная лаборатория электроники, возглавляемая молодым инженером Л. Ксанфомалити — человеком, постоянно одолеваемым новыми проектами, мечтами. Рядом с ним трудятся воспитанники тбилисского университета Ш. Макандарашвили и М. Турманишвили.

— Средства электроники и автоматики, — рассказывают в лаборатории, — могут коренным образом изменить работу астрономов. Они освобождают от трудоемких процессов, помогают обработке необычно большого количества информации.

И в этом уже достигнуты результаты, которыми по праву гордятся в обсерватории. Журналисты и писатели нередко пишут об астрономической «экзотике», о вдохновенном труде людей звездной науки. Но в нем есть и много буд-

ничной прозы, требующей от ученого немалых усилий.

Зима на Канобили шутить не любит. Здесь иной раз стоят 20—25-градусные морозы. И когда створки купола башни 40-сантиметрового рефрактора широко открыты, у телескопа бывает далеко не тепло. В холодные ночи ученому приходится нести многочасовую вахту, ведя наблюдения до боли в глазах. А небесные тела, совершая предначертанные им бесконечные пути, словно нарочно стараются убежать из поля зрения. Управление огромным аппаратом при наблюдении за объектом до последнего времени осуществлялось при помощи ручного устройства. Л. Ксанфомалити задался целью создать так называемый фотогид, который делал бы это автоматически.

В ту ночь, когда нам довелось быть у телескопа, проводилось первое испытание прибора. Его вели изобретатель и заместитель директора обсерватории В. Джалишвили. То, что раньше делалось вручную, теперь надежно выполнял электронный глаз фотоумножителя. Он-то уж не позволит объекту убежать из поля зрения и обеспечит постоянство наводки огромного аппарата.

Про Джалишвили и Ксанфомалити не без основания говорят, что они — живой союз астрономии и электроники. Их совместные исследования позволили получить интереснейшие данные о физических свойствах планет и в особенности нашего ближайшего соседа — Луны. Исследования ими велись на основе изучения поляризационных свойств лунной поверхности. Известно, что различные ее части поляризуют свет по-разному, исходя из чего и можно судить о их строении и характере.

Для осуществления сложных работ потребовались принципиально новые, отличные от известных в астрономической практике, электронные приборы. Много месяцев бился над их созданием Ксанфомалити. Кто скажет, сколько бессонных ночей было проведено им над запутанными и головоломными схемами, сколько вариантов было перепробовано и отвергнуто... Но упорство и настойчивость победили. Обсерватория получила такие приборы, каких пока еще нигде нет.

На первый из них — автоматический электронный поляриметр было выдано авторское свидетельство. Казалось бы, цель достигнута. Но изобретатель не успокаивался, он знал, что прибор еще надо усовершенствовать, улучшать. И опять поиски, опять бессонные ночи. Так создавался старший брат поляриметра — поляровизор. Его можно назвать отдаленным родственником телевизора, позволяющим получать поляриметрическое изображение Луны, яркость которого на-

ходится в зависимости от степени поляризации.

Новые открытия возникают чаще всего на стыке наук, рождаются из их совместных усилий. Поляровидение подтверждает эту закономерность. Созданное творческим содружеством астронома и специалиста по радиоэлектронике, оно приобретает непосредственное практическое значение. С его помощью установлены до сих пор еще неизвестные явления и образования на лунной поверхности. Они названы «полярощирками» и «полярократерами» и объясняются как следы прошлых геологических эпох на Луне. Заглядывая в будущее, мы можем сказать, что поляровизоры смогут сослужить немалую пользу отважным исследователям Вселенной, которым предстоит ступить на поверхность наших космических соседей.

Обсерватория является подобием научного комбината, где трудятся круглые сутки — днем и ночью. Здесь есть что-то от индустриального предприятия — такое же строгое разделение труда, четкая «технологическая» дисциплина. Правда, в отличие от заводских цехов в наблюдательных башнях и лабораториях порой очень трудно установить продолжительность рабочего дня. Случается, что смена тянется десятка часов.

Свои особенные характерные черты есть и в быту, и в укладе жизни научных сотрудников. Когда я попросил устроить встречу с некоторыми из них в рабочей обстановке, мне назвали необычное время — далеко за полночь. И тогда мне стал понятен смысл остроумной шутки, сравнивающей астрономов с «летучими мышами».

Абастуманская обсерватория еще молода. Она пока не может похвалиться своей вековой историей. Но зато ее коллектив, вправе гордиться уже сложившимися традициями. Одной из них, и быть может самой лучшей, стало смелое привлечение к научной работе молодых сил, вера в их успех.

Не в каждом научном учреждении встретишь столь большую молодежную прослойку, как на Канобили. Она составляет четвертую часть всех работников. Конечно, здесь немало и ветеранов, проработавших в этих горах по 20-25 лет. Они с любовью, творчески занимаются воспитанием нового поколения научных кадров. И «старики», и молодежь вносят свой вклад в успехи коллектива. За последние годы 12 молодых сотрудников стали кандидатами наук.

Когда речь заходит о научной смене, можно услышать имена воспитанников тбилисского университета — Гурама

Салуквадзе, изучающего кратные звездные системы, Степана Априамашвили, занятого исследованием темных туманностей, Алфиза Хатисова и многих других их коллег и товарищей. И хочется верить, что пройдут годы, молодые кандидаты станут докторами и своими работами умножат научную славу Канобили...

Какую бы сторону жизни обсерватории вы не взяли, куда бы не заглянули, вас везде поразит обстановка высокой культуры, аккуратности, какой-то особенной подтянутости. Здесь создан культ порядка и точности.

Подобная атмосфера, как нельзя лучше, гармонирует с характером и назначением учреждения, которое служит одной из самых точных наук. И пусть это не покажется слишком вольной гиперболой, если я скажу, что на Канобили точность астрономии ощущается физически.

Говоря об укладе жизни, хочется отметить еще одну черту — заботу о нуждах людей. Ведь, как бы то ни было, нельзя забывать, что они живут высоко в горах, в сотнях километров от большого города. Создать здесь комфорт — дело, конечно, нужное, но далеко не такое уж легкое. И тем не менее он виден во всем.

Советское государство не жалеет средств для людей науки. Не один десяток тысяч рублей стоило сооружение подвесной канатной дороги, соединившей вершину Канобили с курортом Абастумани, и избавившей научных сотрудников от трудных подъемов по крутой горной дороге. Ученые надеются, что скоро и 250-километровое расстояние, отделяющее обсерваторию от Тбилиси, станет для них совсем незаметным. Канобили со столицей республики свяжет вертолетное сообщение.

Полнокровной жизнью живет коллектив астрономов, находящийся на передовой линии советской науки. И как бы далеко в глубины Вселенной они не заглядывали, в какие бы дали не уносились, они знают, что их работа служит земным целям, благу и счастью людей.

...Когда мы закончили беседу с любезными хозяевами обсерватории и вышли из наблюдательной башни, стояла глубокая ясная ночь. На молчаливый лес, на уснувшие горы лила свой бледный свет Луна. Все окружающее как будто плыло в серебристом сиянии, устремляясь ввысь, к далеким звездам. А они в ночном небе были удивительно крупные, сияющие. И я подумал, что подобно этим вот звездам вечно будет гореть над миром неугасимая творческая мысль человека.

Владимир ОГНЕВ

Заметки о поэзии Николая Заболоцкого

*Теперь он понял мир природы;
Ее живые голоса.
И с ним беседовали воды,
И говорили с ним леса.*

Важа Пшавела

Недавно, перечитывая Важа Пшавела, переведенного Н. Заболоцким, я подумал о том, как, должно быть, радостно было русскому поэту делать эту работу. Могучие характеры великого грузина как бы срослись с самой природой, стали продолжением ее... Это так близко Н. Заболоцкому, с его сосредоточенной думой о жизни и смерти. Н. Заболоцкого называли «пантеистом». А он просто глубоко проник в философию природы.

О большом поэте трудно сказать — вот его тема. Тема эта — жизнь человеческая. В данных заметках я хочу проследить становление одного, — кажется мне, очень существенного для Н. Заболоцкого, мотива — **мертвого и живого**, в их вечном противоборстве.

Природа — слишком широкое определение интересов поэта. Природа — как хаос и разум, стихия и гармония. Косное начало и духовное в природе. Вот это уже ближе, это уже точнее характеризует творчество Н. Заболоцкого. И еще одно, пожалуй, решающее —

жизнь и смерть, жизнестроение и разрушение.

Нерв лирики поэта — поиски перехода, тревожное постижение грани этой тонкой, мерцающей... Он сливает рисунок цветка с живым цветком. Здесь фокус — философский и эстетический.

1

Да — и эстетический. Образы Заболоцкого уже в ранних стихах несут нагрузку большой идеи. В «Столбах» их направленность — открыто социальная. Жрущий и плодящий мир непа будет повторен в копошащихся тварях «Людейникова». Люди, как твари, потом заменятся тварями, напоминающими людей. Но уже — отстраненно, философски напоминающими, а не аллегорически.

Мысль пошла вглубь...

«Прозрачные столбы», абберрация зрения на Севере — это «мысли мертвецов», **увиденные** поэтом. Это не мистика; это — «...все народы нетленные хранили бытие» — идея вечности разума.

«И встретил камень я» — так только анималист мог сказать. Камень одушевлен этим глаголом. Как же иначе! Ведь камень — застывший дух философа Сквороды, великого украинца. Он только материализовался в облике придорожного камня...

Образ живет на грани явления, как символ духовности и, в то же время, как точное подобие форм реальной жизни, окружающей человека.

Вот, например, воздух Севера. Он «острый и блестящий». Изю рта — «оледенелый дух». Стоит он «длинными столбами». Дым над кровлями поднялся как «изваянье, пугающее глаз». Снежинки напоминают «цилиндрик», «крестик», лед — «перпендикулярный». Увидено точнее, смело, глазом скорее аналитика, нежели традиционного поэта.

А под ледяной коркой оцепеневшей природы бьется живое, страдающее сердце. Природа Севера «горой отчаянья ложится», не смея «головы поднять». Она вовсе не всевластна, природа. XX век тяготее и над этими мертвыми величавыми пустынями льда, подчинив и их логике цивилизации. «Как бронтозавры каменного века» движутся, «вырубая путь» себе, ледоколы. «...И обозначены углом теодолита восход луны и солнечный закат...»

Критика, подходя к поэзии Н. Заболоцкого без учета ее глубинного смысла, видела в подобных стихах обычный конфликт «косной» природы и активного, торжествующего «покорения» ее советским человеком. Но почему же тогда душа Севера ошестинивалась, а ледоколы уподоблялись «бронтозаврам»? Почему в словарь вторгалась архаическая лексика? Разве не мог Заболоцкий сказать: «ударая» вместо «бия», «глаза» вместо «очи», «колхозники» вместо «пахари»?

В 1937 году было написано стихотворение «Голубиная книга». В ночном разговоре, когда в неверном свете трубки вспыхивают то «спутанная борода седая», то «жилы выпуклые истомленных рук», надо было передать ощущение вечности народа, его слитности с «древней могучей природой». Поэтическая душа народа, его вера в доброе начало жизни, в «голубиную книгу», в «правду сокровенную земли», в возможность перестроить этот «угрюмый мир» — вот что таит здесь вечный для Заболоцкого «огонь, мерцающий в сосуде». Вот почему «очи» и «пахари», а не «глаза» и «колхозники»... Вот почему природа в стихах 30-х годов жила сознанием глубокой своей духовности, а далеко не все то, что по внешним признакам цивилизации и цивилизаторского укрощения природы должно было символизировать начало разумное, — поэтизировалось.

О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут!

Н. Заболоцкий чувствовал холод Севера, как нерастопленный холод вечества. Вот почему даже современное детище прогресса — ледокол напоминал ему «бронтозавра».

Из этого вовсе не следует и обратный вывод — что Заболоцкий не видел разума в том же ледоколе, в дыме жилия, в огнях зимовки, в новых электрических звездах Севера... Но это был холодный разум. Холодный свет. Как свет далекой, умершей звезды голубел он над поэтическим миром Заболоцкого, «угрюмым миром».

2

А ночь горит над тихою землею,
Дрожащим светом залиты поля,
И высоко плывут над головою
Туманные ночные тополя.
Как сказка — мир.

Ночь у Заболоцкого почти всегда прекрасна. Как никто из современных русских поэтов, он мастер ночного пейзажа. Образ ночи — к нему влекут поэта философская, драматическая основа его поэзии, ее тютчевское начало — дает Заболоцкому самоуглубление и силу контрастов. Вспомним изумительный перевод «Ушбы» (из Михаила Кьвливидзе), «Ночь в Пасанаури», «Сагурамо», «Еще заря не встала над селом» или последнюю строфу в «Храмгесе».

Не случайно, что лучшие стихи — «баркароллы» написаны Заболоцким в Грузии. Величие и красота грузинской ночи, ее музыкальность поистине исключительны! Да и сама грузинская поэзия, которую так любил Заболоцкий, дала ему образцы, созвучные душе поэта. Чего стоит опыт одного лишь Важа Пшавела, о чем я уже упоминал в начале статьи. У Николоза Бараташвили есть такие строки: «Верю, что есть тайный язык у бесполох существ, и мертвых предметов и что этот язык значительнее всех живых языков».

Но главное, что было здоровьем, озоном для поэтической биографии Заболоцкого, — это его прикосновение к роднику грузинской поэзии с ее пластической гармоничностью и традиционной ясностью.

В артистически трепетных, чеканных строфах стихов о Грузии Заболоцкий уже новый, иной. И пленительная плавность зеленых гор, и дикие отроги Хевсуретии, и резкий ветер Крестового перевала, и прыная роскошь Аджарии — все переплавлено теперь в яростное звучание стиха («Я трогал листы эвкалипта», «Ночь в Пасанаури»,

«Сагурамо», «Тбилисские ночи»). Появляется что-то блоковское в полете стиха, в его музыкальном свечении:

Я закутаю смуглые плечи
В снежный ворох сибирских полей,
Будут сны гореть, словно свечи,
Над мерцаньем твоих соболей.

Там, в огромном безмолвном просторе,
Где поет, торжествуя, пурга,
Позабудешь ты южное море,
Золотые его берега.

Если поэзия — кинжал, то это — только насечка на нем. Важнее другое — здесь, в стихах этого цикла, мы впервые встречаемся с по-своему преломленным русским поэтом грузинским поэтическим ощущением неделимости, цельности мира, цельности восприятия. Мне кажется, что в самых драматических стихах грузинской поэтической традиции нет разрыва и двоения. Трудно, скажем, представить есенинского «Черного человека» на грузинской почве. Аналитическая струя, сильная и в прозе русской (например, у Достоевского), в Грузии не выражена с такой отчетливостью. Зато синтетическое, «собирающее» начало безусловно и у Руставели, и у Бараташвили, и у современных мастеров поэзии. Тут оказалась особенность национально-психического склада народной природы, особенности исторического развития. Быть может, маленькой и гордой Грузии слишком часто приходилось думать о внутреннем единстве перед лицом иноземных завоеваний, задачи центростремительные неизбежно были главными, определяющими. Напротив, на протяжении веков многоязыкая, пестрая Русь, сравнительно давно вставшая могучим водоразделом между Европой и Азией, не отграниченная естественным рельефом от встречных потоков и взаимного проникновения Востока и Запада, кроме естественного стремления к национальной цельности, знала и сильные тенденции внутренних противоречий.

В поэзии Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Цветаевой и многих других — это очевидно.

Заболоцкий в переводах с грузинского нашел, я полагаю, противоядие силам, разрушающим его идеал. Откуда у Заболоцкого эта двойственность? В чем она выражалась? Откуда началось это тяготение к образу ночи?

3

Ночь — это чрево природы. Ее кухня. Источник завязей живого.

Есть в изначальной основе поэзии Заболоцкого державинское — могучесть соков, громоподобность жизни в ее сти-

хийных проявлениях торжества, — нет, торжища! — бытия.

Это пугает и радует. Это приводит душу в священный, почти языческий трепет.

Но для того, чтобы прояснить основу конфликта в поэзии Заболоцкого — поиск гармонии в природе, надо знать какие противоречия видел в ней поэт. Живое растет стихийно, ее обуздывает мертвое. Но мертвое возникает из самих недр жизни. Живое умертвляет живое. В «Лодейникове» это ясно и страшно в своей неприкрытой правде.

Мысль ищет, не может не искать разумную связь между явлением жизни и ее пределов, пытается соединить «два таинства природы». И это какой-то мучительный клубок надежды, веры, скепсиса, энергии, безучастного созерцания.

...И в обмороке смутная душа.

Путь поэзии Заболоцкого — это путь русского слова, повторенный кратко, кинонаплывами, не в обычной последовательности.

Судорожные маски «Столбцов» — мир гримас и иронии — разрушающий «Балаганчик» Блока; тараны имажинистской метафоры; бесстрашный аналитический скальпель Пикассо; наивность Анри Руссо или Пирсманн-швили.

Потом — птицы, деревья, мохнатые звери, жуки, листья, плоды — какая-то слепая, тычащаяся, мычащая, глухонемая природа, с большим, тревожно стучащим сердцем в середине... Коллекция наколотых, но еще бьющихся с шорохом насекомых.

Потом — язычество «Слова о полку Игореве» с его красным диском солнца и ночными криками вешних птиц, закрывающих полнеба крыльями.

Потом — рывок в проясненную вдруг разумом природу.

Все чище и полней

Объемлет дух скопление чудных тварей.

Метаморфозы — начало диалектики, первое, робкое еще прикосновение к бессмертию.

Первая ясность блеснет несмело, как лесное вечернее озеро, чья мудрая, спокойная и светлая ясность пока еще сияет и мыслит «мыслью отдельной» в этом спутанном и дремучем мире. Но уже тянутся к нему «воды животворной напиток» «рогатые лица». Олени — пока те же маски, как переодетые в ледоколы «бронтозавры каменного века», они — «рогатые лица». Но уже врывается луч солнца в лес и вырывает из тьмы — как на сцене свет софита — «девочку наугую», что играет в речке и «смотрит на небо, смеясь и мигая». Свет, правда, еще искусствен-

ный, слепящий. Жизнь — еще сцена. Но темнота уже отступает, тени колеблются...

«Метаморфозы», «Лесное озеро», «Утро» — начало нового качества в поэзии Заболоцкого, утро брезжащей ясности.

Уже поет соловей. И его песня — тоже световой фокус, подчиняющий какой-то высшей ясности косный мир, заставляющий его уже «мычать» и «выть» в своих темных пещерах («Соловей»). Так когда-то корчилась в муках немоты «улица безъязыкая» Маяковского. Природа у Заболоцкого попросила слова. Природа стянула с себя сон вечной ночи.

4

Поэтика Заболоцкого чутко откликнулась на этот зов света.

Уже гроза рождает
Эту молнию мысли и медлительное появление
Первых дальних громов — первых слов
на родном языке.
(«Гроза»)

Уже в песне слепца, опрокинувшего
«в небо лицо», слышится тоска по
«возвышающей песне» («Слепой»).

Уже в «Бетховене»

И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный рык просунув сквозь орган.

«Орган» Заболоцкого — его поэтика — казался преградой между ним и миром. Поэт хочет, чтобы «слово с воплем вырвалось из слова».

Слово выступает представителем самой природы.

Оно должно теперь выразить дух, суть вещей, а не их формы. Вспомним, что формы вещей чаще всего были символами, масками.

Вот когда было дано знаменитое определение сущности красоты:

А если так, то что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Вывод предполагается определенный: «огонь, мерцающий в сосуде».

Стихи 50-х годов — мягче пластика, точней рисунок, пронзительнее свет, тоньше стенки сосуда. Он теперь светится. Баратынский с его бархатным сумраком ума и пушкинское утро, осенний свет, морозная прозрачность.

Стихи этого периода были для Заболоцкого откровением ясности. Она пришла как ощущение преодоления материала искусства, его кажущейся косности.

Мысль подчинила себе былой дуализм. «Два таинства природы» —

жизнь и смерть — перестали волновать поэта отдельно, порознь. Идея бессмертия, торжествующая в великодушном стихотворении «Вчера о смерти рассуждая» — это победа цельного мира души над вчерашней раздробленностью чувств.

Все, все услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сквороды.
И все существование, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

5

Поэт включил все сигналы чувств, может быть неосознанно заторможенные. Оказалось, что «человек — хозяин природы» — это вовсе не общее место, и для поэта понять такую фразу бывает труднее, чем школьнику, изучающему Мичурина. Потому, что понимает он это иначе, чем школьник, усваивающий программу, написанную для него другими.

Есенин гордился тем, что не бил по голове зверье — «меньшого брата». Заболоцкий скажет: «мы учим и пестуем младшего брата». В этом — их близость, русская основа. В этом же — их отличие.

Мы, люди, — хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги.

Заболоцкий в своем анимализме идет дальше Есенина. Это новая вежа в русской поэзии. Она показывает, куда ушла эта поэзия в философии природы.

Стать «хозяином этого мира» — значит освоить и другую косную материю — себя самого, как часть природы.

И часть общества.

Так Заболоцкий снова подымается к социальности.

Но это иная социальность, нежели та эмпирическая, экстравагантная, экспрессивная — в «Столбцах».

Животное начало в человеке исследовалось там по методу, близкому брехтовскому театру «отчуждения». Оно изолировалось от чувств прочной инерцией. Оно рассматривалось само в себе, лишенное связей с прочим миром.

В 50-х годах Заболоцкий не исключает сердца из средств анализа.

Природе предъявлен этический ультиматум. По всему фронту. Она резко враждебна, та красота стихий, где «от добра не отделимо зло». И, напротив, только там, где ясность цели созидания

и мира торжествует над «дикой свободой» инстинктов и эгоистической анархии — только там и находит поэт большую человеческую правду.

Природе снится «блестящий вал турбины». Что это — самообуздание личности? Капитуляция Зуда естественности, с которым для Заболоцкого всегда связывалось чувство истины? Нет, поэт теперь не дышит той романтической, дикой свободой, которая любит юношей, но уже не снится мужам... Он зрелый муж. И взгляд его по орлиному му широк:

...ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содргаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.

(«В этой роще березовой»)

Так неужели он, уподобившись ламанчскому идальго, станет воевать с этими мельницами!

Нет, «хозяин этого мира» — понятие реалистическое, трезвое.

Реалистически трезв взгляд поэта и на живую природу. Загадочные, полумифические чудища, жуткие полумаски-полусимволы сменяются теперь добрым, домашним миром. «Лось с голубыми рогами». «золотых» песцы и куницы, несущие в лапках «охапки перламутровых северных роз». Это, скорее, игрушки, сказочные и милые. Поэт этого и не скрывает.

Как озеро когда-то сверкнуло среди дикой чащи явлением ясности, так «явлением смысла» возникает «электростроход» посреди смирившейся стихии моря. Электричество предстало в реальном звуке — дрожащий корабль расплескал на рейде «обрывки бури музыкальной» («На рейде»).

Цивилизация вбирает в себя природу, подчиняет себе впечатления бытия, будто бы аннулирует природу в ее девственной, непосредственной данности. Но это не так.

Природа становится человеческой, цельной, единой, светлой. Вспомним стихотворение «Дождь», где

...засияла вся дубрава
Моляннослезным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.

Эти человеческие «суставы», будто женщина заламывает руки — как это прекрасно!..

А как сливается сердцем человек с «государством ромашек» в стихотворении «Я воспитан природой суровой...», как тиха и ясна эта, новая для Заболоцкого, ночь:

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

Нераздельно слиты с чувствами немолодых влюбленных «красота уходящего лета», эти тревогой дышащие «огнеликие канны, как стаканы с кровавым вином» («Последняя любовь»). И нет больше разорванности, двоения фокуса стиха. Есть магнитная сила целеустремленного чувства, собранность деталей. «Птица», «родник», «поле», «вьюга» — стали образами подчиненными. Они входят в образную ткань, но все реже и реже живут самостоятельно, как объект исследования. Их заслонила душа человеческая, вобрала в себя. Вот голос в телефоне, он был звонок, как птица, как ручей, но сгинул в поле где-то, занесен вьюгой...

И кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон.

Как страшно это «точное» определение: «черный» («Голос в телефоне»).

И только смерть, одинаково разрушительная для всей природы и для человека, заставляет по-прежнему распадаться все связи бытия, рассыпается живое на «цветки гвоздик, соски сирени, щепочки...», на «корни, муравьи, травинки, вздохи, столбики из пыли» («Прощание с друзьями»). Эта атомизация, пристальная расщедоточенность взгляда, микровнимание — они напоят нам стихи 30-х годов.

Например, в «Лодейникове»:

Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшись адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.

Но близость эта только подчеркивает различие в самом существе подхода к теме смерти. В «Прощании с друзьями» есть признание круговорота жизни — **живое продолжает живое**, хотя и грустная улыбка признания бренности усилий этих смешноватых друзей царит в стихах. В «Лодейникове» бессмысленная, страшная в своем цинизме смерть торжествует разнузданно и всевластно: **живое живет за счет живого**. Разная позиция. Разная философия.

6

Итак, собранность, единство, цельность мира — вот новая программа Заболоцкого 50-х годов.

Он обращается к судьбе социально-го человека («Неудачник») и на первых порах подпадает под интонационно-стирофическое влияние Некрасова:

Милый взор, истомленно-внимательный,
Залил светом всю душу твою,
Но подумал ты трезво и тщательно
И вернулся в свою колею.

Поистратил ты разум недолжный
Для каких-то бессмысленных дел.

Но главное в другом. В «Ходоках» (1954) Заболоцкий нашел новое решение давно волновавшей его проблеме слияния чувства с рассудком, разумом идеи.

Теперь наступила пора реальности мечты.

То долгое терпение, что так холодно сжимало сердце в «Голубиной книге» (1937), что жгло и ветвилось сомнениями в «Засухе» (1936), что било в набат с трудом сдерживаемой силы («Откройся, мысль!..», «Бетховен» — 1936), — разрешилось...

...Преломив горький и черствый кусок мужицкого хлеба, разделив его между вождем революции и народом, поэт, сам много выстрадавший и «скопивший» в душе «за долгий этот путь», пришел к пониманию истинной меры вещей:

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум, и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

Так поэт и народ вместе нашли истину.

Тот период нашей истории, который мы именуем периодом «культы», не

знал этого «одного наречья», вернее не во всем знал.

Как согласуется мысль Заболоцкого с мыслью Н. Добролюбова, более 40 лет назад разделившего понятие простого исполнения долга и такого исполнения обязанностей своих перед обществом, которые слиты с «потребностями внутреннего существа своего»? Только тот, кто не просто «терпит над собой веление долга», а переработал долг «в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития», только такой человек, по Добролюбову, может быть назван «истинно нравственным».

А иная, терпеливая «нравственность» нужна ли обществу? И художник ли тот, кто ее исповедует? Конечно, нет.

Идеал потому и идеал для нас, людей ему преданных, что

Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Так история, пусть иной раз и жестоко, помогает художнику найти себя, не утратить «души естественной своей», как сказано в замечательном стихотворении Заболоцкого «Противостояние Марса» (1956).

И поэт, верный на протяжении всей жизни поискам правды о человеке и обществе, человеке и природе, на закате дней своих подошел к осознанию гармонии мира.

Но снова и снова убеждаемся мы, что каждый истинный поэт самостоятельно проходит этот путь, как бы заново и впервые открывает истинные связи между человеком, народом, человечеством, природой.

И природа, если вдуматься и вслушаться в нее, — говорит голосами судьбы человека и истории. Как древний Миндия, художник связан с природой прочной порукой.

Владимир ДЖИБУТИ

Роман о любви и верности

Иакинте Лисашвили самым непосредственным образом причастен к зарождению грузинской советской литературы. Начало литературной деятельности писателя совпало с господством в Грузии меньшевиков, и с самых первых своих литературных опытов И. Лисашвили выступает как писатель-большевик, тесно связанный с революционной борьбой. Начиная И. Лисашвили как поэт, но в историю грузинской литературы он вошел как один из зачинателей грузинской советской прозы, и популярность ему принесли его беллетристические произведения.

Самое известное произведение И. Лисашвили — биографический роман «Кецховели» о жизни пламенного революционера, борца за установление Советской власти в Грузии. У романа завидная судьба — он располагает не только многомиллионной читательской аудиторией в Советском Союзе, но и переведен на языки почти всех стран народной демократии.

В 1962 году издательством «Заря Востока» на русском языке выпущена объемистая книга Иакинте Лисашвили «Зов в горах». Это — сборник избранных произведений писателя, в который вошли многие его рассказы, роман «Зов в горах» и написанный в последние годы роман «Верность». «Верность» — психологический роман, касающийся проблем любви, дружбы, морали.

Великая Отечественная война явилась ответственной проверкой подлинной человечности советских людей, их моральной чистоты, благородства, всего многообразия жизненных связей и отношений между людьми. Во время войны острее проявились и противоречия нашей жизни, раскрылась вся пошлость и убожество людей, у которых личные

эгоистические интересы превалируют над общественными, которые к государству и обществу относятся потребительски.

В основе сюжета этого романа — история одной любви — сложной, надломленной, не принесшей радости в силу безвольного, пассивного подчинения судьбе. Героиня романа Тамара не сумела сохранить верность любимому человеку.

Уходя на фронт, главный герой романа — Тамаз оставил любимую девушку в Тбилиси. На фронте он жил ее письмами, верой в силу их большого чувства. Но постепенно письма утрачивали теплоту, нежность, приходили все реже, и в конце концов Тамара вообще прекратила переписку. Когда окончилась война, Тамаз возвратился домой, обуреваемый мучительными сомнениями. И он не ошибся в своих предположениях — встреча не принесла ему утешения. У Тамары новое увлечение. Самый дорогой человек, мысли о котором скрашивали суровые военные будни Тамаза, на поверку оказался совершенно чужим. Тамаз покидает Тбилиси, уезжает в деревню к матери, замыкается в себе, избегает встреч с людьми, не стремится найти свое место в общественной жизни, в работе. Травма оказалась тяжелой, мучительной. Но Тамаз — человек сильный, волевой, энергичный, и оторванность от коллектива, замкнутость, стремление к одиночеству для него противоестественны.

Поскольку он человек твердых моральных принципов, ему удается управлять своими поступками. И хотя Тамаз не в силах сразу убить свое чувство, весь его нравственный строй, его предостережение о добре и красоте жизни не позволяют ему следовать только чувству.

Тамара же в трудную минуту легко поддается влиянию случайной дружбы с женщиной легкомысленной, мелочной и завистливой. Генриэтта в романе — воплощение пошлого мещанства. В ее образе со всей очевидностью раскрывается пустота и ничтожество грошовой философии «земных радостей».

Она настойчиво внушала Тамаре, что самое нелепое в жизни — верить в честность и бескорыстие своего возлюбленного и самоотверженно ждать возвращения человека, который по предположениям Генриэтты уже не раз обманул ее; иначе он непременно должен был бы приехать с фронта на побывку домой.

В образе Генриэтты И. Лисавили обнажил всю силу мещанской идеологии, подчеркнув, как губительна и чужда она светлomu миру советских людей.

Нелепо и зло разрушает Генриэтта счастье двух любящих людей. Зная, что Тамара обратила на себя внимание молодого певца Исидора Тухарели, она направляет все свои усилия на то, чтобы сблизить его с Тамарой. Окруженная вниманием Исидора, подстергаемая напештываниями Генриэтты о неверности Тамаза, Тамара нарушает данное ему слово.

Исидор искренне увлечен Тамарой, но и в их отношения вторглась Генриэтта; вопреки просьбе Тамары, ничего не рассказывая Исидору о ее любви к Тамазу, она обо всем поведала Исидору. Это привело к тому, что он утратил к ней доверие, а затем и чувство. Возвращение Тамаза решило их участь — Исидор расстается с Тамарой.

Тамара сделала еще несколько неверных шагов, но в конце концов ей удастся преодолеть пассивность, выйти из духовного оцепенения и найти правильную дорогу в жизни. Тамару угнетало сознание своей неполноценности, ущербности, отсутствие места в жизни; это и побудило ее расстаться с прежним образом жизни, что выгодно отличает ее от Генриэтты. Все драматические коллизии в судьбе Тамары, объясняемые ее слабостью, были для Генриэтты лишним подтверждением правильности ее мещанской философии. Потому так активно она и вмешивается в чужие судьбы. Генриэтта — воинствующая мещанка, и чем больше людей ей удается подчинить своим взглядам, своему пониманию жизни, тем больше смысла видит она в своих порочных поступках, тем больше обнажается ее отвратительная сущность.

И. Лисавили знакомит нас с Генриэттой в процессе формирования ее характера, он показывает, что это — горький плод неправильного, уродливо-

го воспитания, которое накладывает неизгладимый отпечаток на всю судьбу человека, обуславливает его дальнейшее поведение, поступки, неисправимо калечит его жизнь.

Не случайно она связана с людьми, для которых характерен такой же жалкий духовный мирок — мелкий, тесный, примитивный.

Жора Багатурашвили заведует артелью, в которой шьют лакированные туфли. Генриэтта представляет его как своего жениха. Но большого счастья, как и следовало предполагать, не получилось, поскольку Жора за спекуляцию угодил за тюремную решетку. В романе есть и другой образ человека этой же категории. Это — Илларион Барвелидзе. Его образ сложнее. Илларион — заместитель начальника крупного строительства, человек энергичный, деятельный. У него хватка опытного хозяйственника, знания специалиста. Но истинная сущность Иллариона — сущность эгоиста, честолюбца, высокомерного индивидуалиста.

И здесь тоже писатель дает возможность проследить как формировался этот характер с детства, как пагубно повлияло на него неверное воспитание, внушенное с детства убеждение, что на окружающих людей нужно смотреть свысока, что далеко не каждый ему ровня. И он настолько отравлен этими пороками, что даже сознание необходимости избавиться от них, не помогает ему их преодолеть. И Жора Багатурашвили, и Илларион Барвелидзе — люди, пренебрегающие интересами общества во имя личных, корыстных целей.

Раскрывая эти образы, И. Лисавили не просто фиксирует отрицательные стороны нашей действительности, он обличает то старое, уродливое, что еще цепко держится в быту и сознании многих людей; писатель активно борется за утверждение новых коммунистических идеалов и принципов.

Дыхание большой общественной жизни не осталось за пределами интимных интерьеров произведения, оно составляет содержание жизни его главного героя. Личные конфликты и отношения в романе органически и непосредственно переплетаются, связываются, обуславливаются мотивами идейными, которые оказали решающее влияние на личные судьбы и чувства героев.

Драма Тамаза — это драма чистого человека, соприкоснувшегося с житейской грязью и пошлостью.

Но коллектив, люди, с которыми свела Тамаза жизнь в колхозе, а потом на строительстве металлургического комбината в Ломичхе, оказались морально здоровыми, трудовыми, деятельными, преданными общественным идеалам. И

это сыграло немаловажную роль в моральном «воскресении» Тамаза.

Колоритен образ председателя колхоза Вардена, трудолюбивого, темпераментного, энергичного руководителя. Он умеет мобилизовать энергию масс, воодушевить людей и при самых сложных обстоятельствах остается верным данному слову.

Образ Нато И. Лисашвили создает как бы в противовес отрицательным женским персонажам романа. Это яркой, самобытной, цельный характер женщины мужественной и вместе с тем внутренне мягкой, лиричной. Все ее дела, помыслы, чувства — чисты, одухотворенны.

Логически оправданно, что претерпев разочарование в своем первом глубоком чувстве, Тамаз в конце концов потянулся именно к Нато, ответил взаимностью на ее чувство, на ее бескорыстную дружбу и привязанность.

Тамаз не верил в возможность большого чувства, всячески старался подавить его в себе, не дать ему разгореться. Но чуткость и тактичность настоящей дружбы Нато помогли развеять все его сомнения. И Тамаз и Нато создают хорошую, здоровую семью, основанную на доверии, товариществе, общности интересов.

В романе есть еще ряд обаятельных женских образов, глубоких и цельных, возвышенных и лиричных и куда более типичных для нашей современности, чем Генриэтта с ее окружением.

Это сестра Тамары — Нино, школьные подруги Тамары Додо и Анико, которые приложили немало усилий, чтобы помочь Тамаре освободиться от пагубного влияния Генриэтты, включиться в трудовую жизнь, расширить круг ее интересов.

Правда, автор никак не обосновал тот факт, что помощь эта пришла к Тамаре только тогда, когда она уже тяжело пережила все сложности своей жизни. Почему же эти чудесные люди не были с ней в самый трудный момент, почему не уберегли Тамару? Не проявила достаточной твердости и строгости по отношению к личным делам Тамары и ее сестра Нино, она не смогла предотвратить многие ее ошибки. Правда, И. Лисашвили объясняет это тем, что семейные обстоятельства забросили ее в Кахетию. Там она обрела свое место в общественной жизни, увлеклась педагогической деятельностью, общественной работой. Но ее невниманье к судьбе сестры в очень сложной для нее ситуации непростительно еще и потому, что автор на протяжении всего романа убеждает нас во внутренней чистоте и честности характера Тамары, в тех замечательных задатках,

которые лежали в его основе. Ведь Тамара лишь жертва своего слабоволия.

Проследить за судьбой Тамары, помочь ей встать на ноги Тамаз считал своим моральным долгом, чисто человеческой обязанностью. Когда тяжелая болезнь уложила Тамару в постель, он навещает ее, всячески старается облегчить ее страдания. И конечно, и в физическом, и в моральном выздоровлении Тамары немалая заслуга принадлежит Тамазу. Он испытывает огромное удовлетворение, когда узнает, что Тамара приобщилась к новой жизни, вернулась в строй.

Тамаз — замечательный представитель нашей современности, человек больших знаний, умеющий их применить, быть неограниченно полезным членом большого коллектива. На строительстве крупнейшего металлургического комбината в Ломцixe Тамаз работает бок о бок с русскими и украинскими специалистами — Борисовым, Вобровым. Смирновым, Ткаченко, которые помогли грузинским товарищам овладеть искусством металлурга.

Здесь же, на комбинате, Тамаз накапливает богатейший материал для докторской диссертации, защита которой явилась яркой демонстрацией борьбы между смелым, творческим отношением к труду и эгоистическим рутинерством, мелкособственнической иждивенческой психологией оппонента Тамаза — Барвелидзе.

Все образы и характеры в романе не лишены психологизма. По страницам «Верности» проходит множество персонажей — главных и эпизодических, показанных глубоко и отдельными поверхностными штрихами.

Но не все образы четко индивидуализированы, зачастую речь отдельных персонажей, их рассуждения, мысли лишены эмоциональности, непосредственности. Остается ощущение, что за своих героев говорит писатель, а не они сами, что действуют они, повинувшись страстям автора, а не логике развития своих характеров. В основном же И. Лисашвили сумел избежать схематизма. Он не сторонник счастливых концов, обязательного перевоспитания отрицательных персонажей.

Показателен в этом отношении образ Генриэтты. В нем нет никаких отклонений от жизненной правды, и логика развития характера выдержана до конца.

В арсенале художественных средств, которыми пользуется писатель для раскрытия духовного мира своих героев, много интересных приемов, но чаще всего для передачи их настроения И. Лисашвили обращается к явлениям природы, которые совпадают с душевным состоянием и переживаниями персонажей.

Морально надломленная, опустошенная Тамара, находясь в клинике, наблюдает через окно, как в саду «...тихо покачивались деревья. Желтые листья облетали с ветвей, и деревья, словно о чем-то сожалея, мерно кивали верхушками и время от времени грустно в один голос шелестели: «Неужели нам нет спасения, неужели мы осуждены покорно ждать, пока осыплется вся наша одежда и мы останемся беспомощными, обнаженными?..»

И листья медленно, с трепетом опускались на землю, бессильные бороться против непреложных законов природы.

Такой же обессиленной и беспомощной чувствовала себя Тамара. Ей казалось, что яростный шторм подхватил ее и выбросил на пустынный остров, где она должна лежать, дожидаясь своего конца, как этот осенний сад, шелестящий за окном».

И какой опоэтизированной, возвышенной, лиричной воспринимаем мы Нато, когда И. Лисашвили показывает ее на фоне природы.

«Ветви молодых яблонь и груш в маленьком саду стибались до самой

земли под тяжестью налившихся плодов. Яркая, солнечная желтизна маленьких, только что зажегшихся на ветвях лимонов и мандаринов вызвала у Нато счастливую улыбку. Ей хотелось прижать к груди душистые полураскрытые бутоны, которыми были щедро осыпаны кусты роз. Горячая волна подкатила к ее сердцу, заставила его учащенно забиться — таким жарким, жгучим восторгом напоило ее это волшебное зрелище расцвета и созревания, это торжество всепобеждающей силы жизни. Она и сама расцветала, созревала для жизни... И Нато вся затихла, насторожилась, словно прислушиваясь к чему-то. Но не бодрость и не силу чувствовала она, а какую-то истому... Волна, захлестнувшая все ее существо, искала выхода».

Художественная деталь у И. Лисашвили емкая, точная, оправданная.

Роман «Верность» современен: он наполнен делами, заботами, волнениями нашего сегодня. Читая книгу, все время ощущаешь, что И. Лисашвили «держит руку на пульсе жизни».

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Ценный вклад в изучение литературных связей братских народов

Изучение культурно-литературных взаимосвязей различных народов является не только исключительно важной проблемой советского литературоведения, но и в какой-то мере определяет весь современный этап развития науки. В настоящее время, когда общение народов, в особенности братских советских народов, стало более тесным и глубоким, когда каждая национальная литература развивается в непрерывном взаимодействии с другими литературами путем благотворного взаимообогащения, — изолированное изучение развития какой-либо литературы не может дать глубокой и научно осмысленной картины литературного процесса. Сегодня совершенно очевидно, что дальнейшее изучение отдельных национальных литератур, так же как и истории всемирной литературы, невозможно без глубокого изучения взаимных связей между литературами.

Научная актуальность исследований литературных связей советского периода, когда идейная и творческая общность определяет внутреннее единство многонациональной советской литературы, — делает необходимым изучение корней этих связей — тех богатых традиций культурно-литературного общения, которые издревле существовали между братскими народами нашей страны. Эти традиции имели огромное значение в процессе всего исторического развития

народов и явились плодотворной почвой для расширения культурно-литературных связей в советскую эпоху. Поэтому изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур, как современной, так и ранних эпох, — одно из важнейших направлений советской филологической науки.

За последнее десятилетие интерес к проблеме взаимосвязи и взаимодействия братских литератур особенно возрос. Изменилась в некоторой степени и методология изучения этой проблемы. Если раньше проблема взаимосвязи в большинстве случаев сводилась к одностороннему освещению влияния одной, более богатой литературы на другую, то сейчас не менее последовательно рассматривается и другая сторона вопроса — так называемое обратное влияние. Точнее говоря, литературные связи понимаются ныне как обоюдное влияние, как взаимообогащение, взаимодействие литератур, и это есть тот качественно новый подход советского литературоведения, которое, как и все наше современное художественное творчество, неуклонно руководствуется единственно правильным методом — методом социалистического реализма. Известно, что социалистический реализм основывается на конкретно-историческом подходе к художественным явлениям, а изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур отдельных народов явля-

ется необходимым условием подлинно исторического изучения каждой из этих литератур и, следовательно, всего процесса развития мировой литературы.

Вот почему литературоведы всех братских советских республик все настойчивее и плодотворнее работают в этом крайне важном направлении; в результате создан ряд трудов, посвященных литературным взаимосвязям, которые знаменуют переход от общих теоретических суждений к конкретному и углубленному анализу литературного процесса.

Среди трудов о литературных взаимосвязях, созданных советскими учеными, одно из почетных мест, безусловно, следует отвести двухтомному исследованию известного армянского литературоведа Гургена Нерсесовича Овна — «Русско-армянские литературные связи в XIX—XX веках». Смело можно сказать, что этот фундаментальный труд является одним из наиболее значительных исследований по данной проблеме во всем советском литературоведении.

Г. Н. Ован (Иоанесян) — ведущий литературовед братской Армении, широко известный далеко за ее пределами. Одним из первых среди ученых Закавказья он начал последовательное изучение литературных связей братских народов и посвятил этому благородному делу более тридцати лет. Рецензируемый двухтомник — это своеобразное подытоживание и обобщение многолетнего труда исследователя в области культурно-литературных связей армянского народа. А это очень тяжелая и трудоемкая работа, так как, говоря словами автора, «исторические судьбы армянского народа предопределили его тесное общение со многими народами мира. Это накладывало свой отпечаток и на развитие его культуры. Армянская культура и литература, пройдя многовековой путь развития и сохраняя свою национальную самобытность, всегда отличались особой отзывчивостью и активным восприятием по отношению к опыту и достижениям культуры других народов».

Всестороннее изучение связей, существовавших между армянской литературой и литературами народов Запада и Востока, имеет не только культурно-историческое, но и большое общественно-политическое значение. Анализ этих связей дает богатейший материал для широких теоретических обобщений и выводов.

Но, как подчеркивает Г. Ован, особое место в истории культурного и литературного развития Армении занимают многосторонние связи с Россией и русской литературой. Русская ориенталистика свыше двух веков успешно изучает вопросы культуры и литературы

Востока, а русское армяноведение занимало почетное место в мировой науке о странах ближнего Востока. В конце XIX столетия и особенно в начале XX века расширяется круг русских литераторов, обращающихся к армянской культуре (А. Веселовский, Ю. Веселовский, Е. Некрасова, А. Пыпин, В. Брюсов, М. Горький и другие). В советское время изучение армяно-русских связей получает еще более могучий размах; вслед за трудами Н. Марра и И. Орбели появляются труды А. Иоаннисяна, М. Нерсисяна, Л. Меликсет-Бека, В. Парсамяна, В. Восканяна, А. Кариняна, К. Григоряна, Р. Оганисяна, С. Арешяна, А. Бабаяна, А. Арзуманяна, А. Маркарьяна, В. Варданяна, Р. Заряна, В. Терзибашяна и других.

Учитывая и критически осваивая всю проделанную до него работу, Г. Ован основное внимание сосредотачивает на исследовании конкретных литературных явлений, раскрывающих исключительную роль передовой русской литературы и искусства в развитии национальных культур и, в частности, армянской культуры. Вместе с этим он показывает и то, что дала древняя и самобытная армянская культура передовым представителям русской художественной мысли.

Капитальный труд Г. Овна написан с глубоким знанием многовековой армянской литературы, а также русской литературы исследуемых периодов, с широким охватом материала и глубокими научными обобщениями. Здесь проявились прекрасные качества Овна-исследователя — глубина теоретического мышления и проникновенность литературного анализа. Правильная идейная позиция, умение широко и всесторонне использовать в исследовательской работе метод социалистического реализма, как единственно правильный в современном литературоведении, умение исчерпывающе проанализировать и четко изложить свои доводы — дают автору возможность правильно и легко решать исключительно сложные вопросы подчас крайне противоречивой общественной и творческой жизни.

Широкая эрудиция, хорошая осведомленность в ряде соседних дисциплин (история, философия, искусствознание) помогают этому талантливому исследователю ставить и решать актуальные проблемные вопросы, имеющие значение не только для армянской и русской литератур, но и для литератур всех братских республик. Особый интерес труд Г. Овна вызывает у специалистов по изучению литератур народов Закавказья, ибо в его книге получили решение общие, узловые вопросы взаимосвязи и взаимодействия литератур.

Двухтомная монография Г. Овна состоит из девяти глав, каждая из кото-

рых в конденсированном виде преподносит то основное и главное, что было характерно для взаимосвязей определенного литературного периода. После общего обзора русско-армянских литературно-культурных отношений первой половины XIX века автор подробно останавливается на гоголевских традициях в армянской литературе, ярко и убедительно показывая их роль для таких крупных писателей, как М. Налбандян, П. Прошян, Г. Сундукян, А. Ширванзаде, П. Адамян, О. Абелян, Д. Демирчян, С. Зорян и др.

Особенно интересен тот раздел I тома, который посвящен отношению армянской интеллигенции к русским шестидесятиникам: в главах «Н. Г. Чернышевский и армянская литературно-общественная мысль», «Н. А. Добролюбов и армянская публицистика», «Н. А. Некрасов и армянская поэзия» дано много новых фактов и документов, впервые опубликован ряд ценных материалов, приведены новые сведения об отношении выдающихся армянских деятелей к русским революционным демократам. Автор убедительно показывает идейно-творческие связи не только выдающихся армянских деятелей с передовыми русскими писателями, но и тех, творчество и деятельность которых пока еще не изучены и не оценены по достоинству.

Такую же высокую оценку заслуживает II том монографии, состоящий из трех очень важных глав: «Л. Толстой в оценке армянской интеллигенции», «А. П. Чехов в армянской действительности», «М. Горький и армянская культура». Этим разделам предпослана обзорная глава проблемно-исторического характера — «Русско-армянские литературно-культурные отношения во второй половине XIX века и первых десятилетиях XX столетия».

Собрав богатый и интересный материал, а также научно обработав почти

все ранее добытые сведения по изучаемой теме, Г. Овнан создал всесторонне продуманный труд, в котором на базе многолетней исследовательской работы установил общие тенденции русско-армянских культурно-литературных связей, показал их закономерности, вскрыл как внутренний механизм, так и последствия взаимовлияния двух литератур.

Г. Овнан изучил и использовал не только огромный материал русской и армянской периодической прессы XIX—XX веков, но и многочисленные архивные первоисточники, благодаря чему большая их часть впервые стала достоянием широкой общественности.

При разработке изучаемой проблемы автор никогда не прибегает к поверхностному методу поисков сходных внешних черт двух литератур. Ему почти всегда удается убедительно показать, что армянские писатели, восприняв идейную и художественную суть творчества выдающихся русских деятелей, самобытно, по-своему использовали их достижения, не теряя при этом своей оригинальности.

Г. Овнан обстоятельно и последовательно исследовал связи творчества целого ряда выдающихся деятелей русской культуры и литературы (Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Д. Давыдова, Бестужева-Марлинского, Мешкова, Гагарина, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Толстого, Чехова, Горького и других) с передовыми армянскими писателями и общественными деятелями.

Исключительная объективность, глубокая принципиальность, научная последовательность и высокая требовательность к себе помогли автору избежать каких-либо значительных недочетов и серьезных упущений. Без преувеличения можно сказать, что двухтомная монография Г. Овнана является ценным вкладом в дело изучения литературных связей братских народов.

в которых действуют словацкие солдаты и офицеры, поставлены правдиво и убедительно, и зритель им безоговорочно верит.

Кинооператоры выбирали для съемок яркие и впечатляющие картины, и у них получились высокохудожественные кадры. Ведь Кавказ и Словакия, сами по себе, — это края, где, как сказал наш Франтишек Гечко¹, «...природа, как бы по недосмотру, нагромодила столько красот, что мы могли бы часть одолжить кому-нибудь другому, да и нам бы еще много осталось». Операторы все это использовали, и всюду в военных сценах мы видим могучий Кавказ и синие цепи Словацких гор. Но все-таки надо признаться, что мы ожидали еще большего от кадров, изображающих Черноморское побережье и особенно Сухуми...

Музыка (авторы — Андрошован и Р. Лагидзе) во многом помогает осуществлению режиссерского замысла — воздействовать на наши эмоции, и оттого фильм еще больше выигрывает в смысле впечатления, которое он производит на зрителя.

Пожалуй, можно поставить в упрек режиссерам то, что они не совсем вни-

мательно отнеслись к подбору типажа для некоторых массовых сцен: так, в дачере военнопленных немцы выглядят настоящими грузинами, отчего у зрителя пропадает ощущение реальности происходящего. Такое же точно впечатление производит на словацкого зрителя сон Звары.

Слабо, даже несколько театрально поставлена массовая сцена, происходящая во дворе больницы в момент окончания войны.

В целом, однако, «Прерванная песня» — это большой успех содружества чехословацкого и грузинского кино. Этим успехом фильм обязан правдивому и подлинно художественному изображению исторических событий, а также умелому воздействию на человеческие чувства.

Итак, не «от Татр до Азовского моря», как того хотели фашисты, а от «Кавказа до Татр», до Восстания, и еще дальше — до Праги рождалась слава словацкого солдата Чехословацкого военного корпуса, боровшегося бок о бок с Красной Армией против немецкого фашизма. Этого хотел и этого добился словацкий народ.

Газета «Правда», Прага, 1960, 10. 8.

Иван Дворжак

„Прерванная песня“

В чехословацком журнале «Фильм а доба» напечатана интересная рецензия на появившийся не так давно на экранах страны грузино-словацкий фильм под названием «Прерванная песня». Вспоминая о том, что в Чехословакии уже было выпущено несколько кинокартин, созданных совместно с зарубежными коллегами, автор рецензии пишет о словацко-грузинском фильме:

В то время, как прежде в ряде случаев возникали сомнения в успехе, а самое главное в целесообразности объединения двух, иной раз идейно чуждых друг другу партнеров (так было, например, при создании чехословацко-французского фильма «По течению»); — совместная работа над кинофильмом «Прерванная песня» оказалась чрезвычайно целесообразной и бесспорно успешной.

Естественно, что рассказ о солдате «фашистской армии», который во время войны перешел на советскую сторону, требовал своего сценического воплощения в тесном содружестве с советскими, в данном случае грузинскими, киноработниками. Это плодотворное творческое сотрудничество повлекло за собою два огромных преимущества. Во-первых, оно дало возможность заснять ряд сцен в са-

¹ Словацкий писатель и поэт, родившийся в 1905 г. Основными мотивами его творчества являются трагическое противоречие между привычкой к городской жизни и привязанностью к деревне, «Земле отцов».

мой солнечной Грузии; во-вторых, благодаря тому, что роли героев, принадлежащих к двум разным народам, исполнили актеры — подлинные представители этих народов, была достигнута исключительная правдивость изображения, а тем самым и большая сила эмоционального воздействия на зрителя этого кинофильма, в основу которого легла идея чехословацко-советской дружбы.

В создании сценария, построенного на фактах действительной жизни, принимали участие известный грузинский писатель Константин Лордкипанидзе, словацкий сценарист Альберт Маренчин, а также грузинский режиссер Николай Санишвили, который вместе с нашим Франтишком Жаачеком является постановщиком фильма.

В центре драматического действия — судьба молодого словацкого солдата Мишо Звары, в прошлом сельского учителя. Фашистские главарь затянули его в ряды войск, воюющих против Советской армии. Однако Мишо, подобно большинству своих товарищей, не хочет бороться против тех, кого считает своими братьями, и при первой возможности, — оказавшись во время разведки на «ничьей» земле, — переходит на советскую сторону.

Здесь ему приходится испытать целый ряд драматических переживаний. Постепенно все эти испытания тесно сближают его с новыми друзьями — грузинскими бойцами. Здесь же он знакомится со своей будущей любовью, молодой девушкой — военврачом Элико Геловани. Однако война надолго разлучает молодых людей в самом начале их любви.

После успешного выполнения первого боевого задания — убедить большую группу словацких солдат перейти на советскую сторону — Мишо вместе со своим другом Яном Совьяром уезжают в Бузулук, где формируется первая в Советском Союзе чехословацкая военная часть.

Когда в Словакии начинается народное восстание, Мишо в качестве бойца 1-ой Чехословацкой десантной бригады возвращается на родину. Здесь он опять встречает своего грузинского друга, солдата Гурама. Последний вскоре умирает после боя в Словацких горах, а сам Мишо получает тяжелое ранение. После лечения в тылу его отправляют на поправку в Сухуми, где он в свое время повстречался с Элико.

Но теперь он навеки инвалид и не хочет связывать свою любимую, которая, как ему кажется, может сейчас его только жалеть, но не любить.

Сначала он ее избегает, затем прямо отказывается от нее. Однако, убедив-

шись, что девушка по-прежнему искренне его любит, возвращается вместе с нею, уже своей женой, на освобожденную родину. Новое, счастливое, свободное поколение теперь допевает песню, прерванную войной...

В фильме занят целый ряд лучших грузинских актеров во главе с народной артисткой Советского Союза Верико Анджапаридзе, которая исполняет роль матери Элико Геловани.

Необыкновенная выразительность этого фильма достигнута именно благодаря тому, что в нем ярко проявляют себя две различные национальные культуры — грузинская и словацкая. В результате получилось очень удачное сочетание двух своеобразных манер: богатой пафосом и жестами игры грузинских актеров и сдержанности актеров словацких, в особенности исполнителя роли Мишо Звары — Юлиуса Пантика. Подобное, далеко не простое, органическое соединение двух стилей исполнения постановщикам фильма удалось успешно осуществить благодаря прекрасным актерским достижениям лауреата Государственной премии Юлиуса Пантика и очаровательной грузинской актрисы Лии Элиава — исполнительницы роли Элико.

Пантик создал в этом фильме (после «Великого одиночества») одну из своих лучших ролей в кино, и Лия Элиава оказалась для него превосходной партнершей. Тонко, с большой сдержанностью и вместе с тем с подлинным мастерством показывают артисты нарастающее взаимное чувство Мишо и Элико, их пылкую и целомудренную любовь, так грубо прерванную войной. Среди многих чудесных сцен хочется вспомнить хотя бы ту, где Элико, собираясь на свидание с любимым, впервые за несколько лет сменяет военную форму на нарядное девичье платье. Вдруг радио начинает передавать сводку, рассказывающую о тяжелых боях советских войск, и это сразу напоминает девушке об обстоятельствах времени, в которое она живет, и ей становится мучительно стыдно за то, что она больше занята мыслями о своей любви, чем о храбро борющейся родине... Достоинными партнерами главных героев фильма оказались грузинский артист Отар Коберидзе в роли Гурама и словацкий актер Кароль Махата, играющий друга Звары — Яна Совьяра. Оба они показали, как можно из небольших ролей создать правдивые и запоминающиеся образы простых героев, не теряющих присутствия духа даже в самых тяжелых обстоятельствах.

Однако, к сожалению, приходится признать, что в самом сценарии последняя треть которого переделывалась (явно не в пользу целого) уже в процессе

съёмки, имеются заметные недостатки, с точки зрения как общей композиции, так и развития драматического действия. В нем чувствуется то декларативность, то излишняя лаконичность, как бы то ропливость...

Так, начиная с прибытия Звары в Бузулук, действие разворачивается как то наспех, словно авторы сценария задаются целью уложить в очень короткий отрезок времени слишком много событий: тут и весь сложный путь Мишо Звары с его друзьями из Бузулука в словацкие горы, и ранение героя, и его переживания и сомнения после второго прибытия в Сухуми, и, наконец, возвращение на родину вместе с Элико.

В силу этого в названной части фильма отдельные эпизоды носят отрывочный характер, кажутся недоработанными в их драматическом развитии, и потому много теряют в правдоподобности.

К примеру, напряженный эпизод обороны партизанского бронепоезда подан в таком темпе, что просто не успевает создать впечатления жизненной достоверности. Вся эта сцена, вместе с героизмом защитников поезда, кажется скорее удачной инсценировкой военного эпизода, в целях достижения театрального эффекта, нежели подлинной драматической действительностью.

То же можно сказать и о второй встрече Элико и Мишо. Здесь, наоборот, зрителя так долго к ней подготавливали, что ему не верится в ее драматическую неожиданность (тяжелое ранение Мишо), поскольку задолго до разрешения

всей ситуации он уже понимает, в чем дело.

«Прерванная песня» — цветной фильм, и тут приходится пожалеть о том, что его цветные копии, предназначенные для демонстрации в кинотеатрах, сильно проигрывают из-за плохого качества красок. Это снижает уровень изобразительной стороны фильма, над которым трудились молодые кинооператоры — грузин Дудар Маргиев и словак Винцо Росинец. Особенно ярко проявился их талант в великолепных кадрах, снятых на Кавказском побережье — в частности, в Сухуми.

И все же, несмотря на указанные недочеты последней части фильма, а частично и на технические недостатки, «Прерванная песня» представляет собою крупное художественное достижение ее создателей. Отлично написанные и нашедшие убедительное сценическое выражение образы главных героев очень удачно и со всей глубоко человеческой привлекательностью как бы воплощают в себе дружбу народов Советского Союза и Чехословакии именно в то бурное время труднейших испытаний для обоих.

Хочется отметить особо радостное обстоятельство, а именно, что это большое художественное произведение увидело свет в юбилейном году освобождения нашей родины, и что оно явилось плодом творческого сотрудничества чехословацких киноработников с их советскими друзьями.

Журнал «Фильм а доба», Прага, 1960, № 10.

Агнесса Калинова

Песнь о боевой дружбе

Характерной чертой фильма «Прерванная песня» нам представляется его по-настоящему прямой, простой, не усложненный подход к основной теме. Не поддавшись соблазну воссоздать картину общезвестных теперь крупных исторических событий, авторы показали судьбу обыкновенного среднего человека. Герой фильма, стоящий вначале на позициях пассивного неподчинения словацкому клерикальному фашизму, ста-

новится, в процессе разворачивающихся событий фронта, активным мужественным борцом против этого фашизма.

Молодой учитель Мишо Звара, попав в лагерь для военнопленных, на своем опыте приходит к осознанию всей шаткости, двойственности положения словацкого солдата, которого пришлось приравнять к немцам, пока он на деле не доказывает, что это не так.

Именно эта часть фильма — от момен-

та, когда Звара попадает в плен, и до его нового, добровольного возвращения на советскую сторону в сопровождении целого отряда словацких солдат, склоненных им к побегу из фашистской армии, — является самой сильной и впечатляющей. В ней правдиво показана доподлинная жизнь в боевой обстановке, и в ней содержится реальное зерно конфликта между субъективными переживаниями героя и отношением к нему окружающих. Здесь мы встречаемся с особым, доньше не изображенным в кино толкованием подобной ситуации. Мы видим очень правильно истолкованный, с современной точки зрения, внутренний конфликт, интересный и актуальный для военной тематики... Нам показаны судьбы людей маленькой страны, брошенной в водоворот великих событий.

Менее удачно в фильме развитие той линии, которая как будто бы послужила первым импульсом к его созданию. Любовь между словацким солдатом и грузинской девушкой-военврачом. Стремление втиснуть в рамки фильма растянутую во времени и пространстве, кроме того, не слишком уж драматичную в своем сценическом воплощении историю этой любви привело к тому, что действие местами свивается на простое описание. Мы видим ряд эпизодов и притом неравноценных по силе производимого ими впечатления.

Конечно, сами по себе факты остаются и волнующими, и вполне реальными в их жизненной достоверности. Но часто кажется, будто авторы целиком положились на драматичность самого материала как такового и решили оставить его без художественной обработки, отказавшись от умелого сокращения и конденсирования эпизодов, а стремясь лишь как можно резче подчеркнуть непосредственные переживания героев.

Очень удачны многие сцены фильма, проникнутые романтическим пафосом, как например, прекрасная в своей трагической простоте картина смерти грузинского солдата Гурама в горах Словакии, как бы символизирующая смерть горного орла.

В настоящее время вообще несколько изменился подход к созданию военного сюжета средствами кино. От новых изобразительных средств требуется больше глубины и широты при разработке действия.

В «Прерванной песне» нас прежде всего удивляют неожиданные и необычные методы съемки, как бы молниеносное чередование кадров, слишком быстрые темпы актерской игры в отдельных эпизодах. Мы имеем в виду подход к развитию самого сюжета, где после очень сильной первой части — в лагере

военнопленных часто излишне стираются (очевидно, в целях взаимной вежливости соавторов!) почти все острые углы для зарождения взаимной любви грузинки и словацкого солдата в условиях военной обстановки. Последствия такого противоречия неизбежно сказались на дальнейшем развитии действия, делая его несколько бессвязным и поступки героев необоснованными. Так, например, непонятно, почему жена Гурама сразу проявляет враждебное отношение к Мишо, прогоняя его с порога своего дома.

Своим подходом к сюжету «Прерванная песня» словно частично продолжает тот период советской кинематографии, когда высокая идея подавалась с избыточной внешней пышностью, а факты — со слабо обоснованным пафосом, от которого один шаг к тяжеловесной условности.

Рецидив прежней манеры сказывается порой и в этом фильме на ряде весьма стереотипных, словно уже не раз виденных сцен и ситуаций, как например, первое, невольное, объятие влюбленных во время налета, и второе — на станции, в момент, когда отходит поезд; или же контраст между горем матери и оживленной толпой, празднующей победу. Чувствуются такие моменты и в иллюстративном, порой навязчивом использовании красивых музыкальных мелодий из сокровищницы грузинского и словацкого творчества, а также в тяжеловесности игры некоторых актеров.

Даже цветная фотография прекрасных пейзажей Кавказского побережья и Словацких гор, которая порой рискует приблизиться к сусальности, недостаточно использует трагический контраст между красотой природы и страшной угрозой для жизни, таящейся в самой возможности нашествия варваров.

Однако, все перечисленные недостатки отнюдь не могут умалить всего большого значения этого фильма, его огромной популярности среди широкой массы зрителей, в сердцах которых оживают воспоминания о боевой дружбе с людьми советской страны.

Кроме того, неценимо и само непосредственное эмоциональное впечатление от ряда отдельных моментов, которые он показывает. У всех нас глаза наполнились слезами, когда мы видели грузинскую мать, рыдающую над словацкой землей, в которой похоронен ее сын. Точно так же всегда сжимается у нас горло при взгляде на могилы в Словакии, которые мать не может оплакать...

Фильм, созданный под знаком любви и дружбы

...Сотрудничество с грузинскими артистами принесло очень много положительного опыта работникам словацкой кинематографии. Больше всего мог бы поведать об этом сорежиссер Н. Санишвили — Франтишек Жачек, а также и словацкие артисты. Было чему поучиться, наблюдая художественный вкус и темперамент такого опытного актера и режиссера, как Санишвили, который в свое время работал вместе с Пудовкиным.

Жачек подчеркивает, что, с волнением следя за творческой работой грузинского режиссера, он был особенно удивлен тем, насколько свободна эта любовь от шаблона «школьных азов». Это можно воочию увидеть в выразительном режиссерском сценарии нового совместного словацко-грузинского фильма.

Большой и нелегкой работой для актера оказалась в этом фильме роль словака Михаила Звары, который должен был дать воплощение образа эпического героя. Эта роль стала крупным событием, настоящей большой ролью для артиста Юлиуса Пантика, который сумел с редкой убедительностью создать этот образ.

Когда наши (словацкие — ред.) артисты возвратились домой после трехмесячных съемок в Грузии, Юлиусу Пантику пришлось отвечать как на страницах печати, так и в личных беседах на всех интересующий вопрос: «Что является самым ценным из всего, что вы вынесли для себя, играя в этом фильме?». Ответ актера оказался настолько интересным, что содержание его стоит привести полностью.

Юлиуса Пантика прежде всего поразила обстановка работы во время съемок фильма: систематическое творческое участие артиста в обсуждении репетируемых эпизодов, прекрасные условия, создаваемые актеру для того, чтобы он мог сосредоточить все свое

внимание на одной работе, на одной цели и, наконец, исключительно теплое отношение грузин к своим актерам. «Несмотря на то, что эта роль является шестнадцатой, сыгранной мною в кинофильмах, — сказал Ю. Пантик, — я чувствую себя так, словно она первая, и отдаю ей все свои творческие силы. Режиссер Санишвили предоставил мне полную свободу и оказал полное доверие: он принял ту концепцию роли, которую я создал».

Режиссер Санишвили также высказал свое мнение о создании словацко-грузинского фильма: «Словацкие друзья создали прекрасные условия для совместной работы, в частности, для съемок на «Колибе».

Я должен дать положительную оценку работе словацких актеров. Прежде всего надо отметить интересную работу Юлиуса Пантика над ролью Мишо Звары. Эта его вдумчивая работа очень помогла мне найти правильный тон, соответствующий тому, как мы задумали создать образ главного героя, вокруг которого строится весь сюжет фильма.

Притом еще нужно было работать так, чтобы не нарушить единства общего ансамбля актеров, участвующих в фильме. К счастью, в национальном темпераменте словаков и грузин есть много общего, и это безусловно облегчает совместную работу грузинских и словацких артистов».

Общая работа грузинского и словацкого коллективов над созданием фильма «Прерванная песня» оказалась весьма интересной и полезной для тех и других. Этот фильм является убедительным доказательством братства и любви между нашими народами... и победы этой любви.

Подписано к печати 29 августа 1953 г. 6 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Заказ № 874

Тираж 2500

УЭ 11924

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Цена 40 коп.

6 39 00

ИНДЕКС
76117

ՀԱՅԿՍՏԱՆԻ
ՆՈՑՆՈՐՈՍՅՆ